АЛЬБЕР ДЕ РОША

ВЫВЕДЕНИЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ ВОВНЕ

АЛЬБЕР ДЕ РОША

ВЫВЕДЕНИЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ ВОВНЕ

Опытное и историческое исследование

Об этой книге

Альбер де Роша — французский военный инженер, администратор Политехнической школы в Париже, многие годы изучавший гипноз, магнетизм и тонкие силы человека. В этой книге 1895 года он описывает открытое им явление: в глубоких состояниях гипноза чувствительность испытуемого выходит за пределы тела, располагается вокруг него слоями и может переходить в воду, воск, ткань, фотографическую пластинку — так что прикосновение к ним ощущается самим человеком.

Вслед за опытами де Роша прослеживает историю этой мысли: древнее околдование через изображение, симпатический порошок и оружейную мазь XVII века, магнетическое лечение ран пересадкой и учение шотландского врача Максвелла. Обширные примечания собирают свидетельства ученых и врачей, а цветные таблицы показывают излучения тела, которые видели сенситивы.

Содержание

Предисловие	6
Об объективности истечений, воспринимаемых в виде света в гипнотическом состоянии	13
Выведение чувствительности вовне	56
Околдование	84
Симпатический порошок	124
Магнетическое лечение ран пересадкой	150
Учение Максвелла	173
Примечания	185
Приложение	270

Βάλε ἔξω τὴν ὑπόληψιν, σέσωσαι.
Отбрось мнение — и ты спасен.
Марк Аврелий

ПРЕДИСЛОВИЕ

✦

Прежде чем приступить к изложению необычайных явлений, которым посвящена эта книга, считаю не лишним напомнить читателю, что прежде всего необходимо освободиться от всякого научного предубеждения.

Раз опыт показывает нам, что каждое поколение отвергает теории поколений, ему предшествовавших, мы должны предположить, что теории, принятые сегодня, постигнет та же участь, и помнить мудрый совет сэра Джона Гершеля: «Совершенный наблюдатель, в какой бы области науки он ни трудился, всегда будет держать глаза, так сказать, открытыми на то, что можно неожиданно столкнуться с таким случаем, который, согласно принятым понятиям, не должен бы встречаться, и что именно такие факты служат ключами к новым открытиям».

Эта мысль высказывалась очень часто, и все же она с большим трудом входит в сознание большинства. Если Паскаль в своем «Предисловии к трактату о пустоте» считал нужным прибегнуть к ней (см. примечание А в конце книги), чтобы извинить смелость своих положений о тяжести воздуха, которые очень легко было проверить, то насколько же больше она нужна нам, когда речь идет о явлениях редких и мимолетных, трудно воспроизводимых, в действительности которых нам, как правило, ручается не свидетельство собственных чувств, а лишь свидетельство посторонних людей, чьи утверждения так и хочется заподозрить, особенно когда в них видишь опасность для своих философских или религиозных убеждений? А ведь исследования, начало

которых я сегодня излагаю, ведут к решению таких волнующих вопросов, как существование души и природа ее связей с телом.

До сих пор философы рассматривали этот вопрос с метафизической стороны; я пытаюсь подойти к нему опытным путем и дать, таким образом, доказательства того рода, к которому наше воспитание сделало нас особенно восприимчивыми. Этот путь, впрочем, уже открыл нам за последние несколько лет горизонты, лишь смутно угаданные нашими предшественниками: возможность подменить собственную личность испытуемого чужой волей, завладев при помощи известных приемов тем посредником, который связывает его дух с его плотью.

В этой книге, излагая собственные опыты, я делал это со всей возможной искренностью и старался сохранить, так сказать, их облик, чтобы им не приписали большего значения, чем то, какое они имеют в моих собственных мыслях: нет ничего опаснее ложной мысли, пущенной в ход под прикрытием авторитетного слова.

Я собрал множество исторических документов, чтобы показать, что установленные мной явления вовсе не так новы, а следовательно, и не так неправдоподобны, как склонны думать; но, на мой взгляд, было бы напрасным трудом пытаться отделить в них истинное от ложного: то, что кажется нам невозможным сегодня, через несколько лет может перестать нам таким казаться. Поэтому я ограничился тем, что черпал их из подлинных источников и переписывал точно, чтобы дать читателю возможность, если он пожелает, самому проделать ту работу, которую я счел бесполезной.

Ученые XVII века, которым мы обязаны столь великими открытиями и столь верными и вместе смелыми взглядами на

природу вещей, все же не смогли вполне избавиться от недостатков своего времени. Средневековая схоластика приучила их слишком полагаться на слово Учителя и смешивать область физики с областью метафизики; отсюда почти полное отсутствие критики в отношении фактов, на которые они опирали свои рассуждения, и ошибочность выводов, которые они доверчиво выдавали за общие, не замечая — хотя это бросалось в глаза, — что на деле те относились лишь к исключительным случаям.

В наши дни, впадая в обратную ошибку, склонны признавать действительно доказанным лишь то, что можешь воспринять сам, и не задумываются о том, что нервное устройство, которое мы здесь изучаем, так же различно у разных людей, как их ум и нравственный склад.

Истина лежит между этими двумя крайностями: есть люди, которые по охвату и остроте своих чувств настолько же превосходят обычных людей, насколько Наполеоны, Моцарты, Рафаэли и Архимеды превосходят их в других отношениях; но так как природа никогда не действует скачками, между ними встречаются все промежуточные ступени.

Если бы наши исследования нуждались в ином оправдании, кроме того благородного беспокойства, которое, по выражению Сенеки, всегда влечет человеческую душу к неведомым областям, откуда она ведет свое божественное происхождение, мы указали бы, что история народных верований, как и история душевных и нервных болезней, озаряется светом, если допустить эти промежуточные ступени необычных способностей, до сих пор не признанные лишь потому, что за недостатком достаточного увеличения, если можно так выразиться, они ускользали от исследования.

Аньела (Изер), 25 сентября 1894 г.
Альбер де Роша

Таблица I. Рис. 1 — Хризантема со своим ореолом (полюс N, красный). Рис. 2 — Кристалл сернокислой извести. Рис. 3 — Кристалл исландского шпата.

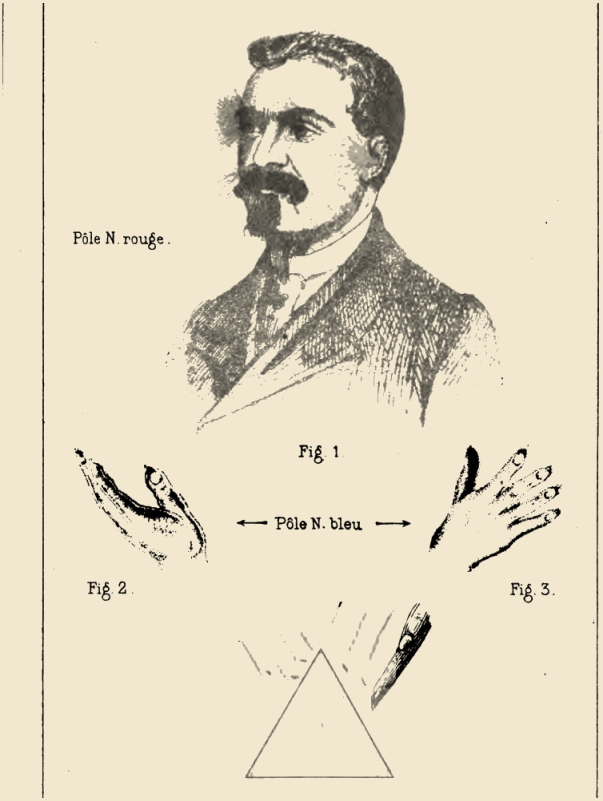

Таблица II. Рис. 1 — Истечения лица (полюс N, красный). Рис. 2 и 3 — Истечения рук (полюс N, синий). Рис. 4 — Преломление светящихся слоев левой руки сквозь гипсовую призму.

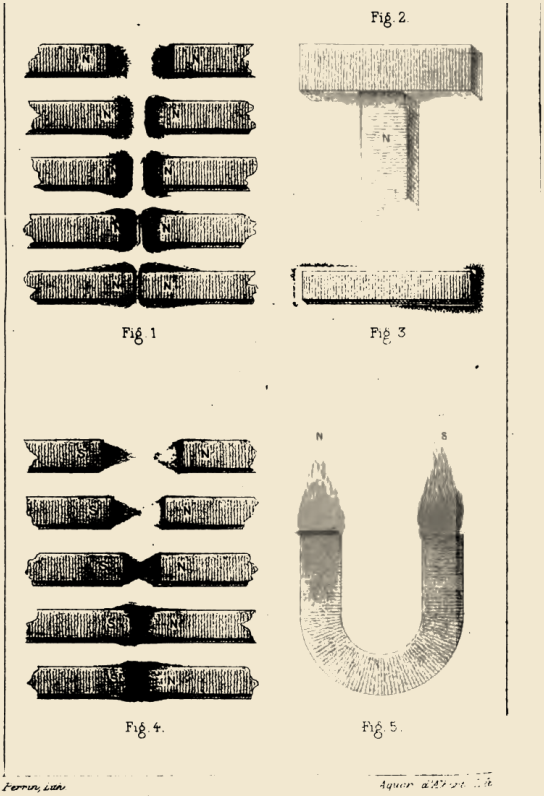

Таблица III. Истечения полюсов магнитов. Рис. 1 — Истечения одноименных полюсов отталкиваются (пять положений магнитов). Рис. 2 — Истечение северного полюса магнитного бруска, оттесненное бруском мягкого железа, положенным поперек. Рис. 3 — Брусок, нарисованный под влиянием внушения: истечения на концах с возвратом вдоль граней. Рис. 4 — Истечения разноименных полюсов притягиваются и проходят друг сквозь друга. Рис. 5 — Истечения полюсов N и S подковообразного магнита.

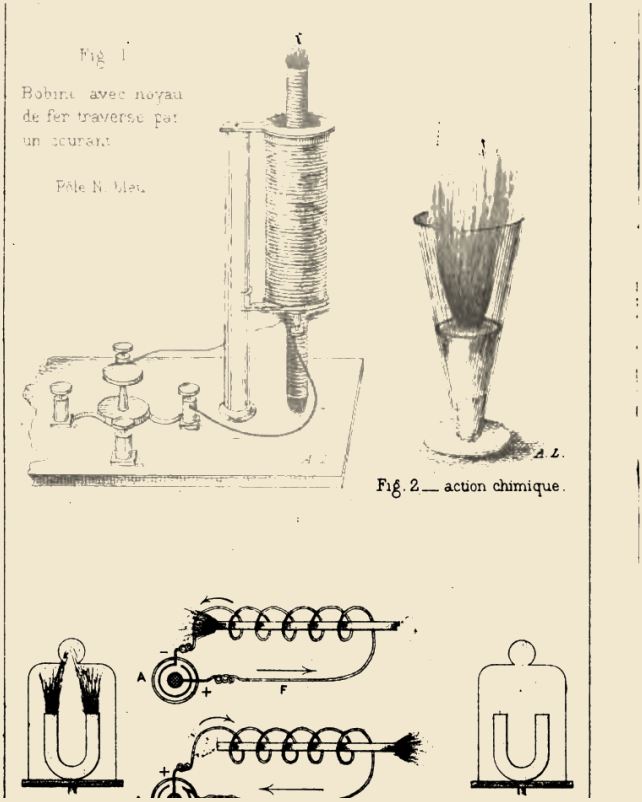

Таблица IV. Рис. 1 — Катушка с железным сердечником, по которой идет ток (полюс N, синий). Рис. 2 — Химическое действие. Рис. 3 — Схема окраски истечений в зависимости от направления тока. Рис. 4 и 5 — Подковообразный магнит под колоколом пневматической машины: при обычном давлении и после откачки воздуха.

ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ ИСТЕЧЕНИЙ, ВОСПРИНИМАЕМЫХ В ВИДЕ СВЕТА В ГИПНОТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ

✦

I

С давних времен отмечали существование светящихся истечений, исходящих от некоторых особо одаренных людей; аббат Рибе приводит множество таких случаев в своей «Божественной мистике» (т. II, гл. XXIX), а церковные изображения закрепили это предание ореолом святых и лучами, исходящими из пальцев Девы Марии или от чела Моисея.

При первых наблюдениях над животным магнетизмом заметили, что большинство сомнамбул, обладавших общей гиперестезией (обостренной чувствительностью) органов чувств по отношению к своему магнетизеру[1], замечали у него сходное явление, невидимое для других людей.

---

[1] См. примечание B (Доклад г-на де Жюсье о животном магнетизме).

> «Большинство сомнамбул, — говорит Делез[2], — видят светящийся и блестящий флюид, окружающий их магнетизера и с особой силой исходящий из его головы и рук; они признают, что человек может производить его по своей воле, направлять его и пропитывать им различные вещества. Некоторые видят его не только находясь в сомнамбулизме, но и еще несколько минут после того, как их разбудили; запах его кажется им очень приятным, и он сообщает особый вкус воде и пище. Некоторые люди замечают этот флюид, когда их магнетизируют, хотя они и

не находятся в сомнамбулизме; я встречал даже таких, кто видит его, магнетизируя сам, но такие случаи крайне редки».

[2] «История животного магнетизма», 1813, с. 84.

Около середины нынешнего века доктор Деспин в Экс-ле-Бене и доктор Шарпиньон в Орлеане подтвердили прежние наблюдения и, сверх того, многочисленными опытами установили, что некоторые сомнамбулы способны воспринимать в виде более или менее светящегося тумана не только невидимые для нас излучения статического или динамического электричества, но и истечения, исходящие от некоторых тел, в особенности от магнитов, золота, серебра.

Почти в то же время ученый австрийский химик барон Рейхенбах открыл, что для восприятия световых ощущений, о которых я только что говорил, сомнамбулическое состояние не обязательно, и установил, что у некоторых людей они появляются после пребывания в течение нескольких часов в глубокой темноте.

Одаренный замечательным научным умом и редким упорством, располагая к тому же очень большим состоянием, он не жалел ни времени, ни денег, чтобы применить новый способ исследования, изобретенный им самим; результаты своих изысканий он опубликовал в нескольких книгах, к сожалению, слишком мало известных во Франции; краткий обзор их я дал в одной недавней работе[3].

[3] «Флюид магнетизеров. Изложение опытов барона Рейхенбаха над его физическими и физиологическими свойствами». Париж, Карре, 1891.

В примечании С читатель найдет доклад, сделанный в 1846 году Берцелиусом в Стокгольмской академии наук о некоторых опытах Рейхенбаха.

Физиологическое действие магнита недавно было снова установлено в Нью-Йорке г-ном У. Хэммондом («Анналы психиатрии и гипнологии», ноябрь 1894). Вот один из опытов, о которых рассказывает этот наблюдатель:

«Господин тридцати лет, отнюдь не впечатлительного склада, по моей просьбе обнажил правую руку, засучив рукав рубашки до плеча, и вытянул ее во всю длину на столе. Тогда я взял платок и плотно завязал ему глаза, сказав, что хотел бы, чтобы он сообщал мне, какие ощущения будет испытывать во время опыта. Побудив его таким образом сосредоточить внимание на этой части тела, я поднес сильный подковообразный магнит почти вплотную к его затылку, примерно на дюйм от кожи.

По прошествии 32 секунд по моим часам он сказал: „Я совсем ничего не чувствую в руке, но испытываю странное онемение за шеей“. Десять секунд спустя он воскликнул: „Теперь мне кажется, будто вы водите зажигательным стеклом у меня за шеей“. Я убрал магнит и спросил, не чувствует ли он чего-нибудь в руке. — „Нет, — ответил он, — кажется, нет“.

Пока он говорил, я быстро поднес магнит к его макушке и в то же время ударил его по руке ножом для бумаги. — „Я чувствую, — сказал он, — что вы ударяете меня чем-то, но онемение, которое я ощущал в шее, исчезло и теперь находится как раз над моей головой“.

Тогда я отвел магнит и стал водить им над рукой от плеча до кончиков пальцев на расстоянии около дюйма от поверхности кожи. После двух или трех таких пассов он сказал: „Теперь я чувствую что-то в руке; ощущение такое, будто вы колете мне руку булавками, хотя мне от этого нисколько не больно. Теперь мне кажется, что зажигательное стекло слегка жжет мне руку по всей длине“.

Опыт видоизменяли и по-другому, и всегда с подобным же результатом. Было очевидно, что магнит вызывал раздражающие ощущения в тех частях тела, где его близость не подозревалась».

Наблюдения над целебным действием магнитов на некоторых людей за последние два века насчитываются тысячами и не оставляют никакого сомнения в реальности истечений, которые магниты испускают.

Ограничусь здесь несколькими выдержками из одной из этих книг[4], где он излагает явления, изучение которых я возобновил в иной форме.

[4] «Одические и магнитные письма». Штутгарт, 1856.

«Отведите сенситива в темноту, возьмите с собой кошку, птицу, бабочку, если сможете ее достать, и несколько горшков с цветами. Через несколько часов темноты вы услышите от него любопытные вещи: цветы выступят из темноты и станут различимы; сначала они выйдут из черноты общего мрака в виде отдельного серого облачка; позже в нем образуются более светлые точки; наконец каждый цветок станет отчетливым, и формы будут проступать все яснее. Однажды я поставил один из таких горшков перед г-ном Эндлихером, выдающимся профессором ботаники, который был средним сенситивом; он воскликнул с изумлением, смешанным с испугом: „Это синий цветок, это глоксиния“. Это действительно была *Glocinia speciosa, var. cærulea*, которую он увидел в полной темноте и узнал по форме и цвету.

Но без света в темноте ничего не увидишь; нужно было присутствие света, чтобы разглядеть растение с такой ясностью, что можно было узнать не только форму, но и цвет. Откуда же брался этот свет? Он исходил от самого растения, которое он освещал: завязи, пыльники, пестики, венчики, стебли — все казалось тонко освещенным; можно было различить даже листья, хотя они были темнее. Все виделось словно в мягком накале: ярче всего были органы размножения, затем стебель и, наконец, листья.

Ваша бабочка, ваша кошка, ваша птица — все они так же появятся в темноте, некоторые части этих животных станут светящимися. Вскоре сенситив объявит, что видит и вас самих... Обратите его внимание на руки; сначала они будут слабо напоминать серый дым, затем станут похожи на силуэт на слабо освещенном фоне, наконец пальцы покажутся в собственном свете; у каждого пальца он увидит светящееся продолжение, которое порой может показаться таким же длинным, как сам палец. Когда пройдет первое удивление перед светоносной способностью всех людей, до сих пор никому не известной, и вы захотите направить внимание

своего сенситива на подробности этих свечений, вы, быть может, услышите от него, к новому своему удивлению, что цвета в разных частях тела не одинаковы: что правые руки светятся голубоватым огнем, тогда как левые кажутся желто-красными и что поэтому первые кажутся темнее вторых; что такое же различие есть и между ногами; что даже вся правая сторона вашего лица и всего тела голубоватая и темнее левой, которая желто-красноватая и кажется заметно светлее. (Письмо 5.)

Свой первый опыт с магнитами я сделал с мадемуазель Новотни в Вене в апреле 1844 года и затем повторял его сотни раз с другими сенситивами в темной комнате. — С каждого конца магнитного бруска исходит светящееся пламя, жгучее, дымящееся и мечущее искры, синее у северного полюса, желто-красное у южного. — Если поставить брусок вертикально южным полюсом вверх, сенситив скажет вам, что пламя выросло. Если магнит достаточно силен, пламя поднимется до потолка и даст на нем светящийся круг в 1, 2, даже 3 фута диаметром, настолько ясный, что испытуемый, если он достаточно чувствителен, сможет описать вам подробности потолка. Но, предупреждаю вас, не пренебрегайте ни одной из мер предосторожности, которые я вам указал, чтобы добиться полной темноты, и готовьте глаза вашего сенситива целыми часами; без этого он ничего не увидит, вы будете трудиться понапрасну, и точность моих утверждений рискует попасть под незаслуженное подозрение. (Письмо 4.)»

Опыты Рейхенбаха были повторены теми же приемами магнетизером по профессии г-ном Дюрвилем, который уточнил их новыми наблюдениями; их итоги он изложил в книге, написанной для распространения своего учения, под названием «Опытный и лечебный трактат о магнетизме» (с. 99–115; Париж, 1886). Он учит, как и австрийский ученый, что правая сторона человеческого тела в целом синяя, а левая — желтая и что органы

чувств (глаза, уши, ноздри и т. д.) испускают истечения соответствующих цветов.

Некоторое время спустя мои занятия глубокими состояниями гипноза привели меня к выводу, что:

1) способность видеть, которую первые магнетизеры приписывали сомнамбулам, проявлялась, как правило, только в том состоянии, которое я назвал состоянием связи, и исчезала, когда сон становился глубже;

2) у очень чувствительных испытуемых можно вызвать состояние связи в любом члене, в частности в глазах, действуя магнетически на эти органы, тогда как остальное тело остается в естественном состоянии;

3) в этих условиях некоторые испытуемые приобретают временную сверхвозбудимость зрения, позволяющую им видеть при полном свете истечения — предмет этого исследования.

В отделении доктора Люиса в больнице Шарите я встретил испытуемого по имени Альбер Л., который в высокой степени обладал этой последней способностью и к тому же был рисовальщиком по профессии, так что благодаря любезности доктора Люиса, которому я открыл это необычное свойство, мы оба получили рабочее орудие, намного превосходящее то, каким пользовались наши предшественники: вместо того чтобы полагаться, как они, на более или менее смутные описания, мы могли получать рисунки и даже картины в красках, которым испытуемый умел придать всю желаемую точность, при одной простой предосторожности — время от времени возвращать его глаза в нужное состояние, то самое, в котором, как установил г-н Люис с помощью офтальмоскопа, *глазное дно представляет явление внефизиологического сосудистого возбуждения*[5] и сосуды увеличиваются в объеме почти втрое.

[5] Отчеты Биологического общества, заседание 17 июня 1893 г.

Четыре цветные таблицы, помещенные перед этой главой, воспроизводят некоторые из этих рисунков; мы передали их как можно точнее, чтобы сохранить за ними значение документов в исследованиях, где все еще далеко от объяснения.

По наблюдениям г-на Люиса, сделанным с помощью Альбера Л., правая сторона человеческого тела *обычно*[6] окрашена в синий цвет. Глаза, уши, ноздри, губы испускают излучения того же цвета, и эти излучения тем сильнее, чем крепче испытуемый. Левая сторона испускает через органы чувств красные истечения, и их сила точно так же меняется в зависимости от состояния испытуемого.

[6] Как будет видно из дальнейшего, испытуемые часто меняют местами цвета, которые приписывают истечениям; но тогда они меняют их все одинаково, каково бы ни было их происхождение.

Так, на таблице II, рис. 1, правая сторона показана красной, а левая синей; но в этом случае испытуемый меняет местами и цвета, которые приписывает полюсам магнита: северный полюс он видит красным, а южный синим.

Отсюда и те противоречия и несогласия, которые отмечаются в утверждениях разных авторов и даже одного и того же наблюдателя. Г-н Люис, например, приписывает истечениям северного полюса то синюю окраску («Анналы психиатрии», июль 1892), то красную (те же «Анналы», октябрь 1893).

Продолжая опыты в русле своих профессиональных занятий, доктор Люис заметил, что у истерических испытуемых, мужчин и женщин, окраска правой стороны становится фиолетовой и что в тех случаях, когда есть паралич вследствие угасания нервной деятельности, светящиеся излучения кожи усеяны черными точками. Он установил также, что глазные истечения сохраняются несколько часов после смерти и что если вскрыть череп живого животного, правая доля мозга кажется прекрасного синего цвета,

а левая — прекрасного красного, пока жизнь не угаснет совершенно; это показывает, что для такого рода действия мозга нет перекреста, какой есть для его двигательных и чувствительных действий.

Когда ухо тугое, то есть когда наблюдаемый человек более или менее глух, световое излучение уха значительно уменьшается. Живая рыба, вынутая из воды, испускает излучения, подобные излучениям других животных; но когда она в воде, излучения становятся невидимыми, вероятно потому, что растворяются. Синие истечения исходят также от северного полюса магнита и от положительного полюса батареи, тогда как отрицательные полюсы магнита и батареи дают красные истечения; индукционные катушки покрываются желтым свечением, когда по ним идет ток.

Все эти наблюдения нуждаются в многократной проверке, прежде чем их можно будет принять без оговорок, тем более что я убедился, путем опытов, которые методически вел более пятнадцати лет со многими испытуемыми, что описания окраски, которые давали эти испытуемые, не всегда совпадали; один и тот же испытуемый порой даже менял свои утверждения от одной минуты к другой то под влиянием перемены своего гипнотического состояния, то под влиянием иного положения предмета, испускающего истечения.

Постоянно же — и это следует считать доказанным наравне с любым историческим фактом, свидетелями которого мы сами быть не могли, — существование светового ощущения, которое воспринимает множество людей в указанных нами условиях.

Чисто ли *субъективно* это ощущение, то есть только ли оно плод воображения сенситива, или оно *объективно*, то есть вызвано действием внешней материальной причины, и, в

последнем случае, какова может быть эта причина? Таковы условия задачи, которую я поставил себе решить, используя средства, какие дают современные физические знания, и меры предосторожности, каких требуют столь тонкие изыскания.

Мне посчастливилось привлечь в сотрудники выдающегося физика, г-на С.; он любезно согласился сам составить отчет о наших работах, но, занимая, как и я, официальное положение, предпочитает не называть себя, чтобы избежать неблагосклонных суждений людей, совершенно далеких от рода исследований, которым мы заняты.

В этом отчете мы избегали сопоставлений с тем, что было найдено другими опытниками; г-н С. к тому же совсем не знал истории вопроса, и мы условились, что я не буду ее касаться, чтобы не повлиять на его образ действий; когда он говорит о том, что видят испытуемые, речь идет только о тех, с кем мы работали вместе.

Сравнить наши результаты с теми, что подробно описаны в трудах, названных мной выше, предоставляется читателю.

II. Программа исследования

Задача в том виде, как она только что поставлена, требует ясного ответа на следующие семь вопросов.

Первый вопрос. — Воспринимается ли действительное явление, или описание, которое дает испытуемый, вызвано его недобросовестностью либо работой его воображения? Если здесь лишь обман или галлюцинация, дело сразу решено, и идти дальше незачем. Если же, напротив, удастся установить, что описания испытуемого соответствуют чему-то действительному, что несомненно сохраняется во многих опытах, где над испытуемым

ведется строгий контроль, основанный на научных приемах, о которых он не может знать, тогда у нас есть твердая почва, чтобы заложить основание всего здания.

Второй вопрос. — Тогда сразу приходит на ум второй вопрос: если явление действительно, каким органом оно воспринимается? В самом деле, не следует слишком спешить с выводом, что раз речь идет о явлении из разряда тех, которые мы называем световыми, то восприятие его непременно совершается через сетчатку; возможно, что при некоторых условиях оно происходит иным путем (можно указать на явление цветного слуха); — и когда речь идет о гипнозе, то есть о состоянии, которое вносит столь глубокие изменения в чувствительность различных частей нервной системы, не лишне выяснить, каким органом воспринимается истечение.

Третий вопрос. — Этот орган восприятия дает каждому испытуемому ощущение, которое может зависеть и от самой природы явления, и от собственного темперамента каждого человека. Необходимо знать, как эти различные влияния могут сказываться на описаниях каждого испытуемого.

Четвертый вопрос. — Естественно подумать и о том, что истечение, если оно существует, может обладать еще некоторыми свойствами, меняющимися в зависимости от рода силы, которая его производит; так мы приходим к необходимости определить влияние различных форм энергии.

Пятый вопрос. — Гипноз включает в себя ряд различных состояний; меняется ли восприятие истечения, если оно действительно, в зависимости от того, в какое из этих состояний помещен испытуемый? Этот вопрос необходимо решить, чтобы можно было ставить испытуемого в наиболее благоприятные для опыта условия.

Шестой вопрос. — Очень важный вопрос — о влиянии, которое внушение могло бы оказать на то, как испытуемый описывает истечение. Под внушением мы понимаем здесь направляющую и стойкую мысль, запечатленную в мозгу испытуемого действиями или словами прежде того момента, когда он описывает истечение. Ответ на этот вопрос должен указать, какие меры предосторожности следует принять, если понадобится, чтобы оградить себя от серьезного источника ошибок.

Седьмой вопрос. — Наконец, следует спросить себя, нет ли какой-либо трудности или даже невозможности объяснить с теоретической точки зрения возникновение и восприятие истечения. Иначе говоря, могут ли возникновение и восприятие истечения быть объяснены нашими современными научными знаниями? Рассмотрением этого вопроса мы и закончим эту работу.

Программа нашего исследования, таким образом, ясно определена, и теперь мы изложим ответы, которые наши опыты и рассуждения дают на эти различные вопросы.

Первый вопрос

Воспринимается ли действительное явление?

Для решения этого вопроса мы поставили ряд опытов, условия которых были так сочетаны, что испытуемый никак не мог в них разобраться; эти опыты были применением некоторых четко определенных физических законов, не оставлявших ни малейшего сомнения в результате, который предстояло получить.

Кроме того, чтобы оградить себя от всякого источника ошибок, который мог бы происходить от внушения, полученного испытуемым, при нем не произносилось ни одного слова,

способного на него повлиять, ни в бодрствовании, ни в гипнотическом состоянии. Ему задавали только вопрос: «Что вы видите?»

Наконец, чтобы исключить всякую мысль о внушении, даже невольном, обязанности двух опытников были четко разделены: г-н де Роша занимался тем, чтобы привести испытуемого в нужное состояние; г-н С. выполнял действия втайне от испытуемого, а также и от г-на де Роша, никак не касаясь гипнотической части.

Так как подробное описание всех этих опытов увело бы нас слишком далеко, мы изложим только те, которые были осуществлением трех физических принципов, дающих очень четкие результаты: намагничивания током, преломления и поляризации света.

Они были выполнены с помощью испытуемого, г-на Альбера Л., который отличался той замечательной особенностью, что мог рисовать и писать красками, в самый момент наблюдения и с натуры, истечения, которые, по его словам, видел.

Таким образом, вместо словесных описаний, неизбежно смутных и неполных, у нас были точные цветные рисунки, показывающие все подробности того, что испытуемый, по его словам, видел.

а) Электромагнит. — Первым из примененных принципов был принцип электромагнита.

Вот устройство опыта.

Цилиндрический железный стержень помещен внутрь катушки из изолированной медной проволоки, оба конца которой соединены двумя медными проводами с двумя зажимами, укрепленными на дощечке; два других зажима, укрепленных на той же дощечке, соединены двумя медными проводами с двумя

полюсами двухромовой батареи с одной жидкостью (бутылочного типа). Четыре пружины, соединенные с этими четырьмя зажимами, прижимаются к цилиндру из изолирующего вещества, в который вделаны две медные пластинки; поворачивая этот цилиндр в разные положения, можно получить следующие сочетания: соединение двух полюсов батареи с двумя концами катушки, то есть прохождение тока в одном направлении; — или прекращение всякой связи между батареей и катушкой, то есть перерыв тока; — или соединение двух полюсов батареи с концами катушки в обратном порядке, то есть прохождение тока в направлении, противоположном первому. (Таблица IV, рис. 1.)

Проводники, соединявшие катушку и батарею с зажимами дощечки, были перепутаны между собой (они были покрыты гуттаперчей) так, чтобы совершенно скрыть направление тока от испытуемого, который, впрочем, не мог понять и положения переключателя.

Ход каждого опыта был следующий.

Поворачивали переключатель и останавливали его в каком-нибудь положении, не стараясь определить, в каком; испытуемого, приведенного в гипнотическое состояние, помещали перед электромагнитом.

Сеанс проходил между 2 и 4 часами дня, и освещение было дневным, ослабленным шторой.

Испытуемый давал свое описание; затем к каждому из двух концов железного сердечника электромагнита поочередно подносили маленький компас-брелок, зажатый в ладони, которого испытуемый не мог видеть; да если бы он его и увидел, это указание было бы для него бесполезно, так как к этому моменту описание было уже сделано и записано.

Так определяли, идет ли ток, и если идет, то каковы полюсы и направление тока.

Этот опыт был выполнен много раз (двадцать два), с перерывами то в несколько минут, во время которых испытуемого будили для краткого отдыха, то в несколько дней.

Описания испытуемого всегда согласовались с действительно произведенным явлением; *в каждой серии*, то есть *при одном и том же состоянии испытуемого*, они указывали: синее истечение на одном конце сердечника и красное на другом всякий раз, когда по катушке шел ток; смесь синего и красного на каждом конце, когда направление тока резко меняли; затем, через несколько секунд, перемену окраски истечений, то есть замену синего истечения красным и наоборот; наконец, ничего, когда ток был прерван.

Перерыв тока несколько раз производили и не касаясь переключателя, а отсоединяя втайне от испытуемого один из соединительных проводов; испытуемый тотчас объявлял, что больше ничего не видит.

Пытались также прекратить ток, поднимая цинки батареи так, чтобы вывести их из жидкости: так думали сбить испытуемого с толку; раз тока уже не должно было быть, испытуемый не должен был ничего видеть. Однако он объявил, что по-прежнему видит оба истечения. Поднесли компас, и он показал, что действительно есть еще довольно сильная поляризация железного сердечника и, следовательно, весьма ощутимый ток. Тогда осмотрели батарею, и легко было установить, что этот ток вызван каплями жидкости, увлеченными цинками и оставшимися на эбонитовых деталях, которые отделяют цинки от углей; эти капли соприкасались с цинками и углями и были достаточны, чтобы продлить работу батареи, что вполне ясно показывала и игра переключателя.

В некоторых опытах, подробности которых указаны ниже (см. «Шестой вопрос»), изолированную медную проволоку намотали на стальной сердечник, а затем втайне от испытуемого соединили с двумя полюсами батареи. В момент замыкания тока Л. отметил появление двух истечений на двух концах бруска; эти два истечения сохранились и после прекращения тока. Между тем Л. никак не мог отличить в этих двух случаях мягкое железо от стали.

b) Преломление. — Второй примененный принцип — преломление света, которое позволяет разделять и анализировать световые излучения по длине их волн или, что то же самое, по числу колебаний в секунду.

Для этого мы воспользовались спектроскопом, состоящим из коллиматора, призмы и зрительной трубы. Помещая источник белого света перед щелью коллиматора и наклоняя окуляр вправо или влево на оси трубы при помощи шестеренки, можно было приводить в поле трубы ту или иную часть спектра. Наклонив окуляр влево, можно было выделить красные излучения; наклонив его вправо, получали одни синие и фиолетовые излучения.

Таким образом, по положению окуляра было легко проверить природу окраски, которую, по словам испытуемого, он видел в трубе, когда перед щелью помещали достаточно сильные истечения.

Чтобы хорошо понять дальнейшее, надо заметить, что один и тот же испытуемый не всегда приписывает одну и ту же окраску одному и тому же истечению, как и, вообще говоря, любому источнику света из тех, которые может воспринимать человек в нормальном состоянии.

Эта окраска меняется в зависимости от состояния испытуемого и степени его усталости. Так, северный полюс одного и того же магнита может видеться то синим, то красным в разных сериях опытов. Точно так же спектр[7], видимый прямо или в проекции на экран, воспринимается то обычным образом, то перевернутым — с фиолетовым на месте красного и наоборот. (См. «Третий вопрос».)

[7] Источником света было пламя газовой лампы.

Установив это, приведем опыты, которые мы выполнили со спектроскопом.

Для всех них в помещении создавался полумрак, более благоприятный для испытуемого Л., чем полная темнота, при восприятии и описании истечений.

В первой серии мы помещаем впереди и немного ниже щели коллиматора магнитный брусок средней силы; испытуемый ничего не видит.

Брусок заменяют газовой лампой; испытуемый видит тогда спектр, но перевернутый. Окуляр смещают так, чтобы выделить синий и фиолетовый; Л. видит красный. Затем выделяют красный; Л. видит фиолетовый.

Этот опыт, повторенный несколько раз подряд, дает все тот же результат.

Пока испытуемый смотрит в трубу, причем окуляр установлен так, чтобы принимать только настоящие синий и фиолетовый, г-н де Роша помещает кончики пальцев впереди и немного ниже щели. Испытуемый объявляет, что свет, который он видел красным, стал фиолетовым.

Пальцы слегка смещают втайне от Л., так чтобы изменить направление истечения и отвести его от поля щели. Испытуемый

тотчас объявляет, что свет снова стал красным. Опыт повторяют несколько раз, всегда с тем же результатом.

Но такая замена красного ощущения фиолетовым может произойти лишь в том случае, если к этому красному ощущению добавится другое, синее или фиолетовое; надо заключить, что атмосфера кончиков пальцев испускает излучения, дающие Л. синее или фиолетовое ощущение; это и в самом деле подтверждается описаниями испытуемого, который видит кончики пальцев синими, более или менее с фиолетовым оттенком. Можно пойти и дальше: так как нынешнее положение окуляра позволяет принимать только излучения, действительно имеющие синюю или фиолетовую окраску, мы вправе заключить из этого опыта, что атмосфера кончиков пальцев испускает на самом деле излучения, длина волны которых близка к длине волн синего и фиолетового.

Так мы пришли к мысли, что если испытуемый ничего не видел в спектроскопе с магнитом средней силы, хотя щель была открыта насколько возможно, то это, вероятно, объяснялось тем, что истечения этого магнита (которым Л. приписывал длину всего от 1 до 2 сантиметров) были недостаточно сильны для сравнительно умеренной степени чувствительности испытуемого.

Поэтому опыт был повторен на другом сеансе, на этот раз с очень большим подковообразным магнитом[8].

[8] Этот магнит, составленный из 6 пластин, может держать 250 килограммов.

Спектроскоп сначала поставили так, чтобы ось прибора проходила немного выше северного полюса, а щель коллиматора приходилась в нескольких сантиметрах впереди продолжения передней вертикальной грани магнита; обе ветви магнита были вертикальны. В этих условиях истечение, если оно было, должно

было подниматься вертикально над полюсом и играть по отношению к спектроскопу ту же роль, что и пламя.

В помещении стоял полумрак, и матовая черная ткань, натянутая по другую сторону магнита, задерживала всякое постороннее излучение, которое могло бы проникнуть в прибор.

Сначала проверили, что нормальный глаз, помещенный у окуляра трубы, не получает света, даже если поставить перед щелью белую бумагу.

Вот теперь подробности сделанных наблюдений.

Испытуемый смотрит в трубу; при помощи шестеренки окуляр смещают вправо; испытуемый говорит, что видит очень яркую синюю окраску. Окуляр ведут влево — синий ослабевает, и окраска переходит в неяркий красный.

Пока испытуемый смотрит в трубу, прибор слегка смещают так, чтобы его ось прошла рядом с истечением; испытуемый тотчас объявляет, что больше ничего не видит.

Движение продолжают, и ось прибора проходит над южным полюсом. Окуляр в это время сдвинут влево. Испытуемый объявляет, что видит яркую красную окраску. Окуляр ведут вправо; красный теряет яркость и уступает место более густому синему.

Возвращаются к северному полюсу, проходя через промежуток между двумя ветвями, и снова получают тот же результат.

Спектроскоп убирают. Испытуемый, подведенный к магниту, описывает два истечения высотой от 20 до 30 сантиметров, одно синее над северным полюсом, другое красное над южным.

Переходят к другим опытам, будят испытуемого, который несколько минут отдыхает; затем его снова приводят в гипнотическое состояние. Его снова подводят к спектроскопу и повторяют опыт; он видит все так же, как прежде.

c) Поляризация. — Две призмы Николя, укрепленные на подставках, стояли одна перед другой, и каждую можно было поворачивать в ее оправе вокруг своей оси. Каждому положению поляризатора соответствовали два определенных положения анализатора, при которых свет, проходящий через систему, гас, и два других положения, под 90 градусов к первым, дававшие наибольший свет; и наоборот.

Все это устройство ставилось перед большим магнитом и направлялось поочередно над двумя полюсами. Помещение было слабо освещено, и позади магнита была натянута матовая черная ткань. Этот фон поглощал свет настолько, что глаз, помещенный позади обоих николей, не мог уловить разницы между различными положениями поляризатора и анализатора.

Принимали еще ту предосторожность, чтобы ось системы проходила достаточно высоко над полюсами и в поле нельзя было увидеть ветвей магнита.

Таким образом, в поле прибора был только черный экран, перед которым могло появиться лишь одно или другое из двух истечений.

Испытуемый Л. в гипнотическом состоянии смотрит в прибор, направленный над северным полюсом, и видит поле освещенным синим. Поляризатор поворачивают различным образом без всякого порядка; Л. очень четко описывает погасания и очень яркие усиления синего света с промежуточными и правильными переменами яркости от одного положения к другому; эти описания, сделанные без малейшего колебания, соответствовали вполне определенным и всегда одним и тем же положениям поляризатора, тогда как анализатор оставался неподвижным.

Эти положения отметили на оправе, и затем, поместив в поле белую бумагу, мы смогли установить, что описания Л. вполне

согласовались с действительными положениями погасаний и наибольшего света.

Затем прибор направили над южным полюсом. Испытуемый указал тогда, что видит красный свет; вращение поляризатора производило те же действия и те же перемены, что и в предыдущем случае, и при тех же положениях.

Пока Л. смотрел, поляризатор слегка сместили так, чтобы он отклонился от направления истечения; Л. тотчас объявил, что больше ничего не видит, и так при любом положении поляризатора при его вращении.

Эти опыты повторялись много раз и всегда давали одинаковые результаты, согласные с законами поляризации, хотя вращали то поляризатор, то анализатор и каждую минуту меняли совершенно беспорядочно скорость и направление вращения.

Следует, впрочем, заметить, что положения погасания и наибольшего света, получаемые вращением одного из двух николей, зависят от положения другого. Значит, достаточно было по-новому установить неподвижный николь, чтобы изменить положения наименьшего и наибольшего света при вращении подвижного николя. Эти изменения делались втайне от испытуемого.

Итог. — Итак, мы видим, что:

а) с помощью электромагнита мы по желанию, втайне от испытуемого, вызываем, уничтожаем или меняем местами магнитные полюсы сердечника из мягкого железа; описания истечения не только вполне согласуются с этими действиями во всех двадцати двух выполненных опытах, но испытуемый отмечает даже прохождение тока в такой момент, когда опытник считал, что прекратил его.

Со стальным сердечником, которого испытуемый, однако, не мог отличить от мягкого железа, истечения, описанные в момент прохождения тока, сохраняются и после него.

b) Кончики пальцев и полюсы сильного магнита, помещенные перед щелью спектроскопа, дают очень четкие окраски; проверяют, что описание каждой окраски вполне согласуется с положением окуляра, при котором в поле может попасть лишь соответствующее световое излучение; проверяют также, что испытуемый перестает что-либо видеть, как только втайне от него отодвигают и отводят от щели спектроскопа то, что, по прежним описаниям испытуемого, служит местом истечения.

c) Общая ось двух николей направлена над полюсами большого магнита с необходимыми предосторожностями, чтобы в поле не было ничего, кроме темного фона; Л. видит это поле освещенным синим над северным полюсом и красным над южным. Если вращать поляризатор или анализатор, Л. очень четко и без всякого колебания описывает изменения силы этих огней, и можно установить, что положения описанных наибольших и наименьших значений вполне соответствуют тем, что вытекают из законов поляризации.

Если прибор отклонить от направления полюсов, Л. больше ничего не видит.

Эти опыты, многократно повторенные в самых разнообразных условиях, неизменно давали один и тот же результат.

Перед лицом этих трех рядов фактов и принимая во внимание условия, в которых они получены, нам кажется трудным не заключить о существовании истечения.

Второй вопрос

Каким органом воспринимается истечение?

Все описания испытуемых относят положение истечения к определенным частям тел; иногда истечение окутывает тело, иногда сосредоточено на его концах. Во всех случаях оно неразрывно связано с формой и положением тела. Это очень ясно видно на рисунках и картинах, выполненных с натуры испытуемым Л. в самый момент восприятия. Так как восприятие тела совершается через сетчатку, мы приходим к выводу, что и восприятие истечения происходит тем же путем.

С другой стороны, описания того, что происходит в поле спектроскопа и в поле двух николей, тоже показывают, что впечатление истечения принимает глаз — единственный орган, который тогда участвует.

Наконец, испытуемые узнают об истечении, только когда глаза у них открыты и они внимательно смотрят на предмет.

Итак, нам кажется установленным, что восприятие истечения совершается через сетчатку.

Третий вопрос

Как разные испытуемые описывают истечение?

В описаниях истечения, которые дают разные испытуемые, нужно различать некоторые общие черты, совершенно постоянные, и другие, которые, меняясь от человека к человеку, могут служить для определения манеры видения каждого из них.

а) Постоянные черты. — Все испытуемые описывают истечение как пламя, выходящее из тела либо по всей его

поверхности, если оно имеет округлую форму, либо из двух его концов, если оно имеет вытянутую форму.

В последнем случае каждый испытуемый приписывает двум истечениям две разные окраски.

Это пламя ведет себя двояко, и это постоянно для всех людей. У одних тел, например у сильных магнитов, будь то прямые бруски или подковы, оно выходит в продолжении ветвей, будут ли они горизонтальны, вертикальны или в любом другом положении. Истечение пальцев тоже всегда направлено в их продолжении. У других тел истечение вертикально; сила его тогда тоже гораздо слабее.

Можно получить и промежуточное действие, происходящее от сочетания этих двух; так бывает с истечениями средней силы.

b) Изменчивые черты. — Длина и сила истечения меняются в зависимости от испытуемых; эти два качества зависят от чувствительности человека и могут служить для ее определения.

Окраска истечения тоже изменчива; понятно, что она должна зависеть от расстройства, которое вносит гипнотическое состояние в центр зрительного восприятия и в промежуточные органы, передающие световое впечатление от глаза к этому центру; это расстройство зависит от темперамента человека. Но когда мы говорим, что окраска меняется от испытуемого к испытуемому, это не значит, что такое изменение распространяется без разбора на все цвета спектра. Большинство испытуемых воспринимают главным образом синий и красный, более или менее чистые, и мало или вовсе не воспринимают промежуточных цветов; чаще всего они видят в вытянутых телах синее истечение на одном конце и красное — на другом. У других испытуемых, гораздо менее многочисленных, красный заменяется желтым или зеленым, а синий — фиолетовым.

Надо хорошо заметить, что эти три элемента — длина, сила и окраска определенного истечения — меняются в известных пределах и у одного и того же испытуемого в зависимости от его темперамента и от гипнотического состояния, в которое его приводят.

Эту личную характеристику каждого испытуемого можно установить: 1) для длины и силы истечения — с помощью постоянного истечения, служащего эталоном, например истечения определенного магнита; 2) для природы окраски — с помощью спектроскопа, позволяющего разложить сложное излучение и определить длину волны каждого простого излучения по месту в поле, где оно появляется.

Для примера укажем характеристику испытуемого Л., приведенного в обычное состояние гипноза, в котором он служил для наших опытов.

Он приписывает каждому из двух истечений большого магнита, о котором мы говорили, длину от 20 до 30 сантиметров; это очень умеренная чувствительность, ибо другие испытуемые видят, как эти два истечения простираются на 4 и 5 метров.

При некоторых условиях он видит на их обычном месте цвета спектра (газовой лампы) — в проекции на экран или прямо в спектроскопе. Синий и красный значат для него больше, чем для нас, и он видит дальше нас в инфракрасную и ультрафиолетовую область.

Но часто бывает и так, что он переворачивает цвета спектра, то есть видит красными синий и фиолетовый, а синими — оранжевый и красный, причем желтый остается без заметных изменений.

Мы убедились, впрочем, что это явление не зависит от переворачивания изображения тела: в те минуты, когда Л.

переворачивал эти окраски, мы заставляли его рисовать предметы очень несимметричной формы. Переворачивание касается только окраски.

Точно так же в некоторых случаях он приписывает: 1) синюю окраску северному полюсу большого магнита, положительному полюсу электрической машины, части провода, соединенной с положительным полюсом батареи в замкнутой цепи, и т. д.; 2) красную окраску противоположным полюсам и т. д.

Или же он меняет эти окраски местами: прежний синий становится красным, а красный — синим.

Но есть световые впечатления, для которых в обычном состоянии гипноза, единственном, которым мы сейчас занимаемся, переворачивания не бывает: это впечатления от акварельных красок, которыми Л. пользуется, чтобы рисовать изображения истечений. Это исключение весьма примечательно, ибо так видишь, как Л. в те минуты, когда он переворачивает цвета, рисует спектр, проецируемый перед ним на экран, в обратном порядке цветов, так, как он его воспринимает.

Четвертый вопрос

Обнаруживают ли описания истечения особое влияние сил, представляющих различные формы энергии?

Ограниченные тесными рамками, которые мы себе здесь поставили, мы свели это исследование к наиболее четким и наиболее характерным проявлениям истечений, то есть к тем, что развиваются в электромагнитах и магнитах.

Действия различных форм энергии — механические воздействия, тепло, свет, электричество, магнетизм и химические воздействия — были предметом изысканий Рейхенбаха, и если

позволительно не принимать теоретических выводов, которые он из них сделал, то описания, данные многочисленными испытуемыми, с которыми он работал, по крайней мере, кажется, не должны больше оставаться без внимания теперь, когда мы, как полагаем, доказали существование истечения.

Мы будем здесь говорить только о наших собственных изысканиях.

а) Электромагниты. — Опыты, изложенные при рассмотрении первого вопроса, установили, что прохождение тока по катушке вызывает два истечения, по одному на каждом конце сердечника из мягкого железа: эти истечения исчезают через несколько секунд после прекращения тока, если сердечник из мягкого железа; если сердечник стальной, заранее не намагниченный, истечения, вызванные прохождением тока, сохраняются.

Предстояло решить важный вопрос: зависят ли окраски двух истечений от магнитной природы полюсов сердечника?

Чтобы ответить на него, мы намотали на сердечник из мягкого железа спираль из изолированной медной проволоки; затем пропускали по этой проволоке ток от одного двухромового элемента, меняя время от времени то направление тока, не трогая намотки, то направление намотки — dextrorsum или sinistrorsum, — не меняя направления тока.

Так мы установили, что окраски двух истечений зависят не от магнитной природы образовавшихся полюсов (северного или южного), а от положения этих полюсов относительно входа и выхода тока, каково бы ни было направление намотки (мы предполагаем здесь, как это обычно принято, что установившийся ток распространяется во внешней цепи от положительного полюса источника электричества к отрицательному). Эти окраски тогда те же, что и у проводов, соединяющих два конца спирали с

двумя полюсами батареи; иначе говоря, конец железного сердечника, расположенный у входа тока, дает синее истечение, а конец, расположенный у выхода тока, — красное истечение, когда Л. не переворачивает цветов. (Таблица IV, рис. 3.)

Сила и длина двух истечений, по-видимому, растут и убывают вместе с силой тока. С примененной спиралью, имевшей очень малое сопротивление (около 2 метров медной проволоки диаметром 1 мм), в момент замыкания цепи после долгого покоя бывал сильный толчок, за которым следовало быстрое уменьшение силы; эти перемены отмечались более или менее сильными восприятиями испытуемого.

Если речь идет о стальном бруске, он сохраняет те окраски истечения, которые придало ему первое прохождение намагничивающего тока.

b) Магниты. — Из предыдущего следует, что окраска истечения каждого из полюсов магнита, полученного действием электрического тока, идущего по катушке, зависит прежде всего от положения, которое занимал этот полюс во время намагничивания относительно направления распространения тока; эта окраска не зависит от магнитной природы полюсов.

Это объясняет, почему среди нескольких магнитов, показанных одновременно одному и тому же испытуемому, одноименные полюсы дают у одних синюю окраску, у других — красную.

Мы часто наблюдали этот факт, объяснение которого дали нам позже опыты, выполненные с электромагнитом.

Для испытуемого Л., когда он не переворачивает цветов, синяя окраска соответствует истечению того полюса магнита, который расположен ближе к положительному полюсу источника электричества (если идти по цепи), дающего намагничивающий

ток, а красная окраска — истечению полюса магнита, расположенного ближе к отрицательному полюсу источника.

Но магниты не всегда получают действием электрического тока; пользуются и другими способами намагничивания, которые все сводятся к соприкосновению одного или обоих полюсов сильного магнита или электромагнита с намагничиваемым предметом.

Поэтому было интересно исследовать действие этого соприкосновения; вот что мы получили с испытуемым Л.

На железном бруске, поднесенном к сильному магниту, он ничего не видит. В момент соприкосновения брусок принимает окраску ближайшего полюса. Если железный предмет соприкасается с обоими полюсами магнита, как бывает с якорем, положенным на концы двух ветвей подковообразного магнита, оба истечения, которые выбрасывались в воздух, исчезают, и каждая из двух половин якоря, соседних с двумя полюсами магнита, принимает ту же окраску, что и соответствующий полюс. Таков, в частности, вид якоря большого магнита, когда якорь на него наложен.

Итак, окраска, сообщаемая куску железа соприкосновением с полюсом магнита, та же, что у этого полюса, какова бы ни была его магнитная природа; если кусок соприкасается с обоими полюсами магнита, каждая из двух его половин принимает окраску соседнего полюса.

Однако вопрос еще далеко не выяснен, ибо рисунок, воспроизведенный на таблице III, рис. 2, показывает, что истечение северного полюса магнитного бруска может быть совершенно оттеснено бруском мягкого железа, положенным поперек над ним.

Наконец, как ведут себя истечения двух полюсов магнитов, когда их сближают?

Таблица III, рис. 1, нарисованная с натуры Альбером Л. при пяти разных положениях магнитов, показывает, как они отталкиваются, когда полюсы одноименные. Рисунок 4 той же таблицы показывает, как они притягиваются и *проходят друг сквозь друга*, когда исходят от разноименных полюсов.

Пятый вопрос

Влияют ли различные состояния гипноза на видение истечения?

Зрение, несомненно, изменяется в зависимости от глубины гипноза, ибо испытуемый в бодрствовании не видит истечений, которые воспринимает, когда на его глаза подействовали магнетически, и перестает их видеть, когда сон становится глубоким. Но от этих ли степеней глубины зависят переворачивания цветов воспринимаемых истечений? Этот вопрос мы намеревались выяснить, когда наши опыты были внезапно прерваны обстоятельствами, известными большинству людей, интересующихся нашими исследованиями.

Шестой вопрос

Может ли на восприятие истечения повлиять внушение?

Чтобы выяснить, может ли внушение повлиять на то, как испытуемый видит истечение, г-н де Роша показал Л. в бодрствовании железный брусок и объяснил ему, что этот брусок, вместо того чтобы быть намагниченным, как другие, у которых по полюсу на каждом конце, намагничен так, что имеет два полюса на двух противоположных продольных гранях.

Испытуемый, приведенный в гипнотическое состояние, изображает на этом бруске, который на самом деле был намагничен обычным образом, с двумя полюсами на концах, по истечению на каждом конце с легким возвратом вдоль граней, как если бы в то же время было частичное намагничивание во внушенном направлении. (Таблица III, рис. 3.) Значит, внушение подействовало частично.

Из других попыток, сделанных в бодрствовании или в гипнотическом состоянии, одни удались, другие нет. Но достаточно, чтобы удалась хоть одна, и существование этого источника ошибок доказано.

Поэтому совершенно необходимо ничем не выказывать перед испытуемым, ни словами, ни действиями, того, что могло бы повлиять на его описания, — и это в каком бы состоянии, кажущегося бодрствования или летаргии, он ни находился. Если от него просят словесного описания того, что он видит, нужно лишь задать ему вопрос: «Что вы видите?» Если он рисует и пишет красками, его следует предоставить самому себе в полнейшем спокойствии. Мы даже считаем, что хорошо ограничивать число присутствующих одними двумя опытниками, ибо большее число людей чаще всего вызывает волнение, вредящее опыту, в чем мы могли убедиться не раз.

Седьмой вопрос

Могут ли возникновение и восприятие истечения быть объяснены нашими современными научными знаниями?

Мы полагаем, что доказали: истечение — действительное явление, воспринимаемое на самом деле глазом, как всякое другое световое явление.

Так мы приходим к мысли, что истечение должно быть, как всякий источник света, местом молекулярных колебательных движений, посылающих глазу излучения, способные на него подействовать и дать ощущение цвета. Это усиленное возбуждение молекулярной деятельности атмосферы, соприкасающейся с некоторыми частями наблюдаемого тела, было бы вызвано излучениями, которые исходят от колебательных движений молекул этого тела. Понятно, что сама форма тела может вызывать более значительное действие на молекулы окружающей атмосферы в некоторых направлениях; мы еще вернемся к этому соображению ниже.

Посмотрим сначала, по каким законам колебательное движение может распространяться от тела к той части атмосферы, где находится истечение, затем от нее к глазу и, наконец, от глаза к центру восприятия.

Известно, что характерные элементы всякого колебательного движения таковы: его форма, его амплитуда и число колебаний в секунду. Сила действия, производимого на глаз или, вернее, на центр восприятия, пропорциональна квадрату амплитуды; природа производимого действия, то есть вид воспринятого цвета, зависит только от числа колебаний в секунду полученного сотрясения.

Из этих начал, заимствованных из математической физики, мы выводим следующие следствия.

Рассмотрим молекулярную группу, принадлежащую какому-либо телу, твердому, жидкому или газообразному; в данный момент колебательные движения этих молекул определяются некоторой формой, некоторой амплитудой и некоторым числом колебаний в секунду. Эта группа получает излучения соседних тел и излучает сама.

Предположим, что на рассматриваемую группу действует дополнительное излучение, идущее от соседних молекул. Отсюда в ранее существовавшем колебательном движении происходит изменение, зависящее от элементов этого дополнительного излучения. Живая сила mv^2 прежнего колебательного движения увеличивается; так как масса m молекул группы не изменилась, нужно, чтобы скорость колебательного движения возросла.

Скорость же колебания может возрасти лишь двумя способами: увеличением амплитуды или увеличением числа колебаний в секунду. Так как увеличение скорости касается двух величин, одна из них может остаться постоянной или даже уменьшиться, при условии что другая достигнет величины, достаточной для того, чтобы живая сила возросла в нужной мере.

Итак, нужно различать следующие сочетания:

a) увеличение амплитуды без изменения числа колебаний в секунду;

b) большее увеличение амплитуды и уменьшение числа колебаний;

c) увеличение амплитуды и числа колебаний;

d) увеличение числа колебаний без изменения амплитуды;

e) увеличение числа колебаний и уменьшение амплитуды.

Таковы изменения, которые могут произойти в рассматриваемой нами молекулярной группе.

По той же причине и излучение, посылаемое этой группой соседнему телу, изменяется по одному из этих сочетаний, и так далее, от соседа к соседу, от тела, производящего истечение, до центра цветового восприятия.

Восприятие истечения. — Так можно объяснить, в частности, почему природа воспринимаемой окраски меняется в зависимости от испытуемого, от его состояния и даже от свойств

излучения, которое получает глаз. Здесь речь не идет о том, чтобы установить, в каких точках пути между глазом и центром цветового восприятия происходят эти изменения, или искать объяснения необычайного возрастания чувствительности в отношении восприятия истечений под влиянием гипноза; это исследование принадлежит физиологу. Нам достаточно показать, что изменения излучения, указанные опытом, могут рассматриваться как следствие начал, управляющих передачей энергии.

Ощущение цвета зависит от числа колебаний в секунду сотрясения, полученного центром восприятия, и это число возрастает от красного к фиолетовому. Значит, если начать, например, с желтого, соответствующего среднему ощущению, цветовое ощущение будет склоняться к красному, если число колебаний уменьшится, и к фиолетовому, если это число увеличится.

Что касается силы цветового ощущения, она пропорциональна квадрату амплитуды. Но это относится к одному и тому же цвету; известно ведь, что различные излучения действуют на зрение нормального человека неодинаково и что в одном и том же спектре наибольшая сила приходится на желтый.

Эти соображения показывают, как манера видеть истечение может меняться от одного испытуемого к другому и у одного и того же испытуемого в зависимости от его состояния.

Возникновение истечения. — В предыдущем мы рассматривали совершенно обобщенно молекулы последовательных сред, через которые проходит излучение, не стараясь различать молекулы эфира и весомые молекулы этих сред; начало передачи энергии применимо ведь равно к тем и к другим.

Но это различие становится необходимым в отношении той части газовой среды, где находится истечение, если стремиться глубже понять его природу.

Мы знаем из работ Френеля, проверенных опытом г-на Физо относительно увлечения световых волн, что молекулы эфира газовой среды, пущенной с наибольшей скоростью, какую только можно ей сообщить, не увлекают световых колебаний сколько-нибудь заметным образом. Если же наблюдение показывает, что перемещение воздуха вызывает деформацию истечения, значит, в колебательном движении, служащем источником излучения, участвуют не одни молекулы эфира той среды, где находится истечение, но и весомые молекулы этой среды.

Так оно и есть: движение воздуха может деформировать истечение, которое колеблется тогда наподобие пламени[9].

---

[9] Мы пытались выяснить, как вели бы себя истечения в пустоте, но Альбер Л. тогда уже не был в нашем распоряжении. Испытуемой была мадемуазель Андре, у которой положение предмета, испускающего истечения, оказывает преобладающее действие на распределение красной и синей окрасок; она видит их расположенными так же, как другие испытуемые, когда предмет образует угол в 45° с магнитным меридианом; но у нее синий цвет стремится захватить весь предмет, когда он поставлен по этому меридиану, а красный — когда он перпендикулярен меридиану. Рейхенбах уже делал подобные наблюдения.

Вот выписка из нашего журнала опытов от 20 января 1890 года.

Подковообразный магнит помещен под колокол пневматической машины; плоскость его ветвей образует угол в 45° с меридианом. Два пламени поднимаются над магнитом, синее над северным полюсом и красное над южным, но они не выходят из колокола и, кажется, соединяются в верхней его части, в стеклянном шаре, которым он увенчан. (Таблица IV, рис. 4.)

Выкачивают воздух: при давлении в 4 мм ртутного столба весь колокол окрашен, как магнит, со срединным разделом, продолжающим промежуток между ветвями магнита; две окрашенные части стекла кажутся спаянными одна с другой. (Таблица IV, рис. 5.)

Повернув всю машину, ставят магнит параллельно меридиану; весь магнит и весь колокол становятся синими (грязно-синими, с примесью красного).

Если поставить магнит перпендикулярно меридиану, весь магнит и весь колокол становятся красными (грязно-красными, с примесью синего).

Итак, по-видимому, молекулы кислорода и азота, составляющие воздух, с которыми соприкасается тело, получают от него усиленное колебательное движение в некоторых направлениях, зависящих от строения тела, более или менее однородного, более или менее сложного, и от его формы, а также от присутствия некоторых центров излучения энергии, как это бывает в организованных телах. Тогда можно объяснить, почему в однородном теле вытянутой формы истечения проявляются с большей силой на двух концах. В этом направлении, в самом деле, влияние, испытываемое каждой молекулой газа, соприкасающейся с телом, происходит от суммы влияний длинного ряда молекул, который оканчивается в этой точке; элементарные толчки всех этих молекул складываются по напряжению и дают на поверхности тела равнодействующую, которая стремится распространиться по прямой линии в воздухе, в продолжение сотрясения, данного этим рядом молекул.

Но, с другой стороны, может случиться, что изменение, сообщенное группе молекул воздуха, образующей истечение, вызовет большее раздвижение этих молекул, например вследствие увеличения амплитуды колебаний; плотность группы уменьшается тогда по сравнению с плотностью окружающей среды, не подвергшейся влиянию, и истечение стремится подняться вертикально.

Направление истечения может, следовательно, меняться между двумя крайними пределами: продолжением наибольшего размера тела, предполагаемого однородным, и вертикалью. Оно

будет тем ближе к первому направлению, чем сильнее толчок, излучаемый телом, и тем ближе ко второму, чем больше уменьшится плотность воздуха в этой области.

Частные случаи. — Интересно поискать, как можно объяснить в этой теории опытный факт, по которому два истечения магнита зависят не от магнитной природы двух его полюсов, а от их положения относительно направления распространения тока или относительно намагничивающего магнита.

Принимают, что магнетизм вызывает в железе либо частичные токи, по теории Ампера, либо вихри, по теории Максвелла, то есть, при той и другой гипотезе, увлечение молекулярных атмосфер вокруг некоторых направлений, или силовых линий. Колебательное движение молекул железа получает таким образом, вследствие намагничивания, одновременно особую ориентацию вокруг этих силовых линий и увеличение живой силы. Это последнее выражается одним из пяти указанных выше способов.

Из этих двух элементов — ориентации и увеличения живой силы — первый определяет магнитную природу полюсов в зависимости от направления вращения, тогда как второй действует на число колебаний в секунду. Так как именно это число определяет окраску истечения, понятно, что окраска истечения полюса магнита зависит скорее от второго элемента, чем от первого.

Из всех этих соображений, которые носят общий характер и применимы ко всем формам энергии, следует, что возникновение и восприятие истечения нисколько не противоречат началам современной науки.

Итоги

В итоге мы полагаем, что установили следующие положения.

1) Истечение — действительное явление.

2) Восприятие его совершается через сетчатку.

3) Истечение имеет:

a) некоторые общие и сосуществующие черты: свою форму — форму выбрасываемого пламени — и сосредоточение этих выбросов на концах тел, когда те имеют вытянутую форму;

b) некоторые черты, меняющиеся в зависимости от испытуемых: длину, силу и окраску; эти три элемента составляют характеристику каждого человека.

4) Намагничивание вызывает истечения на концах куска железа в форме бруска или подковы; эти истечения преходящи в мягком железе и постоянны в стали; окраска каждого полюса зависит от направления распространения намагничивающего тока; она та же, что у истечения полюса магнита, к которому прикоснулись.

5) Характеристика каждого испытуемого зависит от состояния гипноза.

6) Внушение может в известной мере исказить описание истечения; поэтому следует принимать величайшие предосторожности, чтобы оградить себя от этого источника ошибок.

7) Возникновение и восприятие истечения могут быть объяснены нашими современными научными знаниями.

Тем не менее — и мы не устанем это повторять — наши опыты следует рассматривать как указания, которые мы старались сделать как можно более точными, но которые подвержены особым источникам ошибок, от нас не зависящим.

Я уже говорил, что не все испытуемые одинаково видят истечения, испускаемые одними и теми же предметами. Они не только часто меняют цвета местами, но иногда указывают их иначе распределенными в подробностях, особенно на человеческом теле; это, казалось бы, доказывает, что они воспринимают не все одни и те же излучения, среди которых могут сосуществовать несколько поляризованных систем, одна видимая для одних, другая для других.

Поэтому необходимо было основывать наши выводы только на впечатлениях одного и того же человека. Но и здесь возникла трудность: когда мы захотели согласовать наши различные опыты, мы увидели, что есть сомнительные места, которые нам хотелось бы прояснить, пробелы, которые хотелось бы восполнить; к несчастью, испытуемый, с которым мы делали первые опыты, был уже не в нашем распоряжении, и мы не могли использовать для этого дополнительного исследования инструмент, не тождественный первому.

Наконец, есть некоторые места, для которых мы еще не нашли сколько-нибудь удовлетворительного объяснения: таковы красные окраски, указанные Альбером у основания всех синих окрасок, как можно видеть на литографированных таблицах, воспроизводящих как можно точнее подлинные рисунки, сделанные с натуры. Нам пришлось временно оставить без внимания это явление, как и необычное преломление истечений (см. ниже, главу II); но наши теории, которые не объясняют всех наблюденных фактов, уже потому неизбежно неточны или, по крайней мере, неполны.

III

Из того, что мы только что сказали, следует, что истечения могли бы быть обусловлены единственно колебаниями, свойственными строению тел[10] и передающимися окружающему воздуху; но я думаю, что нужно идти дальше и допустить, что, кроме того, есть испускание путем увлечения некоторого числа частиц, отделяющихся от самих тел.

[10] Изучение *изомеров* привело химиков к уточнению того, как тела действуют на наши чувства: они показали, например, что четыре эфирных масла — скипидарное, флердоранжевое, лимонное и перечное, — одних названий которых достаточно, чтобы указать на различие их физиологического действия, имеют одинаковый химический состав: $C^{10}H^{16}$.

«Итак, не сама материя как вещество, — говорит г-н А. Готье, — действует на наши чувства и влияет на нас, но скорее форма, строение этой материи или, еще лучше, природа движения, которое вытекает из этой формы. Одним словом, именно строение масс или атомов, которые колеблются в этой материи, передает нам ее впечатления... Сила и способ действия, которые та или иная материя оказывает на нас, заключаются, следовательно, не только в количестве живых сил, но и в способе колебания, который эта материя передает нашим органам. Живая сила связана со специфической природой каждого из атомов этой материи, но способ колебания зависит одновременно от атомных весов и от молекулярного строения, тесно связывающего эти атомы». («Научное обозрение», 3 января 1885 г.)

Опыты г-на Рауля Пикте действительно показали, что и при самых низких температурах металлы все еще испускают пары, образующие вокруг них нечто вроде атмосферы.

Знаменитый ученый XVII века Санкториус бесспорно установил наблюдениями над самим собой, длившимися долгий ряд лет[11], огромное значение неощутимого испарения в живых телах.

[11] Санкториус преподавал медицину сначала в Падуе, затем в Венеции. Выдающийся физик, искусный механик, он изобрел для своих исследований ряд

приборов, из которых самый известный — весы, носящие его имя и хранящиеся ныне в физическом кабинете Политехнической школы, куда их прислал генерал Бонапарт во время Итальянского похода 1798 года. На этих весах Санкториус взвешивался по нескольку раз в день, чтобы отдать себе отчет в изменениях своего веса под влиянием кожного излучения.

Бойль, который называл небольшую книгу Санкториуса *золотой*, рассказывает, что ему было любопытно проверить на себе эти опыты, и добавляет: «Мои наблюдения вместе с наблюдениями одного знатного и весьма любознательного князя, у которого была статическая машина (весы), чтобы делать такие замечания о количестве этого непрерывного испарения, и который был так добр, что сообщал их мне, убеждают меня, что Санкториус не выдвинул ничего, кроме весьма достоверного, в чем каждый может убедиться сам, лишь бы принималось во внимание различие климата, способное менять наблюдения, ибо Санкториус писал в Италии, где испарение обильнее, чем в Англии, где я делал свои опыты».

Вот некоторые из выводов, которые он изложил в афоризмах.

Отдел I

Афоризм III. — Только тот, кто хорошо понимает, как далеко простирается неощутимое испарение, когда его нужно возбуждать и когда нужно возмещать то, что оно отняло у тела сверх меры, способен трудиться над сохранением или восстановлением здоровья людей.

Афоризм IV. — Вес того, что выдыхается из тела человека через неощутимое испарение, превосходит то, что выходит из него через ощутимые выделения.

Афоризм VI. — *Из восьми фунтов пищи, принятой за день, добрых пять фунтов теряется через неощутимое испарение.*

Афоризм XXI. — Зимой из вполне здорового человека за двадцать четыре часа испарится добрых 50 с лишним унций тонкой материи.

Афоризм XXIX. — За ночь, которую проспали вполне спокойно, испарится более 40 унций.

Отдел II

Афоризм XXIII. — Летом весят на три фунта меньше, чем зимой.

Афоризм XLI. — От осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния испаряют в день на фунт меньше обычного; а затем, до весеннего равноденствия, испарение становится все легче и обильнее.

Отдел III

Афоризм VIII. — Баранина переваривается легко; она летуча, и за ночь из нее испарится по меньшей мере на 5 унций больше, чем из другого мяса.

Отдел IV

Афоризм V. — Беспокойный сон уменьшает испарение более чем на 5 унций.

Афоризм XX. — Спящий человек испарит за семь часов иногда 40 унций, а бодрствующий — 20 унций.

Наконец, законы нагревания проводов, по которым идет электрический ток, несовместимы с гипотезой простого колебательного движения проводников, так что приходится рассматривать ток как настоящий поток материи в проводе. Этот поток состоит не только из невесомой материи, он увлекает с собой и молекулы весомой материи.

С другой стороны, говорит доктор Фюгерон[12], химическим действиям всегда должно предшествовать разрежение, движение, расширение материи; некоторое ее разрежение есть необходимая подготовка к химическим действиям для всех тел. Диффузия или возгонка материи облегчается химическим действием, ибо оно устраняет частицы, постоянное присутствие которых остановило бы диффузию молекул, образовав вокруг них нечто вроде атмосферы, препятствующей распаду остальных молекул.

[12] «Опыт об электрических явлениях живых тел». Париж, Шамюэль, 1894, с. 59.

«В живых же телах, где соединения и разложения непрерывны, диффузия органических молекул должна быть очень велика, и электрический поток должен уносить с собой гораздо большую долю весомой материи, чем в неорганических телах. Можно, следовательно, быть уверенным, что электрический ток, который проходит по нервам, состоит, кроме невесомого флюида, из некоторого количества органической материи, доведенной до высокой степени тонкости».

Испускание частиц может происходить только через поры кожи, и прилагаемая фотография (рис. 1), которой мы обязаны любезности г-на Наркевича-Иодко, делает этот механизм очевидным.

Такого рода отпечатки получают следующим образом.

В комнате устанавливают катушку Румкорфа, приводимую в действие достаточно сильной батареей. Один из ее проводов оставлен в сообщении с окружающим воздухом; другой, гораздо более длинный, оканчивается стеклянной пробиркой, в которую впаян его конец. Человек, находящийся в соседней совершенно темной комнате, берет в одну руку эту пробирку и приближает палец другой руки к фотопластинке, которую держит перед ним, коллодионной стороной к пальцу, второй человек, не имеющий прямого сообщения с батареей; когда палец достаточно приближен к пластинке, от него исходит электрический поток, который сам собой отпечатывается на чувствительном слое и совершенно похож на истечения, которые сенситивы видят исходящими из пальцев человека в нормальном состоянии.

Рис. 1. Фотография истечений пальца человека, соединенного с катушкой Румкорфа

Ученые XVII века предчувствовали испускание этих частиц, и, как будет видно из дальнейшего, они сделали его основой своего объяснения выведения чувствительности вовне. Некоторые мечтатели пошли дальше и осмелились представить, что эти частицы могли бы обладать собственной жизнью, — гипотеза, к которой стремится современная наука (см. примечание D, «Жизнь атомов и научные мечтания») и которая еще лучше объяснила бы явления, которые мы будем излагать.

ВЫВЕДЕНИЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ ВОВНЕ

✦

I

В предыдущей главе я попытался доказать, что человеческое тело, как, впрочем, и многие другие тела, среди которых на первом месте стоят те, чьи молекулы имеют правильную ориентацию, испускает истечения, способные действовать на обостренные чувства некоторых людей, которых принято называть *испытуемыми*.

Представляют ли эти истечения просто колебательные движения, сообщаемые эфиру колебаниями, свойственными строению тела, или же испускание материальных частиц — это вопрос второстепенный: физик ведь может лишь наблюдать явления и выводить из них законы, не надеясь открыть их действительную причину. Теории — превосходное подспорье для памяти, и их следствия к тому же часто очень полезны, когда нужно придумать опыты, способные их подтвердить или опровергнуть; но следует остерегаться видеть в них выражение безусловной истины.

Поэтому я, следуя обычаю, сохраню название *флюида* за особым истечением, исходящим из человеческого тела, ничего не предрешая о его природе[1]. Ограничусь замечанием, что гипотезы колебательного движения эфира в том виде, как ее обычно излагают, недостаточно для объяснения всех явлений. Мы не знаем, чем может быть материя в состоянии крайнего раздробления, в *лучистом состоянии*: опыты Крукса и Теслы дали

нам на этот счет лишь некоторые указания; никто не имеет твердого понятия и о природе запахов, которые обнаруживают поразительное сходство с истечениями человека; наконец, если мы и можем допустить, что различные тела — лишь различные сгущения этого гипотетического эфира, основы всякой материи, если верно, что все наши ощущения обязаны своим происхождением колебательным движениям, то несомненно и то, что эти колебания распространяются не во всех веществах без разбора: одни вещества проводят свет, другие — тепло, третьи — электричество, четвертые — звук. Именно эти различные видоизменения первичного эфира, приведенные в движение тем или иным родом колебаний, первые наблюдатели и обозначали названиями *светового флюида*, *теплового флюида*, *электрического флюида* и т. д., когда те представлялись им в неосязаемом виде; воздух они, без сомнения, назвали бы *звуковым флюидом*, если бы знали его только по этому свойству.

---

[1] «Некоторые физиологи отвергают нервный агент, чтобы заменить его колебаниями нервных молекул. Но, во-первых, эти колебания неуловимы под микроскопом, а если хотят, чтобы атомные молекулы нервных клеток, которые колеблются, были настолько тонки, что ускользали от всякого исследования под микроскопом, то приходят к такому состоянию тонкости материи, которое значительно сближает ее с невесомыми, ибо нервный агент, как и невесомые флюиды, хотя и неуловим, от этого не менее *вещественен*.

Но и помимо этого соображения: как возвращается чувствительность в пришитых лоскутах плоти? Профессор Жобер, чтобы это объяснить, допускает нервную атмосферу, ибо нервные нити обрываются в месте рубца.

Итак, теория колебаний нервных молекул столь же гипотетична, как и теория нервного флюида, и к тому же менее правдоподобна, потому что она бессильна объяснить множество физиологических и болезненных явлений». (Д-р Шарпиньон, «Исследования об анимической медицине», с. 122.)

II

Установив средствами, указанными выше, существование нервного флюида, который, синий или красный[2], представляется одновременно в двух состояниях — *статическом*, в виде блестящего пушка, покрывающего поверхность кожи, и *динамическом*, в виде истечений, выходящих из органов чувств и из оконечностей человеческого тела, — я стал искать, по методу Месмера и его учеников-магнетизеров, каково может быть влияние моих собственных истечений на других людей.

---

[2] В электрических явлениях истечения всегда представляются в этих двух цветах.

Изучая в 1838 году электрические явления в трубках, содержащих умеренно разреженные газы, Фарадей первым заметил, что от положительного электрода исходит светящийся розовый пучок, а на отрицательном электроде образуется простая синяя бусинка. Между этими розовым и синим свечениями был перерыв света, который он назвал *темным пространством*.

Крукс недавно показал, что если пропустить индукционный ток по трубке, наполненной разреженным водородом, то в пучке, исходящем от положительного электрода, получаются трехцветные слои — синие, розовые и серые, — разделенные небольшими темными промежутками. Возле отрицательного полюса находится светящаяся синяя зона, затем идет темное пространство Фарадея, а дальше — слои, причем первая часть каждого из них синяя, следующая розовая и третья серая. При известной степени разрежения все синие части слоев внезапно выдвигаются вперед и образуют один очень блестящий диск, оставляя между собой и положительным электродом все розовые и серые части.

Эти явления объяснены не больше, чем те, что мы описали в главе I этой книги. Синий и красный цвета ведут себя как противоположные полюсы света. Сакс показал, что растение засыпает в красном свете и пробуждается в синем; семена прорастают в синем свете, тогда как желтый и красный губят их.

Прежде всего я обнаружил (чего, естественно, и должен был ожидать), что у большинства людей на коротких пробных сеансах не получаю никакого заметного действия. С теми, кто оказался

впечатлительным и с кем я решился вести последовательные опыты, я получил большую часть явлений, отмеченных гипнотизерами и магнетизерами; но эти явления, которые я старался вызывать постепенно, тщательно их разбирая, в огромном большинстве случаев представлялись мне в очень правильном порядке. Я подробно изложил его в прежних своих работах, а здесь кратко его опишу, ограничившись наименее глубокими состояниями гипноза.

С первых же пассов исчезают чувствительность кожи и обоняние: испытуемого можно щипать, колоть и даже жечь, подносить ему к носу нашатырный спирт — он ничего не почувствует; но он продолжает слышать и видеть. Через некоторое время, разное не только у разных испытуемых, но и для разных видов чувствительности, все они появляются вновь, но уже в новом виде: они становятся избирательными — обращены только на магнетизера и на тех людей или те предметы, которые он заряжает своим флюидом (это то, что старые магнетизеры называли *связью*); кроме того, осязание, вместо того чтобы действовать, как обычно, на поверхности кожи, простирается за пределы тела по законам, которые я сейчас укажу. Наконец, память, мало-помалу оставив недавние события и обратившись к более давним, в конце концов тоже замыкается на магнетизере: испытуемый забывает все, семью и друзей, и знает на свете только двоих — магнетизера и себя. И что крайне примечательно, испытуемый, даже дойдя до такой степени уединения, сохраняет совершенно нетронутыми свой ум и память на родной язык, так что продолжает *рассуждать* и *говорить* точно так же, как если бы был разбужен.

Это восхождение гипнотических способностей через правильные промежутки, словно перекладинами лестницы,

прерывается рядом фаз, называемых *летаргическими*, в которых двигательные нервы парализованы и испытуемый кажется погруженным в обычный сон: члены расслаблены, веки опущены, речь отнята[3]. Смотря по магнетической чувствительности человека, лестница сдвигается вперед или назад, открывая между перекладинами те или иные свойства; в первых опытах они послужили мне для того, чтобы предварительно дать названия этим *состояниям гипноза*. Следующая таблица применима ко многим испытуемым обычной чувствительности:

	Бодрствование		
Поверхностные состояния	Гипноз — 1-е состояние	*Доверчивость*	Нечувствительность кожи и внушаемость. *Примечание.* — Я включил здесь в первую летаргию каталептическое состояние, которое, по-видимому, есть лишь ее фаза. (См. «Глубокие состояния гипноза», с. 80 и 81.)
	Первая *летаргия*		
	Гипноз — 2-е состояние	*Сомнамбулизм*	
	Вторая *летаргия*		
Глубокие состояния	Гипноз — 3-е состояние	*Связь*	Все чувства обращены только на магнетизера; испытуемый видит внешние истечения тела; внушаемость почти нулевая.
	Третья *летаргия*		
	Гипноз — 4-е состояние	*Сочувствие при касании*	Испытуемый воспринимает ощущения магнетизера, когда тот его касается; внушаемость исчезла.
	Четвертая *летаргия*		
	Гипноз — 5-е состояние	*Внутреннее зрение*	Испытуемый больше не видит внешних истечений; он видит внутренние органы своего тела и тела других людей, когда прикладывает руку к их поверхности.

	Пятая *летаргия*		
	Гипноз — 6-е состояние	*Сочувствие на расстоянии*	Испытуемый воспринимает ощущения магнетизера, когда тот его уже не касается, лишь бы он находился на небольшом расстоянии.
	Шестая *летаргия*		

[3] Выход из летаргических фаз обычно отмечается глубоким вдохом и поднятием век. У некоторых испытуемых, особенно у тех, кто более или менее оцепенел в состояниях гипноза, эти летаргические фазы едва различимы; но они существуют всегда, тогда как способности у разных испытуемых различны: многие не видят ни внешних истечений, ни внутренних органов.

Это столь постоянное явление последовательных летаргий, которое современные гипнотизеры не сумели распознать, замечали еще старые магнетизеры. Вот что говорит Шардель в своем «Очерке человеческой природы, объясненной животным магнетизмом» (Париж, 1826, с. 276):

«Может случиться, что человек в сомнамбулизме, если его энергично магнетизировать, снова уснет, а это для него значит перейти в высшее магнетическое состояние. Я часто наблюдал это явление; оно усиливает ясновидение, и самое примечательное, что оно мне представило, — это то, что при возвращении к обычной жизни повторяются те же ступени и что воспоминания о высшем магнетическом состоянии стираются при переходе в обычное магнетическое состояние».

Теперь я вернусь к изучению изменений чувствительности и воспользуюсь сначала указаниями испытуемого А, глаза которого предварительно приведены в то состояние, при котором они воспринимают внешние истечения, и который наблюдает, что происходит, когда я магнетизирую испытуемого В, обладающего в бодрствовании нормальной чувствительностью кожи.

Рис. 2. — Слои, окружающие испытуемого с выведенной вовне чувствительностью. Набросок Альбера Л.

Как только у В чувствительность начинает исчезать, светящийся пушок, покрывающий его кожу в бодрствовании, словно растворяется в воздухе, а через некоторое время появляется вновь в виде легкого тумана; туман мало-помалу сгущается, становясь все ярче, и в конце концов принимает вид очень тонкого слоя, который в 3 или 4 сантиметрах от кожи повторяет все очертания тела.

Если я, магнетизер, как-либо воздействую на этот слой, В испытывает те же ощущения, как если бы я действовал на его

кожу, и не чувствует ничего или почти ничего, если я действую где-либо помимо этого слоя; не чувствует он ничего и тогда, когда действует человек, не находящийся в связи с магнетизером.

Если я продолжаю магнетизирование, А видит, как вокруг В образуется ряд равноотстоящих слоев, разделенных промежутком в 6–7 сантиметров (вдвое больше расстояния от первого слоя до кожи), и В ощущает прикосновения, уколы и ожоги только на этих слоях. Они следуют один за другим иногда до 2 или 3 метров, проникают друг в друга и перекрещиваются, не изменяясь, по крайней мере сколько-нибудь заметно, а их чувствительность убывает соразмерно удалению от тела[4].

[4] Чтобы хорошо понять, как эти слои располагаются вокруг тела, я взял картон и надрезал его так, чтобы испытуемый В мог просунуть в него руку перпендикулярно к картону; затем я отметил на этом картоне следы концентрических чувствительных слоев.

Рисунок 2 в общих чертах показывает, по наброску Альбера Л., как располагаются слои вокруг головы и тела испытуемого с выведенной вовне чувствительностью.

Через некоторое время, обычно после третьей или четвертой фазы летаргии, у концентрических слоев появляются два наибольших значения силы, одно на правой стороне испытуемого, другое на левой, и образуется как бы два полюса чувствительности[5]. Это начало явлений иного порядка, которые я сегодня оставляю в стороне, чтобы особо заняться ими в следующей книге. Пока же ограничусь тем, что предостерегу неопытного исследователя от очень больших опасностей, которые они таят, если не знать их свойств.

[5] Следует заметить, что и помимо этого вопроса о полярном усилении испытуемые меньше ощущают укол, нанесенный в чувствительный слой позади их спины, в месте, которого они не могут видеть, чем там, где видеть могут. Было бы ошибкой приписывать эту разницу в чувствительности внушению. Один из испытуемых, помогающих мне в изысканиях, — молодой человек, образованный

и умный, который готовится сейчас к лиценциату по философии; ему так же хочется, как и мне, разобраться в том, что он испытывает, и он объяснил мне, что ощущения в чувствительных слоях подчинены тем же законам, что и на коже: он чувствует тем лучше, чем внимательнее, то есть чем больше флюида, предназначенного передать ощущение, он накапливает усилием воли в той точке, где производится воздействие, которое предстоит ощутить.

Вероятно, по сходной причине движения, которые сообщаются маятнику, когда касаются его стержня, в некоторых условиях прекращаются, как только на маятник перестают смотреть.

Когда ход выведения чувствительности вовне был таким образом выяснен, продолжать наблюдения стало гораздо легче, уже не прибегая к видящему испытуемому А. Я смог тогда установить путем очень многочисленных попыток, что первый внешний чувствительный слой образуется обычно в третьем состоянии; что у некоторых испытуемых он не появляется никогда; что у других, напротив, как у г-жи Люкс, г-жи О. и мадемуазель Т. Х., он возникает под действием нескольких пассов уже в состоянии доверчивости, которое есть почти незаметное видоизменение бодрствования, или даже без всякого гипнотического приема — вследствие волнения, нервного расстройства и, быть может, простой перемены электрического состояния воздуха[6].

---

[6] Мадемуазель Т. Х., обычно вполне здоровая, время от времени испытывает сильные истерические припадки, во время которых у нее иногда сама собой выводится вовне чувствительность; она жалуется тогда, что ей делают больно, когда проходят слишком близко от нее.

Несколько месяцев назад на прием к доктору Люису в больнице Шарите привели девушку со странным недугом: она не выносила иной одежды, кроме чрезвычайно мягкой, вроде муслиновой, хотя кожа ее была нечувствительна. Установили, что у этой девушки чувствительность естественным образом выведена вовне и что она ощущает всякое трение тканей, находящихся в нескольких сантиметрах от ее тела.

«Звезда» (апрельский номер 1892 г., с. 267) сообщила о необычном случае сомнамбулизма, который только что наблюдали в больнице Отель-Дье во

Фрежюсе. Во время приступов испытуемого нельзя было ни коснуться его самого, ни коснуться предмета, находившегося возле него, не вызвав у него припадка, «тем более сильного, если прикосновение исходило от незнакомого ему человека.

Один инспектор, посещавший больницу, не пожелал считаться с предупреждениями, которые ему на этот счет сделали, и, вероятно из любопытства, *коснулся одежды* Луи Д. Тот тотчас упал навзничь, а когда инспектор хотел подхватить его на руки, припадок стал ужасным и оставил больного глухим на несколько недель».

Если верно, что чувствительность переносится на внешние концентрические слои, испытуемый, сближая ладони, должен ощутить прикосновение, когда соприкоснутся два чувствительных слоя. Так и происходит, когда, как на рисунке 3, касаются друг друга два слоя c и c', принадлежащие соответственно левой и правой руке. Тот же результат получился бы, если бы, например, слой c' соприкасался со слоем b; если магнетизер щиплет или жжет общий слой, ощущение возникает одновременно в обеих руках.

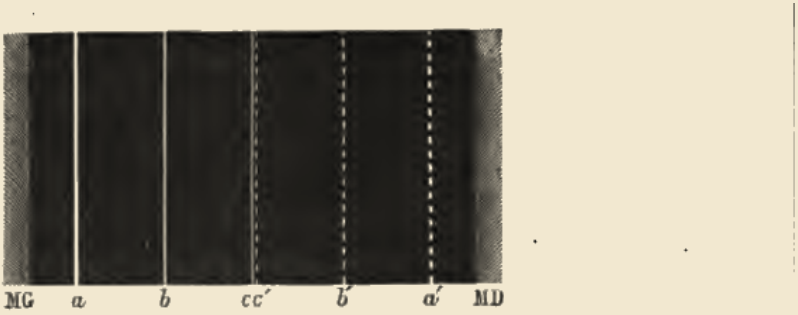

Рис. 3. — Схема чувствительных слоев правой и левой руки, касающихся третьими слоями.

Теперь сблизим обе ладони так, чтобы чувствительные слои одной приходились почти посредине нечувствительных

промежутков другой, как показывает рисунок 4, и медленно проведем пламя от a до a': испытуемый почувствует ожог сначала в левой руке, затем в правой, затем снова в левой и так далее попеременно. Этот последний опыт, который я повторял несколько раз на людях, не ожидавших ничего подобного и выражавших величайшее удивление, кажется мне одним из самых убедительных.

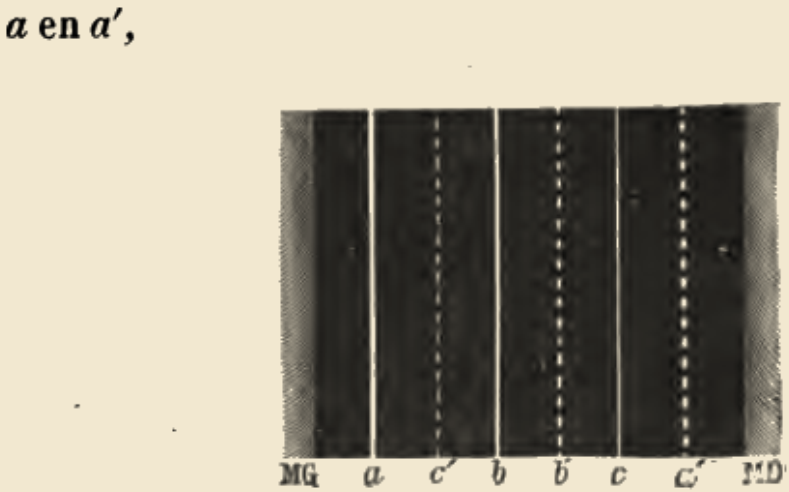

Рис. 4. — Схема чувствительных слоев правой и левой руки, заходящих друг за друга.

III

В явлениях, которые я только что изложил, все происходит так, как если бы чувствительность, область которой простирается обычно от мозга до поверхности кожи, могла иногда останавливаться, не доходя до нее[7], или продолжаться за ее пределы[8]. Эта гипотеза тем более допустима, по крайней мере на время, что осязание, частным случаем которого является вкус, —

единственное чувство, которое кажется нам непременно ограниченным, как правило, пределами нашего плотского организма. Поэтому древние философы, исходя из того, что мы хорошо видим, слышим, обоняем, различаем вкус и чувствуем лишь тогда, когда смотрим, слушаем, нюхаем, пробуем и ждем, уже допускали, что одна из составных частей наших ощущений — это материальные истечения, которые воля посылает с поверхности нашего тела навстречу излучению внешних предметов. (См. примечание F.)

[7] См.: А. де Роша, «Глубокие состояния гипноза», с. 83 и 84.

[8] Д-р Охорович дает («О мысленном внушении», с. 504 и след.) пространное объяснение явления, на вид парадоксального, — передачи ощущения в мозг помимо чувствительных нервов.

Итак, мы предположим, что у всякого живого человека есть флюид, который течет вдоль нервов, как электричество телеграфной сети течет вдоль металлических проводов. Этот флюид выходит на кожу через окончания всех нервов и пребывает там в статическом состоянии; в динамическом состоянии он истекает через оконечности тела (пальцы рук и ног), с дыханием и выдохом, которые им заряжены, и, наконец, через глаза и уши — органы зрения и слуха.

Опыт учит нас, что в нормальных условиях ощущение воспринимается, только когда воздействие производится на флюид в *статическом состоянии*, то есть там, где видящие испытуемые отмечают на коже светящийся пушок. По-видимому, центробежный поток истечений (*динамическое состояние*) мешает ощущению подняться к мозгу, если только эти истечения не претерпевают изменений, о которых мы сейчас скажем.

Мы видели, что под влиянием пассов магнетизера флюид испытуемого, или, другими словами, агент, передающий

ощущения мозгу, *выводился вовне*, *становясь избирательным* и образуя *чувствительные слои, параллельные поверхности кожи*.

Мы можем, следовательно, задать себе три вопроса:

1) Какова причина, вызывающая выведение вовне?

2) Почему чувствительность становится избирательной?

3) Почему она располагается слоями, вместо того чтобы равномерно убывать с расстоянием, отделяющим тело от точки приложения механического воздействия?

Ответ на первый вопрос

Если пропустить через некоторых испытуемых[9] электрический ток подходящего направления[10], дав им взять в одну руку либо положительный полюс батареи, либо шар, соответствующий положительному электричеству машины Уимшерста, а в другую — шар или отрицательный полюс, то получатся в точности те же действия, *mutandis mutatis*, что и при пассах: испытуемый пройдет через те же чередования летаргий и гипнотических состояний, а в *состоянии связи* будет в связи лишь с тем человеком, через которого идет ток той же природы и того же направления, что и ток, его усыпивший. Испытуемый будет постепенно разбужен, проходя те же фазы в обратном порядке, если пропустить через него ток той же природы, но противоположного направления.

[9] Не все испытуемые пригодны для этих опытов, потому что они более или менее утомляются в зависимости от рода токов.

[10] Это направление, по-видимому, зависит от *полярности* испытуемых, которая меняется в зависимости от того, правши они или левши, и даже от состояния их здоровья, как было сказано в главе I. Вообще сон вызывается, если соединить правую руку испытуемого с длинным красным истечением, которым в электрической машине отличается положительное электричество, а левую руку — с синей искрой, образующейся на шаре отрицательного электричества; но

вопрос недостаточно выяснен, так как в машинах электричества легко меняются местами.

Естественно поэтому предположить, что пассы действуют главным образом как электрический ток[11] и что, подобно пассам магнитом по стальному бруску, они, среди прочих действий, ориентируют молекулы тела испытуемого так, что избыток жизненного флюида вместо того, чтобы истекать через оконечности членов, истекает перпендикулярно к поверхности кожи, по всей ее протяженности. Вероятно, кроме того, флюид, посылаемый магнетизером или электрической машиной, вытесняет из тела испытуемого его собственный жизненный флюид, который тогда брызжет через все поры с необычайным обилием.

---

[11] Эту гипотезу пришлось бы изменить, если бы оказалось верным, что пары эфира и хлороформа производят действия, сходные с теми, что я получил нервным флюидом и электричеством; но мне не довелось самому проверить то, что об этом рассказывают (Рамон де ла Сагра, «Душа, доказательство ее реальности, выведенное из действия хлороформа и кураре на животный организм»; Париж, Жермер-Байер, 1868).

Вот единственное, что я наблюдал относительно обезболивающих веществ.

---

14 декабря 1891 г. — Подвергая руку двух испытуемых (Альбера и Беатрисы) действию паров эфира, я не отмечаю заметного действия, если рука не была предварительно магнетизирована; но если была и если чувствительные слои уже начали появляться, эфир тотчас увеличивает их число.

---

3 января 1892 г. — То же наблюдение, что и выше, о действии эфира у г-жи Викс, и вдобавок контрактура.

---

5 апреля 1892 г. — Те же действия у г-жи Люкс: увеличение числа чувствительных слоев и контрактура.

Ответ на второй вопрос

Чтобы объяснить избирательность чувствительности, я могу опереться разве что на сходные явления и напомнить, что струны и звучащие трубы колеблются только под действием тех основных тонов и обертонов, на которые они настроены. (См. примечание G.)

Электрики также допускают, что проводник, в котором происходит колебательный электрический разряд, посылает в окружающее пространство электрические волны, или колебания, которые движутся с той же скоростью, что и свет, и одной с ним природы; и что когда эти электрические волны встречают цепь, настроенную на их период колебаний так, что она способна колебаться в лад с ними, они вызывают в ней электрические колебания совершенно той же природы, что и колебания возбуждающей цепи.

Нервный флюид испытуемого, в который вторгся чужой флюид, *настраивается* на колебания, свойственные этому флюиду; и именно когда он настроен, или находится в связи, *и когда части, бывшие в статическом состоянии, переведены в динамическое*, он может передавать ощущения, вызванные любым предметом, пропитанным этим чужим флюидом[12], — и передает только их.

[12] Из опытов г-на д'Арсонваля с переменными токами следует, что чувствительные и двигательные нервы, как слуховой и зрительный нерв, настроены на определенные периоды колебаний. Как и эти последние, они не отвечают на колебания слишком низкой или слишком высокой частоты.

Опыт в самом деле показывает, что у очень чувствительных испытуемых достаточно некоторое время подержать истечения своих собственных пальцев в продолжение их пальцев и на небольшом расстоянии, чтобы сделать эти истечения

чувствительными, и притом на всем их протяжении, без наибольших и наименьших значений. Точно так же можно, поставив одну свою ступню в продолжение ступни испытуемого, примерно в 1 дециметре от нее, и резко нажав другой ступней на промежуток между ними, вызвать у пациента, который этого не ожидает, сильную боль.

Ответ на третий вопрос

Правильно чередующиеся и *неподвижные в пространстве* (по отношению к телу) зоны наибольшей и наименьшей чувствительности должны, как во всех известных колебательных движениях (свет, тепло, звук, электричество), происходить от интерференции волн[13]. А здесь мы можем разумно предположить, что выбрасывание истечений согласуется с двумя великими ритмическими движениями человеческого тела — биением сердца и дыханием. Кроме того, так как периоды этих двух движений очень различны — период первого примерно втрое короче периода второго, — непременно возникают интерференции, расстояние между которыми можно было бы точно вычислить, если бы хорошо знать скорости распространения истечений. По наблюдениям Рейхенбаха уже приблизительно известно, что в воздухе они довольно медленны — несколько метров в секунду; промежутки, которые я измерял между двумя соседними наибольшими значениями, следовательно, того же порядка величины, что и те, которые дало бы применение математических формул[14].

[13] Эти наибольшие и наименьшие значения можно было бы объяснить и допустив испускание материальных частиц вместо колебаний эфира. Вот теория, которую дает Крукс по поводу электрического разряда в разреженных газах, сравнивая его с движением прохожих на очень людной улице.

«Если в те часы, когда деловое движение идет одинаково в обе стороны, мы наблюдаем из окна идущих туда и обратно, то можем заметить, что толпа распределена по мостовой не равномерно, а образует ряд групп, или, так сказать, кучек, разделенных сравнительно пустыми пространствами. Легко представить, как образуются эти кучки и группы. Несколько человек, идущих медленнее среднего, задерживают движение остальных, перемещающихся в том же направлении или в обратном. Вследствие этого создается временное скопление. Прохожие, подходящие сзади, увеличивают толпу в этом месте, тогда как те, кто впереди и сохраняет ту же скорость, оставляют позади себя сравнительно пустое пространство. Если вся толпа движется в одну сторону, образование этих групп становится менее отчетливым. На очень людных улицах тот же результат производят экипажи, как каждый мог заметить.

Понятно, следовательно, как простые различия в скорости разбивают множество прохожих на известное число групп и чередующихся с ними промежутков.

Вместо того чтобы рассматривать движущихся мужчин или женщин, предположим, что мы делаем опыт с мелкими частицами какого-либо вещества, например песка, приблизительно одинаковой величины. Если взвесить эти частицы в воде в горизонтальной трубке и сообщить им ритмическое движение, мы опять получим сходные результаты: порошок расположится правильно и сам собой отдельными кусками, разделенными свободными промежутками.

Перейдем, наконец, к веществам еще более тонким и посмотрим, как ведут себя молекулы разреженного газа, когда на него действуют индукционным током. Молекулы здесь свободны от всякой своенравной воли и следуют тому закону, который я стараюсь растолковать; и хотя сначала они находятся в полном беспорядке, под влиянием ритма электрического толчка они собираются в четко очерченные слои. Светящиеся части указывают области, где движение останавливается и, следовательно, возникает трение, тогда как темные промежутки соответствуют тем областям пространства, которые молекулы пересекают, испытывая сравнительно малое число столкновений».

[14] Длины волн излучений, о которых идет речь, вероятно, лежат между холодными излучениями, изученными г-ном Лэнгли, и электрическими излучениями, изученными г-ном Герцем.

Известно, что длины волн, воспринимаемых нормальным глазом, заключены между 0,0004 мм и 0,0008 мм и составляют, таким образом, нечто вроде октавы в бесконечном ряду, который, несомненно, существует.

Длина волны излучений, испускаемых тающим льдом, составляла бы 0,0011 мм.

Длины звуковых волн, воспринимаемых человеческим ухом, заключены между 8 миллиметрами и 21 метром.

«Из недавних измерений, которые я произвел, — говорит г-н Лэнгли, — мы узнали о существовании волн длиннее 0,005 мм, и у меня есть основание считать, что я обнаружил излучения с длиной волны больше 0,03 мм. Таким образом, я измерил длины волн, почти в восемь раз превосходящие те, что были известны Ньютону, и имею вероятные указания на длины волн гораздо большие.

Пропасть между самым коротким звуковым колебанием и самым длинным из известных колебаний эфира теперь, следовательно, до известной степени заполнена». («Анналы физики и химии», 1880.)

С тех пор прекрасные работы Герца позволили измерить электрическую волну, длина которой меняется от нескольких миллиметров до нескольких метров; но весь этот вопрос еще темен из-за различий в форме колебания и в природе передающего агента. Данные так называемых тайных наук часто бывают достовернее данных официальной науки, которой публика приписывает непогрешимость, какую истинные ученые и не думают ей приписывать.

Заметим, что поверхность кожи, которая нечувствительна, приходится как раз на место слоя наименьшей чувствительности (рис. 3 и 4).

Прямые опыты, казалось, показали, что изменением ритма дыхания вызываются изменения в расстоянии между слоями, которое зависело также и от состояния здоровья испытуемого[15]; но в предметах столь тонких и столь полных неясности следует остерегаться преждевременных выводов, основанных на слишком малом числе наблюдений.

[15] У некоторых испытуемых пылкой натуры, питающих живую привязанность к своему магнетизеру, слои изгибаются к нему, как если бы он их притягивал.

IV

Следуя гипотезе колебательного движения во всех ее выводах и установив, что истечения проходят сквозь стены[16], я велел

изготовить прямую гипсовую призму, основанием которой служил треугольник со стороной 0,30 м, и установил — как по свидетельству самого испытуемого, так и по свидетельству другого испытуемого с обостренным зрением, — что слои испытуемого с выведенной вовне чувствительностью, одновременно светящиеся и чувствительные, проходя через эту призму, отклоняются почти на постоянный угол; это видно на рисунке 4 таблицы II, который воспроизводит один из многочисленных рисунков, относящихся к такого рода опытам. Но так как главное явление осложнялось побочными явлениями, ключа к которым я еще не смог найти, я на время оставил этот путь и ограничился поиском тел, которые лучше всего пропускают истечения (лучших *диодиков*, по выражению Рейхенбаха); так я пришел к открытию одного основного факта в этой области исследований.

[16] Это явление установили почти все старые магнетизеры, а также г-н П. Жане в своем знаменитом гаврском опыте. (А. де Роша, «Глубокие состояния гипноза», с. 47 и 48.)

Я работал с Альбером Л., о котором говорил в первой главе; он не только воспринимал прикосновения к чувствительным слоям, но и видел эти слои в виде светящихся поверхностей. Я велел ему положить левую руку на стол, покрытый белой бумагой, ребром, перпендикулярно к столу, так что внешняя сторона мизинца лежала на столе, и ставил со стороны ладони испытуемое вещество; затем местными, постепенно нарастающими пассами я приводил его левую руку в состояние выведения вовне, а глаза — в состояние обостренной чувствительности[17], так что он мог описывать и при надобности зарисовывать то, что происходило.

[17] Напомню, что у хорошо одаренных испытуемых можно провести *отдельно* каждую часть тела через различные степени гипноза; если зайти слишком

далеко, гипноз распространяется до мозга, а оттуда разливается по всему организму.

Когда для опыта таким образом поставили стакан, наполненный водой, Альбер нарисовал вот что (рис. 5). MG изображает левую руку, V — стакан воды, c, c', c'', c''' — различные светящиеся слои; видно, что эти слои прерываются позади стакана, который отбрасывает нечто вроде тени, отмеченной перерывом светящихся слоев в A и B. Что касается воды в стакане, она быстро осветилась во всей своей массе, а через некоторое время, вероятно, когда насытилась, от нее вертикально поднялся как бы светящийся дым.

Рис. 5. — Схема заряжания стакана воды чувствительностью от левой руки испытуемого с выведенной вовне чувствительностью.

Осязательные ощущения подтверждали эти указания: если колоть воздух в A или в B, испытуемый ничего не чувствовал, тогда как он чувствовал, когда я щипал воду в любой ее точке или один из светящихся слоев.

Более того, взяв стакан воды и отнеся его на некоторое расстояние, я установил, что вода оставалась чувствительной, то есть Альбер ощущал прикосновения, которые я ему производил,

хотя на том же расстоянии в других местах не было и следа чувствительных слоев. Если отойти слишком далеко, ощущение больше не передавалось, но появлялось вновь, когда снова подходили на нужное расстояние. Через несколько мгновений вода теряла свои свойства, если оставалась вдали от чувствительных слоев.

Итак, перед нами явление, до известной степени сходное с тем, какое представляет фосфоресцирующее тело.

Вода зарядилась чувствительностью, как сернистый кальций заряжается светом, и излучает ее, пока не отдаст всего, что получила, или, другими словами, пока не истощится сообщенная ей энергия.

Различные опыты, излагать которые здесь было бы слишком долго, позволили мне уточнить эту гипотезу и, оставив в стороне побочное явление наибольших и наименьших значений, сформулировать следующие положения:

1) Приемы, которыми выводят вовне чувствительность испытуемого, вызывают образование вокруг него *поля* того агента, который способен передавать мозгу колебания, обычно воспринимаемые осязанием.

2) Это поле, протяженность которого растет со степенью магнетизирования испытуемого, при одной и той же степени тем обширнее, чем сильнее производимое механическое воздействие.

3) Теоретически воздействие бесконечной силы воспринималось бы на бесконечном расстоянии.

4) Если поместить на некоторое время возле испытуемого с выведенной вовне чувствительностью вещество, способное поглощать этот агент, вещество зарядится им — до предела своей собственной емкости — соразмерно этому времени и силе излучения испытуемого в том месте, где оно помещено, так что

оно само станет средоточием более или менее обширного поля, способного передавать ощущения, воспринимаемые осязанием.

5) Если при механическом воздействии силы *i* радиус поля испытуемого равен *r*, а радиус поля заряженного чувствительностью вещества — *r′*, испытуемый будет воспринимать механические воздействия силы, равной *i*, производимые либо на само вещество, либо *на любую точку поля этого вещества*[18], пока расстояние между испытуемым A и веществом B будет меньше или равно *r* + *r′* (рис. 6); но когда это расстояние станет больше *r* + *r′*, появится пространство, где агента окажется недостаточно, чтобы передать колебания силы, равной или меньшей *i*, и ощущение передаваться больше не будет. Связь восстановится, как только два поля, определенные выше, снова соприкоснутся.

Рис. 6. — Схема крайнего положения, при котором испытуемый A с выведенной вовне чувствительностью воспринимает механические воздействия на заряженный чувствительностью предмет B.

[18] Некоторые испытуемые не воспринимают чувствительные слои как свет; но когда щиплют один из этих слоев, они видят, как от ущипнутого места исходит отблеск и доходит до того места, где они ощущают боль. Если ущипнуть точку поля заряженного чувствительностью предмета в таких условиях, что ощущение может передаться, они видят, как отблеск выходит из ущипнутой точки, направляется сначала к заряженному предмету и уже оттуда идет к той точке тела, где ощущение воспринимается.

6) Ощущение всегда воспринимается в той точке тела испытуемого, которая ближе всего к точке слоя, на которую действуют, или, если действуют на заряженный предмет, в той точке, чьи истечения послужили для заряжания предмета.

Работая с разными испытуемыми, я установил, что вещества, способные накапливать их чувствительность, почти всегда те же, что накапливают запахи: жидкости, вязкие тела, особенно животного происхождения, как желатин, воск, вата, ткани рыхлого или ворсистого строения, как шерстяной бархат[19]. Я нашел, однако, два примечательных и вполне отчетливых исключения: г-н Лоран заряжает чувствительностью прежде всего железо[20], а г-жа де В. — шелк; оба почти не действуют ни на воду, ни на воск.

[19] Подробности некоторых моих опытов на этот счет читатель найдет в примечании Н.

[20] У большинства испытуемых золото, положенное на чувствительный слой, вызывает живое ощущение ожога; у других (г-жа Викс) такое ощущение вызывает серебро. Г-жа Робер не чувствует так ни золота, ни серебра, но никель вызывает у нее легкое покалывание.

Я пробовал также, нельзя ли вывести вовне и другие ощущения[21], кроме осязательных: например, поставив стакан воды на пути истечений уха, а затем говоря вполголоса у воды, отнесенной на некоторое расстояние. У большинства моих обычных испытуемых я вызвал этим лишь легкое щекотание в ухе; то же и с глазами.

Мадемуазель Андре и г-жа Викс дали мне нечто большее. Вот что я читаю в протоколе моих опытов под 24 февраля 1892 года:

---

[21] Один из моих друзей, очень известный писатель и очень чувствительный испытуемый, выводит для меня свою чувствительность вовне после простого прикосновения в течение нескольких мгновений. Обоняние у него в то же время становится избирательным: тогда он чувствует мой запах, приписывает мне совершенно особый бальзамический запах и чувствует только меня.

Аббат Рибе («Божественная мистика», II, 318) сообщает случай, который может получить то же объяснение:

«Святая Екатерина Генуэзская, вдыхая запах руки священника, руководившего ее душой, ощущала благоухание невыразимой сладости, которое укрепляло ее и душой, и телом и сила которого была такова, что ей казалось, будто мертвые, по ее выражению, должны были бы от него воскреснуть. Духовник хотел бы насладиться той же милостью; но сколько он ни нюхал свою руку, чудесного запаха для него не существовало».

> «Мадемуазель Андре усыплена г-ном Рейбо и доведена до состояния связи.
>
> Г-н Рейбо приводит меня в связь с ней. Я устанавливаю нечувствительность кожи и чувствительность на 2 или 3 сантиметрах, затем наибольшие и наименьшие значения, мало чувствительные, до 30 или 40 сантиметров, а дальше ничего.
>
> Когда ее чувствительность сгущена в стакане воды, она чувствует меня до 3 или 4 метров.
>
> Если поместить в заряженную чувствительностью воду лавровишневую эссенцию, она сначала чувствует себя очень счастливой, затем испытывает потребность встать на колени и в конце концов исполняет это движение.
>
> Г-жу Викс усыпляют током от батареи; она держит в каждой руке по одному из медных цилиндров, которыми оканчиваются проводники тока.

Когда она дошла до состояния связи, она воспринимает только прикосновения тех людей, которые держат хотя бы один из цилиндров той же рукой, какой держала его она.

Чувствительность ее выведена вовне. Я заряжаю чувствительностью стакан воды; погружаю в него один из цилиндров, что вызывает у нее очень тягостное ощущение, а затем бутылку с валериановокислым аммонием, плотно закрытую притертой пробкой, позаботившись, чтобы она касалась цилиндра. Примерно через минуту, так как ничего не происходило, я перешел к другим опытам, ничего не говоря, и тут она выказала сильное раздражение и желание меня оцарапать».

По опытам докторов Бурру, Бюро и Дюфура, как и по моим собственным, известно, что у многих испытуемых вдыхание лавровишневой эссенции вызывает религиозный восторг, а вдыхание валерианы — кошачьи повадки.

Г-н Рутен, инженер-электрик и бывший воспитанник Политехнической школы, оказался еще удачливее, ибо в феврале 1894 года он писал мне:

«Я уже сообщал вам о том, что установил у той же испытуемой (Маргерит де П.): выведение вовне затрагивает у нее не одно только осязание, но точно так же и зрение, обоняние и слух. Говоря совсем близко от заряженного чувствительностью стакана воды, я передавал ей, словно по телефону, то, что мне нужно было ей сказать. Я убедился, впрочем, что приписать это явление мысленному внушению невозможно: когда я погружал пахучие цветы в стакан заряженной чувствительностью воды, поставленный в соседней комнате, мадемуазель М. де П. узнавала цветы».

К несчастью, обстоятельства не позволили ни г-ну Рутену, ни мне повторить эти опыты с этой девушкой, испытуемой новой и

необыкновенной: так слишком часто случается в науке, где предмет изучения не купишь у торговца химическими товарами.

Из сказанного следует, что животное, помещенное рядом с испытуемым с выведенной вовне чувствительностью, может зарядиться его чувствительностью и что отделенные от тела этого испытуемого части — волосы, кровь, пот, обрезки ногтей, испражнения — должны вести себя как заряженные чувствительностью предметы[22]. Так и происходит в действительности[23], и больше всех этим свойством обладает магнетизер, так как между ним и испытуемым, вероятно, происходит обмен флюидом посредством своего рода эндосмоса.

---

[22] В этом явлении можно было бы найти физическую основу для объяснения действенности *реликвий*.

Точно так же не было бы нелепо допустить, что помимо духовных причин, которыми мы здесь заниматься не хотим, исцелениям через погружение в купальню Лурда могут способствовать: 1) потрясение от холодной воды, которое у сенситивов вызывает состояние доверчивости, где утверждаются самовнушения; 2) магнетическое заряжание купальни истечениями некоторых больных, у которых под влиянием веры чувствительность сильно выведена вовне.

---

[23] См. примечание E о *сохранении жизненности*.

Теперь можно понять, что происходит в состоянии, которое я назвал *сочувствием при касании*. Флюид испытуемого находит в нервах магнетизера, который его *касается*, вещество, несравненно лучше проводящее, чем окружающий воздух; поэтому он и течет преимущественно этим путем, и ощущения передаются вдоль двух соприкоснувшихся нервных систем — до тех пор, пока организм магнетизера не вберет столько чувствительности, что сам начнет излучать и передавать свои ощущения даже без касания, как это бывает в состоянии *сочувствия на расстоянии*.

Что касается явления внутреннего зрения органов, его можно было бы объяснить, допустив, что испытуемый *воспринимает* их своими чувствительными слоями, проникающими сквозь тело; но это ясновидение, сходное, если не тождественное, со столь оспариваемым видением сомнамбул сквозь непрозрачные тела, изучено еще недостаточно.

Быть может, выведение чувствительности вовне когда-нибудь обнаружат у некоторых животных и признают, что оно развивается или угасает в обратном отношении к другим чувствам и в зависимости от условий среды. Да и так ли уж верно, что оно не существует в более или менее осознанном виде у слепых, которые часто удивляют нас тем, как они воспринимают окружающие их предметы?

В следующих главах я покажу, как в разные времена пытались использовать во благо или во зло *мумии*[24], то есть вещества, заряженные человеческой чувствительностью.

---

[24] Слово *mumie* (мумия), принятое учениками Парацельса в том смысле, в каком я его сохраняю, — другая форма слова *momie*; оно принадлежит арабскому языку и происходит от персидского *мум*, что значит *воск* или *бальзамическое вещество*.

ОКОЛДОВАНИЕ

✦

I

Опыты, о которых я только что рассказал, наверняка напомнили читателю старинные истории о восковых фигурках, которые пронзали булавками в уверенности, что раны, нанесенные таким образом изображению, отзовутся на человеке, которого оно представляло.

Этот обычай, каким бы странным он ни казался, восходит к первым векам человечества и встречается во все времена и во всех странах; поэтому крайне вероятно, что он берет начало от вполне реального и сравнительно довольно частого факта[1]. Еще вернее то, что воображение людей, от природы склонное к чудесному, быстро преобразило это первоначальное явление на тысячу разных ладов[2].

---

[1] «Будет доказано, — сказал Ксавье де Местр, — что древние предания все истинны, что все язычество — лишь система истин искаженных и сдвинутых со своих мест, что нужно их, так сказать, очистить и поставить на место, чтобы увидеть, как они засияют всеми своими лучами».

Прибавим, что, по замечанию Бэкона (*De secr. op. artis et naturæ*, cap. I), первые обладатели этих тайн обременили изложение действительных фактов бесполезными и ложными придатками, чтобы скрыть открытия мудрецов от множества людей, недостойных их знать.

---

[2] Вот пример таких превращений. Д-р А. Леге, отдавая отчет о моих опытах в заметке, обошедшей всю печать, писал так:

«Не так давно г-н де Роша, администратор Политехнической школы, собрал несколько человек, которым хотел почти осязаемо показать явление околдования в средние века. С этой целью он принес восковую куклу и в

подтверждение своей теории *выбрал одну из слушательниц и объявил, что указанная им особа с этой самой минуты будет ощущать действие манипуляций, которым он подвергнет куклу*. И действительно, он несколько раз пронзил *сердце* и руки фигурки, и г-жа Х. испытывала ощущения от этих прикосновений *соразмерно степени воли, которую опытник вкладывал в свое действие*.

Когда опыт был окончен, все встали, кроме г-жи Х., оставшейся немного в стороне. Одна из зрительниц с любопытством взяла предмет, которым пользовался г-н де Роша, и стала вертеть его во все стороны.

И тут послышался жалобный шепот г-жи Х.: „Вы что же, еще не кончили меня мучить?..“»

Читатель сможет судить по дальнейшему изложению этой главы, какая огромная разница лежит между действительностью и рассказом. А ведь речь идет о факте, который только что произошел совершенно открыто в том же городе: д-р Леге должен был стремиться лишь к тому, чтобы сказать правду, и вовсе не к тому, чтобы внушить страх перед тайной властью, что, напротив, было целью колдунов прежних времен.

Эти-то разновидности я и рассмотрю прежде всего.

II

Отец Шарлевуа посетил Центральную Америку в начале XVIII века; он сообщает, что иллинойцы делают *маленьких куколок*, изображающих тех, чьи дни они хотят сократить, и пронзают их в сердце.

Другой миссионер, отец Гарсиа, нашел подобный обычай на Маркизских островах. Колдун берет вашу слюну и, завернув ее в лист дерева, который хранит при себе, становится господином вашего тела и вашего духа.

Отец Леон-Мари Геррен, помощник прокуратора Большой Шартрезы, отвечая на вопрос, который я задал в «Посреднике исследователей и любопытных», пишет следующее:

За три года (1864–1867), которые я провел в Китае, в Куай-тхао, в провинции Кантон, я часто слышал от старых христиан рассказы о способах умерщвлять людей на расстоянии с помощью глиняных фигурок очень малого размера (изображающих обычно свиней), которые ставят на могилы или в дома, после того как фигурки получат своего рода благословение от бонз.

Монсеньор Шурри, апостолический префект Гуанси (Китай), любезно сообщил мне о сходном обычае, который еще бытует в Гуанси и Гуандуне.

Убежал ли кто-нибудь из дома так, что нельзя узнать, что с ним сталось, удалось ли вору так же скрыться с похищенными вещами, — достаточно, уверяют, чтобы заставить человека вернуться, *отыскать его телесные следы на земле* и позвать бонзу, не первого встречного, а признанного мастера этого дела. Тот после долгих обрядовых телодвижений и призываний духов, *окропив собачьей кровью* следы ног, вбивает в них частыми ударами обрубок дерева или бамбука и тем причиняет, как говорят, этому человеку колики и боли во внутренностях крайней силы, возбуждая в нем вместе с тем такую потребность вернуться к месту, откуда он ушел, в уверенности, что так он получит избавление, что ему нет покоя, пока он этого не исполнит, принеся даже, если это вор, унесенные им вещи. Едва вернувшись, он приходит в обычное состояние.

Огромная несоразмерность между следствиями и причиной (с одной стороны, причина, сама по себе бездейственная, которая действует так на неопределенных расстояниях, *пока телесные следы остаются видимыми*, с другой — сильные боли и потребность для страдальца вернуться к месту, откуда он ушел, чтобы избавиться от них), ремесло исполнителя, который есть жрец идолов, то обстоятельство, что это особое умение, принадлежащее одному предпочтительно перед его собратьями,

суеверные обряды, которыми сопровождается действие, — все, по-видимому, указывает на вмешательство дьявола; таково по этому поводу единодушное мнение в стране.

В Новой Каледонии, у канаков, «колдуны — околдовывающие. Их приемы самые простые. Жертвоприношение на кладбище, несколько обрядовых действий, о которых спешат предупредить намеченную жертву, чтобы ее напугать, — и она заболевает. Тогда говорят, что ее *съели*. Мне трижды пришлось видеть смерти, наступившие при этих обстоятельствах, которые местные жители не упускали случая приписать таинственным действиям колдуна, но которые я имею все основания отнести к опухолям, происходящим, быть может, от исключительно растительной пищи». (Патуйе, «Три года в Новой Каледонии», Париж, Денту, 1873, с. 201.)

Статья, напечатанная в январе 1863 года в «Обозрении двух миров» под заглавием «Охота за головами», говорит (с. 154) о старой колдунье с Борнео, которую обвиняли в том, что она погубила молодую женщину, «вылепив восковое изображение, которое каждое утро ставила перед слабым огнем. По мере того как изображение таяло, женщина Лиа, обреченная соперница, все больше бледнела, все сильнее лихорадила, чахла и таяла вместе с ним».

Вот еще что сообщает д-р А. Корр («Наши креолы», Париж, Савин, 1890, с. 123), говоря о французских Антильских островах:

…Некоторые пожилые женщины (мулатки или темнокожие) знают в этом толк лучше. Они совершают околдование, но околдование упрощенное и по способу вполне местному. Аноли, маленькая зеленая ящерица, такая изящная, такая проворная, что греется и бегает на солнце по деревьям или саваннам наших колоний, заменяет восковое изображение наших предков; ее обвязывают

лоскутками ткани или бумаги, которые должны напоминать одежду жертвы, и над этим существом, поневоле представляющим человека, отданного духам преисподней, читают заклинания по обряду собственного сочинения. Впрочем, этот новый носитель проклятий вовсе не обречен непременно на смерть, как и человеческое создание, чье место он невольно занимает. Часто дело идет о том, чтобы сковать чью-нибудь волю; это новый способ мысленного внушения на большом расстоянии. Две темнокожие женщины после ссоры, сопровождавшейся тумаками и укусами, вызваны в исправительный суд. Чтобы отвратить действие обвинительной речи, которой у нее есть серьезные причины опасаться, одна из подсудимых пускает в ход большое средство. Четыре аноли в маленьких судейских шапочках заключены в бутылку; самой толстой перевязана пасть: это прокурор, который не сможет взять слово в нужную психологическую минуту, ибо *on a maré langue li* (ему привязали, связали язык)…

III

Древние обрядники Египта часто упоминают об околдовании[3], и г-н Ленорман нашел его след у ассирийцев. В своей книге о «Магии халдеев» он воспроизводит большую табличку из библиотеки царского дворца в Ниневии, которая содержит ряд из двадцати восьми формул заклинания-моления против действия злых духов, несчастных случаев и болезней. Все вместе образует длинную литанию; разделенная на параграфы, которые все кончаются одним и тем же священным призывом, она читалась, вероятно, подобно нашим нынешним литаниям, в час молитвы.

[3] Это слово происходит либо от старофранцузского *volt* или *vout* — изображение (*vultus* по-латыни), либо от латинского глагола *vovere* — обрекать по обету. У Тибулла и Овидия *devovere* значит подвергать чарам, околдовывать.

Вот шестой стих:

> *Тот, кто кует изображение, тот, кто чарует, злое лицо, злой глаз, злой язык, злая губа, злое слово.*
>
> *Дух Неба, вспомни! Дух земли, вспомни!*

Если мы перейдем к грекам, то найдем текст Платона:

> Есть среди людей два рода порчи, различить которые довольно затруднительно. Один — тот, что мы сейчас ясно изложили, когда тело вредит телу естественными средствами. Другой посредством некоторых наваждений, заклинаний и того, что называют наузами, убеждает тех, кто берется вредить другим, что они могут им этим вредить, а этих последних — что, применяя такого рода порчу, им действительно вредят. Очень трудно знать в точности, что в этом есть истинного; а если бы это и знали, не легче было бы убедить в том других. Бесполезно даже пытаться доказывать некоторым сильно предубежденным умам, что им не следует тревожиться из-за восковых фигурок, которые будто бы поставили у их дверей, или на перекрестках, или на могиле их предков, и уговаривать их пренебрегать ими, потому что они смутно верят в истинность этой порчи… Тот, кто пользуется приворотами, заклинаниями и всякой другой порчей этого рода с намерением вредить такими наваждениями, если он прорицатель или сведущ в искусстве наблюдать знамения, да умрет! Если же, не имея никакого знания этих искусств, он уличен в том, что применял порчу, суд решит, чему он должен подвергнуться в своей особе или в своем имуществе. («Законы», кн. XI, перевод г-на Кузена, т. VIII, с. 324–325.)

Известна слава фессалийских колдуний, которые насылали бессилие и медленную смерть, ежедневно прокалывая иглой восковое изображение человека, которому хотели навредить.

Овидий напоминает об этом обычае в своих «Героидах».

Devovet absentes simulacraque cerea figit,
Et miserum tenues in jecur urget acus[4].

(Посл. 6, «Гипсипила», ст. 91 и 92.)

[4] Она околдовывает отсутствующих; она делает восковые изображения и колет печень несчастных тонкими иглами.

Так же и Гораций в своих сатирах:

Lanea et effigies erat, altera cerea: major
Lanea, quæ pœnis compesceret inferiorem;
Cerea suppliciter stabat, servilibus utque
Jam peritura modis[5].

(Кн. I, сат. 8, ст. 29–33.)

[5] Была там и кукла из шерсти, и другая из воска; шерстяная, побольше, казалось, должна была карать другую; восковая стояла в молящей позе, словно готовая погибнуть жалкой смертью.

Предание об этой порче сохранилось у христианских народов как Запада, так и Востока, но к нему часто примешивались святотатственные обряды, которые, по мысли их исполнителей, должны были сначала, через совершение таинств, усилить сходство фигурки с намеченным человеком, а затем порадовать и разжечь рвение демона, которого они призывали на помощь, осквернением освященных Даров.

Об этом можно справиться у Тертуллиана[6], в византийской истории, а также в сочинениях большинства законоведов и экзорцистов XVI века, таких как Дельрио, Альфонс де Кастро, Ле Луайе[7].

[6] *De Spectac.*, гл. X, с. 90; *De Resurrectione carnis*, гл. XVI, с. 389.

[7] В 337 году император Констанций осудил на сожжение тех, кто «издалека умерщвляет своих врагов». Существует несколько указов французских королей против этого особого рода колдовства: 742 — указ Хильперика III; 1470 — указ Карла VIII; 1560 — указ Карла IX; 1569 — эдикт Генриха III; 1628 — указ Людовика XIII; 1672 — указ Людовика XIV.

Виновным обычно выносили смертный приговор.

Один из примеров, которые приводят чаще всего, — случай Даффа, короля Шотландии, который умер, совершенно иссохнув, от магических действий колдуньи, ежедневно растапливавшей на жаровне восковую статуэтку этого государя; я приведу некоторые подробности о случаях, выбранных из разных эпох и почерпнутых из других источников.

В царствование Людовика X Энгерран де Мариньи, хранитель казны, был арестован по обвинению в лихоимстве и порче монеты. Король был склонен обойтись с ним мягко, когда враги Энгеррана, решившие его погубить, донесли Людовику X, «что некромант по ремеслу, по просьбе жены и сестры Энгеррана, изготовил некие восковые изображения по подобию короля, графа Карла Валуа и других баронов, чтобы колдовством добиться освобождения Энгеррана и наслать порчу на названных короля и сеньоров; каковые проклятые изображения были так устроены, что, если бы они просуществовали долго, названные король, граф и бароны каждый день только худели бы, сохли и чахли до самой смерти»[8]. Чтобы придать некоторый вес этим утверждениям, королю показали пронзенные и окровавленные фигуры, которые, как его уверили, были найдены у некроманта. Людовик X, испуганный, согласился на осуждение своего любимца, которого повесили на Монфоконе.

[8] Хроника Сен-Дени.

В 1317 году Иоанн XXII, второй авиньонский папа, писал, что его враги хотели его околдовать: «Маги Жак, прозванный Брабансоном, и Жан д'Аман, лекарь, приготовили зелья, чтобы отравить нас и некоторых кардиналов, наших братьев; и, не имея удобного случая заставить нас их принять, *они сделали восковые изображения под нашими собственными именами, чтобы покуситься на нашу жизнь, прокалывая эти изображения*. Но Бог сохранил нас и предал в наши руки три из этих дьявольских изображений». (*Bibl. arch. hist. Tarn-et-Garonne*, т. IV, 2-й квартал 1876 г.)

В 1333 году Робер Артуа был обвинен, среди прочих преступлений, в том, что пытался околдовать жену и сына Филиппа VI Валуа. Над ним устроили торжественный процесс, все заседания которого проходили в Лувре в форме королевского суда под председательством самого короля, при участии пэров и самых знатных особ королевства.

Подлинные документы этого процесса еще существуют в Сокровищнице хартий[9]; кроме того, копии с них сохранились в рукописи № 18437 (*старое собрание Сен-Жермен*) Национальной библиотеки. Они были воспроизведены в ряде исторических записок, между прочим в той, которую Лансло поместил в X томе «Записок Академии надписей и изящной словесности». У него мы и заимствуем следующий документ, в котором слегка изменили правописание, чтобы сделать его понятнее.

[9] Сокровищница хартий — собственно фонд архивов французских королей от Филиппа Августа до Карла IX. Ныне она составляет неотъемлемую часть Национального архива, где образует серию J. Она подразделяется на коробки, называемые *Layettes* (ящики), под шифром J, в которых хранятся пергаменты и бумаги, составляющие подлинные документы, и на реестры под шифром JJ.

Документы, относящиеся к процессу Робера Артуа, содержатся в реестре JJ. 20 (с 1329 по 1337 г.) и в ящиках J. 439 и 440.

Помимо Сокровищницы хартий, в Национальном архиве есть еще судебный отдел, где собраны в реестры документы, относящиеся к самым известным процессам. Процесс Робера Артуа один занимает три реестра U. 816–818.

Несколько дней спустя, то есть между днем святого Ремигия и Днем всех святых того же 1333 года, брат Анри[10] был позван Робером, который после многих ласковых слов начал снова поверять ему ложную тайну и сказал ему, что друзья прислали ему из Франции *вольт*, или *воуст*, «который королева сделала против него». Брат Анри спросил его: «Что такое *воуст*?» — «Это восковое изображение, — ответил Робер, — которое делают, чтобы окрестить, чтобы извести тех, кого хотят извести». — «В здешних краях их так не называют, — возразил монах, — их называют *мании*[11]».

[10] Брат Анри де Сагебран из ордена Святой Троицы, кюре церкви в Бюзи, Льежская епархия, был капелланом *фогта Юи*, одного из самых горячих сторонников Робера Артуа.

[11] *Maniæ*, по Фесту, — фигуры, сделанные из мучного теста (*Ficta quædam ex farina in hominum figuras*), вероятно, наподобие пряничных человечков, которых пекут и теперь. Я предполагаю, что это искаженное слово *mumie* (мумия).

Робер недолго держался за этот обман; он признался брату Анри, что сказанное им о королеве неправда, но что у него есть важная тайна, которую он ему сообщит, однако скажет ее не прежде, чем тот поклянется хранить ее под печатью исповеди. Монах поклялся, «положа руку на грудь».

Тогда Робер открыл маленький ларец и вынул из него «восковое изображение, завернутое в креповый платок, которое было подобием фигуры молодого человека и было длиной добрых полтора фута, и он ясно его видел сквозь платок, который был весьма тонок, а вокруг головы было подобие волос, как у молодого человека, что носит волосы».

Монах хотел к нему прикоснуться. «Не трогайте его, брат Анри, — сказал ему Робер, — оно совсем готово, оно уже окрещено, мне его прислали из Франции совсем готовым и окрещенным; к нему ничего не надобно, и сделано оно против Жана Французского и на его имя, чтобы его извести. Это говорю я вам на исповеди. Но я хотел бы иметь другое, которое я хотел бы, чтобы было окрещено. — А против кого это? — спросил брат Анри. — Против одной дьяволицы, — сказал Робер, — против королевы, не королевы, а дьяволицы; пока она жива, она не сделает ничего доброго и ничего, кроме как вредить мне, и пока она жива, не будет мне покоя; а если бы она была мертва, и сын ее мертв, я тотчас был бы в мире с королем, ибо делал бы с ним все, что мне было бы угодно, в этом я нимало не сомневаюсь. Прошу вас, окрестите мне его, ибо оно совсем готово, недостает ему только крещения; у меня уже готовы крестные отцы и крестные матери и все, что надобно, кроме крещения… Делать нужно лишь то же, что при крещении младенца, и произнести имена, которые ему подобают».

Монах отказал в своем служении для подобных дел, указал, что дурно иметь в это веру, что это не подобает «столь высокому человеку, как вы: не станете же вы делать это против короля и королевы, которые из всех людей на свете больше всех могут вернуть вам честь». Монсеньор Робер ответил: «Лучше уж я задушу ее, чем дьявол задушит меня».

Робер, видя, что монах никак не хочет пойти на то, о чем он его просил, поручил ему найти кого-нибудь, кто совершил бы это крещение. Брат Анри отговорился и сказал ему послать за тем, кто крестил первое. «Он пришел из Франции», — ответил Робер, видя, что не может склонить монаха…

Все эти подробности известны из показания брата Анри, данного по всей форме суда 31 января 1334 года в присутствии епископа Парижского, в тюрьмах которого он находился, епископа

Аррасского и других. Они были подтверждены другим показанием, которое Жан Эмери, священник Льежской епархии, также заключенный в тюрьмах епископа Парижского, дал в тот же день, 31 января 1334 года, в присутствии тех же лиц. Он показал, что мессир Арну де Куртре, каноник церкви Сен-Обен в Намюре, предложил ему поступить на службу к г-ну Роберу Артуа, который так могуществен, что может сделать ему много добра, «что он даст ему сто и еще сто золотых монет. — Какую же службу мог бы я ему сослужить? — сказал священник, — чтобы получить столь великое добро? Я вовсе не привык получать такой барыш, ни столь большой. Я почитал себя вполне вознагражденным и большего никогда не делал, когда мог заработать восемь денье, или двенадцать, или четырнадцать в день, служа свою мессу». Мессир Арну ответил: «Это король Франции. Г-н Робер сделал его королем, и не остался бы он королем, если бы не г-н Робер Артуа. Вы человек, который побывал во всех странах, и за горами, и в иных местах, вы много знаете и смыслите в таких вещах, которых многие не знают; и если вы захотите сделать то, что вам скажут, король Франции через год не будет королем. — А как? — возразил священник. — Вы хорошо знаете, — сказали ему, — как делать мании, или колдовство, или иные вещи, от которых король может скоро умереть». Это предложение возмутило священника; он сказал канонику, чтобы тот взял выгоду себе и сам сделал дело, раз он должен знать в этом больше, чем он.

В 1347 году священник Клермонской епархии по имени Пепен был обвинен, среди прочих колдовских преступлений, в том, что хотел околдовать епископа Мандского с помощью восковой фигуры[12]:

[12] «Околдование в Жеводане в 1347 году», Эдмон Фальгароль, товарищ прокурора Республики в Ниме. — Ним, Кателан, 1892.

Пепен, допрошенный 24 ноября уполномоченным церковного суда Манда, показал, что:

Находясь четыре года тому назад в Ланжаке, где он занимался наукой философского камня с благородным Гереном де Шатонефом, сеньором д'Апше, и Гийомом Лабортом, он решил сделать изображение. Имея у себя чистый воск, он отправился в Ведрин, владение Апше, принес туда этот воск в дом здешнего лекаря и прожил там шесть недель. В некий день он задумал изображение и из воска, который принес, — около двух фунтов, — сделал изображение своей рукой, изготовив его с горячей водой и без иной примеси. Во время работы перед ним лежала знаменитая книга[13], и он произносил слова, нужные для этого действия.

---

[13] Это была колдовская книга, которую он переписал с другой книги в одном замке близ Перпиньяна.

Спрошенный о том, крестил ли он изображение, он ответил отрицательно и признал, что произносил некоторые слова, изготовляя это изображение.

Его попросили объявить, почувствует ли епископ вред, который кто-нибудь причинит этому изображению, или потерю члена, который у него отрежут. Он ответил, что так думает, потому что восковые изображения обладают этим свойством.

Его спросили, кроме того, умрет ли епископ Мандский от отсечения члена этой статуи; он ответил утвердительно и объявил, что он один мог бы помешать ему умереть, потому что никто другой на это не способен. Он признался, что, делая изображение, написал на его груди имена ангелов Господств.

Он изготовил это изображение в пятницу. Ангел этого дня назывался *Анхоэль* — это имя написано на груди названного изображения вместе с шестью другими именами ангелов, которые

он забыл, а на лбу изображения он написал имя епископа, чтобы сообразоваться с наукой этого действия.

Далее он рассказывает, как пришел тайно спрятать это изображение в дыру в стене верхнего этажа башни замка д'Арзанс, принадлежавшего сьеру д'Апше. Изображение должно было подействовать только в январе. В других своих допросах он объявляет, что нашел в своих путешествиях, и особенно в Толедо и Кордове, книги по магии[14], которые учили делать изображения, и что он прочел, будто эти изображения способны губить людей и животных, которые попирают их ногами, и что даже прикасаться к ним опасно. Впрочем, это было первое изображение, которое он сделал, и то под давлением сеньора д'Апше, который хотел избавиться от епископа.

[14] Одну из этих книг, озаглавленную *De Naturalibus* и составленную королем Майорки, дал ему сам этот государь, весьма искусный в магической науке.

Здесь имели дело с магом весьма неопытным; поэтому следователи и не смогли добиться от него ничего, кроме признания в том, что он не знает, каким образом восковая фигура могла бы действовать на епископа.

В Англии, в царствование Генриха IV, кардинал Винчестерский, завидуя доверию, которым пользовался у короля герцог Глостер, обвинил жену герцога в колдовстве. Ему удалось подкупить свидетелей, которые объявили, что герцогиня часто встречалась со священником, обвиненным в некромантии, и с колдуньей по имени Мари Гардемен. Эти свидетели уверяли, кроме того, под присягой, что герцогиня и двое ее сообщников предавались дьявольским обрядам и растапливали на жарком огне восковое изображение Генриха VI, чтобы истощить силы этого государя и сократить его жизнь, которая угасла бы, когда воск будет

поглощен. Судьи приняли это обвинение; несмотря на заверения обвиняемых в невиновности и высокий сан герцогини, все трое были признаны виновными: герцогиню осудили на пожизненное заключение, священника повесили, а мнимую колдунью сожгли.

После убийства герцога и кардинала Гизов множество священников-лигеров ставили во время мессы на алтари восковые статуэтки, сделанные по образу Генриха III, и кололи их в сердце, произнося магические слова, чтобы предать смерти этого короля, которого они называли тираном Иродом.

На процессе маршала д'Анкра было установлено, что маршал и его жена пользовались для колдовских дел изображениями, которые хранили в маленьких гробах.

Во II томе «Песьих дней» Симона Майоля д'Аста, епископа Вольтурарского[15], рассказана история одной честной женщины, которой угрожала колдунья. «Несколько дней спустя эта честная женщина почувствовала, что ее жестоко терзают сильные боли в животе; ей казалось, будто ей насквозь пронзают кишки, так что она горько стонала и тревожила своими жалобами соседей. И вот, когда многие приходили ее навестить, чтобы утешить, пришел среди прочих один горшечник, который уверил, что соседка его околдована, и велел раскопать порог двери, чтобы посмотреть, нет ли там какого заклятия; там и покопали и среди прочих заклятий нашли изображение длиной в пядь, пронзенное с обоих боков иглой. Берут колдовское изделие и бросают все в огонь: тогда больной становится легче».

[15] Париж, 1610–1612, 3 тома in-4°.

IV том «Развлечений на водах Спа», изданный в 1782 году, содержит рассказ о заговоре против жизни королей Франции и

Испании, которых хотели уморить изнурением посредством околдования.

Дело происходило в Ливорно.

Оно было раскрыто, говорит рассказчик, французским консулом в Ливорно, и я был у господина кардинала де Жансона, когда курьер, посланный французским консулом, привез ему донесение об этом злодейском покушении, задуманном, как говорили, консулом одной из первых держав Европы. Главным действующим лицом этой пьесы был дурной священник, прихожанин церкви Нотр-Дам ди Монтеверо, по имени дон Джованни Гастиони, уроженец Бурга и подданный великого герцога Тосканского. Этот несчастный связался с одним генуэзцем, советником великого герцога, и несколькими менее известными людьми, имена которых я забыл. Консул … в Ливорно, по имени г-н Эт…, предоставил им свой дом и вовлек в этот заговор своего вице-консула, который был англичанином. Это великое дело не было делом одного дня: на приготовления к нему ушло больше пятнадцати дней. Перелистали все гримуары, какие смогли найти, среди прочих книги Корнелия Агриппы, «Ключ Соломона» и т. д., и не упустили ни одного из нечестивых предписаний, которые назначают эти авторы; изготовили альбу, которую должен был надеть этот дурной священник; со многими церемониями изготовили свечи, которые этот злодей должен был зажечь и благословить, и приготовили воск, из которого должны были вылепить фигуры их величеств христианнейшего и католического; навели порчу на ладан, который положили в глиняную курильницу особого образа, и, наконец, консул … доставил и оплатил все, что должно было служить этому злодейскому делу.

Один провансалец по имени Шарль Мере, допущенный к тайне, предал своих сообщников и раскрыл замысел великому герцогу и кардиналу Медичи. Дело расследовала в величайшей тайне инквизиция. Трудность была в том, чтобы захватить улики преступления, то есть книги и магические орудия. Мере сообщил, что консул … нанял две комнаты наверху одной башни, которую он указал, где должно было совершиться злодейское жертвоприношение. По магическим законам требовалось, чтобы действие происходило в месте с окнами на восток и на запад, откуда не было бы никакого вида на церковь Лоретской Богоматери, и чтобы в этом месте не было никакого изображения Господа или Богоматери. В назначенный час инквизитор, которого вел Мере, вместе с барджелло, шедшим впереди, и сбирами Ливорно, шедшими следом, вошел в башню и схватил священника. Тот был уже облачен в альбу, перелистывал гримуар, держа магический жезл, и ждал только возвращения Мере, чтобы пронзить фигуры. В комнате нашли коробку из еловых досок, на крышке которой было написано: *Г-ну Эт…, консулу …* В этой коробке лежали обе фигуры, в коронах и со скипетром в руке, с волосами на голове — обстоятельство, необходимое, говорят маги, для этого проклятого действия. Инквизитор забрал все эти предметы, а также книги. Среди бумаг священника нашли два прошения, написанных рукой несчастного и подписанных его кровью. Он величал в них демона «Священным Величеством» и отдавал себя ему навсегда, при условии, что тот даст ему духа-помощника, достаточно могущественного, чтобы помогать ему защищать и нападать на кого ему вздумается.

На очной ставке с Мере этот несчастный признал показанные тем факты и объявил, что по приказу консула … он должен был растапливать понемногу, в пятнадцать различных приемов, обе

коронованные фигуры и что его искусство должно было уморить изнурением обоих государей, которых они представляли. Он признался даже, что намеревался растянуть это изнурение до шести месяцев; но консул, приставив ему кинжал к горлу, заставил его обещать погубить этих государей в пятнадцать дней, а это был кратчайший срок, какой позволяло его искусство. Дурной священник отрезал собственные волосы за левым ухом и приложил их к голове фигур вместе со священными ковчежцами и святой водой и обернул их полотнами, исписанными знаками и крестами. Священник опознал эти волосы, и еще было видно место, где он их отрезал.

Было бы ошибкой думать, что эти обряды совершенно оставлены в наши дни. Недавние книги, такие как «Там, внизу» Гюисманса и «Дьявол в XIX веке» д-ра Батая, рисуют нам такие темные стороны человеческого воображения, в существование которых я, со своей стороны, с трудом поверил бы, если бы шум, поднявшийся вокруг некоторых моих опытов, не свел меня поневоле с миром, где еще процветает черная магия.

Около десятка людей с более или менее расстроенными нервами писали мне или приходили ко мне (и это не самое малое из неудобств такого рода изысканий), чтобы просить защитить их от врагов, которые их околдовали или навели на них порчу, ибо обыкновенно они смешивали эти две вещи. Но самый любопытный документ, который я собрал, — следующая история, будто бы случившаяся в одном большом городе на юге Франции; действующих лиц ее я знаю; я ограничиваюсь тем, что привожу ее, не обсуждая, и меняю только имена.

Мадемуазель Жанна, почти без средств, горячо желала выйти замуж за одного из своих родственников, г-на Поля, который был на сорок лет старше ее, но очень богат. Сестра г-на Поля, г-жа

Луиза, противилась этому браку, который, вероятно, лишил бы ее собственных детей наследства их дяди. Мадемуазель Жанна и ее сестра г-жа Берта задумали сходить посоветоваться с колдуньей, известной в городе, где они жили. Эта колдунья, у которой они были впервые, сказала им, что барышня хочет выйти замуж, что одна женщина этому противится, но что от нее можно избавиться, не выходя из дома.

Мадемуазель Жанна и ее сестра г-жа Берта сочли это шуткой; но Жанна, которая была балованным ребенком и очень любопытна, непременно захотела увидеть, как колдунья за это возьмется.

Г-жу Берту выслали из комнаты; оставшись наедине с мадемуазель Жанной, колдунья показала восковую статуэтку, спросила имя дамы, которую нужно было устранить, окрестила статуэтку этим именем, а затем дала девушке булавку, чтобы ее уколоть.

Мадемуазель Жанна уколола ее в живот.

В тот же вечер обе сестры обедали у одного родственника, когда тому принесли депешу, извещавшую, что г-жа Луиза скоропостижно умерла утром в церкви во время свадебной мессы.

Они, естественно, были очень взволнованы и стали расспрашивать. Несколько дней спустя они узнали, что г-жа Луиза умерла от прободения кишечника… Не прошло и года, как г-н Поль женился на мадемуазель Жанне! — что, казалось бы, почти доказывает, что драма была не так черна, как мне ее рассказали.

Впрочем, я не устану повторять, что вовсе не утверждаю действительности фактов, содержащихся в рассказах, которые привожу; я просто летописец предания, которое своей стойкостью и всеобщностью заслуживает по меньшей мере внимания тех, кто изучает успехи и заблуждения человеческого ума.

Есть приемы еще более сложные. Вот как описывает их г-н Станислас де Гуайта[16]:

[16] «Храм Сатаны», Париж, 1891, с. 185.

> Вольт магического околдования — это вылепленная из воска фигура того человека, чьей гибели желают. Чем совершеннее сходство, тем больше у порчи надежды на успех. Если колдун может ввести в состав вольта, с одной стороны, несколько капель святого мира или частицы освященной гостии, с другой — обрезки ногтей, зуб[17] или волосы своей будущей жертвы, он считает, что это столько же козырей в его игре. Если он может похитить у нее какую-нибудь *старую вещь, которую она много носила*, он почитает себя счастливым выкроить из нее ткань, в которую оденет фигурку, по возможности наподобие ее живого образца.

[17] Отсюда это народное выражение угрозы, ставшее неопределенной формулой ненависти или просто злопамятства: *Пусть остерегается, у меня на него зуб*. (Ст. де Г.)

> Предание предписывает совершить над этой смешной куклой все таинства, которые получил человек, назначенный для святотатства: крещение, причащение, миропомазание, священство и даже соборование, если случай к тому подходит. Затем проклятие совершается так: это изделие нашпиговывают отравленными булавками, разражаясь громкой бранью, чтобы распалить ненависть, или же в известные роковые часы сдирают с него кожу осколками стекла или ядовитыми шипами, сплошь сочащимися испорченной кровью.
>
> Иногда восковой вольт заменяет и жаба, которой дают имя того, кого хотят околдовать; но обряды проклятия остаются те же. Другой рецепт велит связать живую жабу волосами, раздобытыми заранее; плюнув на этот мерзкий сверток, *его зарывают под*

порогом дома врага или в каком-нибудь другом месте, где тот по необходимости бывает каждый день.

Д-р Батай, книга которого во многом недостоверна, но содержит некоторые подробности, любопытные с исторической точки зрения, если только принимать их лишь как указания, точность которых нужно проверять, рассказывает о поединке околдований, будто бы происходившем несколько лет назад между Альбертом Пайком, одним из великих мастеров франкмасонства, и д-ром Горгасом, врачом Балтиморского университета, главой отколовшегося шотландского обряда.

Преобразователь палладизма околдовывал на свой лад, чаще всего пользуясь восковой куклой. Он доставал себе, за неимением волос или обрезков ногтей, какой-нибудь лоскуток одежды, которую носил его враг; в борьбе с Горгасом ему удалось получить у прачки доктора его носовой платок.

Сначала он погружал эту ткань в ванну из сильно соленой воды, трижды произнеся, бросая соль в воду: *Sagrapim melanchtebo rostomouk elias phog*. Затем он сушил ткань перед огнем, который поддерживали ветвями магнолии. После этого в течение трех недель, каждую субботу в одиннадцать часов утра, он обращал призыв к Молоху, держа во время него ткань на обеих руках, раскрытых и протянутых вперед, как если бы призываемый даймон был тут, видимый, и ему подносили этот предмет в дар. В третью субботу, в семь часов вечера, он сжигал ткань на пламени винного спирта, распевая люциферианский гимн собственного сочинения, и собирал пепел на своего рода тарелку из свинца, покрытую иероглифами, начертанными острием ножа, посвященного Люциферу; в этот день он старался оставаться натощак до трех часов пополудни, и единственная его за день трапеза состояла из рыбы, сухарей и сушеных плодов.

После этого, на следующий день, он замешивал воск, смешанный с пеплом ткани врага, и лепил из него куклу, которую называл *Дагидой*. Дагида Горгаса была тридцати сантиметров в высоту. Но Пайк не протыкал булавками и не растапливал Дагиду, представлявшую его врага; он помещал ее под хрустальный колпак, подставка которого была снабжена маленьким воздушным насосом, и таким образом выкачивал воздух из-под колпака. Околдованный испытывал тогда всевозможные странные недомогания, причины которых не мог и заподозрить.

Любопытнее всего то, что демоны, покровительствуя этим колдовским делам, доставляют своим почитателям средства бороться с ними другими приемами того же рода.

Палладист, который знает, что стал предметом околдования посредством дагиды, изготовляет себе куклу, к воску которой примешивает собственные волосы и обрезки ногтей. Эту фигурку, представляющую его самого, посвящают по дьявольскому чину, и он применяет к ней средства, заимствованные из особой магии Альберта Пайка. Оккультисты высшего масонства называют это «Методом Парацельса наоборот».

В Гоэтии, где князя ада призывают под именем Сатаны, вызывают преимущественно околдование жабой, которую выбирают самцом или самкой, смотря по полу человека, с которым хотят бороться. Чтобы защититься, носят на себе жабу в роговой коробочке; сатанисты утверждают, что тогда это несчастное животное претерпевает мучения, предназначенные его носителю.

IV

Арабский историк Ибн Халдун, живший в XIV веке, которому мы обязаны чрезвычайно замечательными взглядами на явления, изученные позднее под именем животного магнетизма, сообщает

нам точные подробности об околдовании и вместе с тем теорию этого явления.

> Мы видели собственными глазами, как один из этих людей изготовлял изображение человека, которого хотел околдовать. Эти изображения составляют из вещей, качества которых имеют известное отношение к намерениям и замыслам действующего и которые символически представляют, с целью соединить или разъединить, имена и качества того, кто должен стать его жертвой. Затем маг произносит несколько слов над изображением, которое он только что положил перед собой и которое являет действительный или символический образ человека, которого он хочет околдовать; потом он дует и выбрасывает изо рта частицу скопившейся там слюны, приводя в то же время в колебание органы, служащие для произнесения букв этой зловредной формулы; затем он натягивает над этим символическим изображением веревку, которую приготовил для этой цели, и завязывает на ней узел, чтобы показать, что он действует решительно и упорно, что он заключает договор с демоном, который был его сообщником в этом действии в ту минуту, когда он плевал, и чтобы показать, что он действует с твердым намерением укрепить чары. С этими приемами и с этими зловредными словами связан злой дух, который, окутанный слюной, выходит изо рта действующего. Тогда оттуда нисходят многие злые духи, и в итоге маг насылает на свою жертву зло, которого ей желает.

Сто лет спустя Парацельс высказывался еще определеннее. В своей книге о духовном существе (*De ente spirituum*) он говорит так:

> Вы знаете, что, по воле духа, борющегося с другим духом, если засыпать землей и камнями восковое изображение, человек, ради

которого изображение было сделано, *беспокоен и мучим в том месте, где нагромождены камни*, и получает облегчение лишь тогда, когда изображение снова вынесено на свет; тогда он избавлен от своих тревог. Заметьте еще, что если сломать этому изображению ногу, человек ощущает этот перелом; так же бывает с уколами и другими подобными ранами, нанесенными изображению. (Гл. VII.)

Нужно заметить следующее относительно восковых фигур. Если, движимый ненавистью к кому-нибудь, я хочу причинить ему зло, для успеха мне необходимо воспользоваться посредником, то есть телом. Так возможно, что мой дух пронзит или ранит другого человека моей шпагой без помощи моего тела, действием моего пылкого желания, и это может быть потому, что своей волей я закрепляю дух моего противника в изображении; я могу таким образом сделать этого противника уродливым или хромым, как пожелаю, посредством воска… Вы должны считать несомненным, что действие воли имеет большое значение в медицине; и как тот, кто желает себе зла, может ощутить все зло, которого себе желает, потому что проклятие есть дело духа, так же может случиться, что изображения от проклятий будут поражены болезнями, такими как лихорадки, падучие, апоплексии и другие подобные, если они были правильно приготовлены. (Гл. VIII.)

Если нарисовать на стене изображение по подобию человека, несомненно, что все удары и раны, которые нанесут этому изображению, получит тот, чье подобие являет изображение. Это происходит оттого, что дух этого человека по воле другого духа, который его так рисует, переходит в эту фигуру… Поэтому, какого бы наказания вы ни требовали против этого человека, он претерпит его, если вы причините его изображению, потому что ваш дух закрепил дух этого человека в этой фигуре, так что тот стал вашим подданным и вынужден претерпевать все, что вам угодно будет ему причинить. (Гл. IV.)

> Мы сказали, что дух насылал на тела болезни. Это может происходить двумя способами: один — когда духи нападают друг на друга без воли и согласия людей, возбуждаемые ненавистью или завистью, которые те друг к другу питают, или другими побудителями зла. Второй путь, которым духи насылают болезни, таков: нашими мыслями, нашими чувствами, нашей волей. Когда все это вполне согласно, мы стремимся причинить и можем причинить какой-нибудь ущерб другому. Эта твердая и решительная воля — мать, которая порождает злотворный дух. (Гл. V.)

Итак, по Парацельсу, главная причина производимых действий — воля[18], хотя, вероятно, и не единственная: *Quamvis multæ aliæ causæ huc afferri possint*. (Гл. VIII.)

---

[18] Это могучее действие духа на тело, которое объясняет действие внушений, было хорошо известно прославленным учителям средневековья, могучий ум которых охватывал всю совокупность человеческих знаний.

«Всякая мысль, зачатая в душе, — говорит святой Фома, — есть приказ, которому повинуется организм: так, представление духа производит в теле или живой жар, или холод; оно может даже породить или исцелить болезнь, и в этом нет ничего удивительного, поскольку душа, *форма тела*, составляет с ним одну субстанцию». («Сумма теологии», ч. I, с. 110, ст. 2.)

«Воображение, если оно живо, принуждает тело ему повиноваться, потому что, по учению Аристотеля, оно есть в душе естественное начало движения. Воображение и в самом деле повелевает всеми силами чувствительности; чувствительность в свою очередь управляет биениями сердца и через него приводит в движение жизненные духи; так весь организм вскоре изменяется. Однако, как бы живо его ни представляли, оно не могло бы изменить форму руки, ноги или какого-нибудь другого члена». (Там же, ч. III, с. 13, ст. 3.)

«Не только сильное воображение может вызвать в теле лихорадку или проказу, но, по Авиценне, если душа чиста, свободна от плотских страстей и одарена большой живостью в своих замыслах, внешние тела сами повинуются ей до такой степени, что живым внутренним представлением она может вернуть здоровье больным или произвести другие подобные действия». (Святой Фома, «Сумма против язычников», кн. IV, гл. CIII.)

Перс Газали, живший, как и Авиценна, в X веке, идет еще дальше, если верить цитате, которую приводит Ричард из Мидлтона в своих «Вопросах о способностях животной жизни» (Париж, 1519).

«Если душа, — говорит он, — живо представляет себе падение животного, этого достаточно, чтобы оно упало; отсюда поговорка: Одним взглядом Бог низвергает в яму и человека, и верблюда».

Но что же такое, собственно, эти духи, которые действуют один на другого?

> Чтобы определить духовное существо, скажем, что это сила совершенная, или полная, посредством которой все тело может быть поражено или низвергнуто во всякого рода болезни… Подумайте о том, что ни дьявол, ни какое-либо действие или внушение, исходящее от него, здесь не подразумевается. Дьявол ведь не дух; дух — также и не ангел. Дух — это то, что производится в живом теле нашей мыслью без материи. То, что рождается от нашей смерти, — это душа. (Гл. IV.)
>
> У этого духа, как и у тебя, есть ноги и руки; если его убивают, это убивает тебя; ведь ты и твой дух — одно и то же. Но запомни хорошенько: не твое тело получает эту рану, хотя бы она и была осязаема и видима на твоем теле; эту отметину производит твой дух, который владеет твоим телом и твоими членами. Отсюда следует, что не к телам нужно прилагать лекарства, это был бы напрасный труд. Исцели дух, и тело станет здоровым, ибо ранен дух, а не тело. (Гл. VII.)

Наконец, некоторые нынешние оккультисты пошли дальше и, опираясь на гипотезу астрального, или флюидического, тела, о котором я скажу в другой книге, так описали и объяснили околдование посредством «Летучего духа»:

> Чтобы его совершить, вам нужно иметь в своем распоряжении загипнотизированного испытуемого, астральное тело которого

(флюидической природы) по вашему приказу покидает материальное тело и направляется вашей волей к вашему врагу.

Выведенное так вовне астральное тело либо проникает в указанную ему жертву и душит ее одним своим проникновением, останавливая, например, движения сердца, либо отравляет ее ядами, которые вы сумели обратить в летучее состояние.

Когда действие окончено, вы возвращаете вашему испытуемому его астральное тело в материальное тело и будите его.

Некоторые колдуны, опасаясь возможной нескромности, обращаются к уже развоплощенному астральному телу, то есть к астральному телу умершего[19].

[19] Эд. Дюбю, «Искусство околдовывать» («Фигаро» от 29 февраля 1893 г.).

V

Из предыдущего видно, что в околдовании по преданию участвуют три фактора:

1) воля околдовывающего, действующая прямо как сила;

2) вмешательство злых духов, призываемых святотатствами;

3) физическое действие, определяемое употреблением предметов, бывших в соприкосновении с околдовываемым.

Тем, кто меня знает, нет надобности говорить, что я занимался только третьим фактором, и именно мои опыты в этом направлении я и изложу теперь.

Установив, что воск для лепки принадлежит к веществам, способным накапливать чувствительность наибольшего числа испытуемых с выведенной вовне чувствительностью, я изготовил из этого воска статуэтку, поставил ее вертикально перед одним из таких испытуемых так, чтобы *напитать ее его истечениями*, и убедился, что если я колол статуэтку в голову, испытуемый

ощущал недомогание в верхней части тела; он ощущал его в нижней части, если я колол статуэтку под ступнями. Это было лишь следствием того, что воск накапливал ближайшие к нему истечения; доказательство — то, что происходило обратное, если при заряжании статуэтки чувствительностью я ставил ее головой вниз.

Мне удалось локализовать чувствительность, срезав во время сна испытуемого прядь волос у него на затылке и воткнув ее в голову статуэтки; разбуженный испытуемый не знал о действии, которому я его только что подверг; я стал так, чтобы он меня не видел, и потянул за волосы, укрепленные в воске. Испытуемый тотчас обернулся со словами: «Да кто же это тянет меня за волосы?» — Опыт столь же отчетливый с бородой другого испытуемого; другой, менее отчетливый, — с обрезком ногтя.

Вообще ощущение передавалось лишь на расстояние 5 или 6 метров; однажды, однако, испытуемая г-жа Викс окончила сеанс, на котором я производил опыты с восковой фигурой; она возвращалась к себе, и я следил за ней глазами на большом дворе, который она пересекала, когда г-ну Б., бывшему со мной, пришло в голову уколоть воск; я тотчас увидел, как г-жа Викс нагнулась и потерла себе ногу. Я позвал ее и смог тогда установить, что у нее была гипногенная точка как раз в том месте, где она испытала ощущение. Гипногенная точка сыграла в некотором роде роль отверстия, через которое истечения изливались с большей силой, чем через остальное тело.

Размышляя над тем, что истечения разных частей тела закреплялись преимущественно в тех точках поглощающего вещества, которые были к ним ближе всего, я пришел к предположению, что получил бы гораздо более совершенную локализацию, если бы сумел собрать в определенных точках

поглощающего вещества истечения той или иной части тела и распознать эти точки. Так как истечения преломляются подобно свету, линза, уменьшающая изображение тела, исполняла первую часть программы. Оставалось лишь найти поглощающее вещество, на котором закрепилось бы уменьшенное изображение; я подумал, что подойти могла бы пластинка с бромжелатиновым слоем, особенно если он слегка вязкий.

Отсюда мои опыты с фотографическим аппаратом, которые я и расскажу по своему журналу опытов.

30 июля 1892 г. — Я сфотографировал г-жу Люкс сначала бодрствующей, затем усыпленной и с выведенной вовне чувствительностью, затем снова усыпленной и с выведенной вовне чувствительностью, причем в этом последнем случае я позаботился взять пластинку, которую предварительно подержал несколько мгновений в кассете у ее тела, прежде чем вставить в аппарат.

Я установил, что, когда я колол булавкой первую пластинку, г-жа Люкс ничего не чувствовала; при уколах второй она чувствовала немного, третьей — живо; все это через несколько мгновений после съемки[20].

[20] По любопытному совпадению, как раз в то время, когда я производил свои первые фотографические опыты, один романист, г-н Лермина, задумывал подобное действие и развивал его в новелле под названием «Околдовывающий», напечатанной в «Посвящении» (июльский номер 1892 г.). Вот выдержка из нее:

«— Вы ведь думаете, не правда ли, — продолжал он, — что в этом воспроизведении формы, облика есть лишь игра света… Невежды! Между телом, которое ставят перед объективом, и пластинкой, заряженной чувствительностью, устанавливается ток, отнимающий у существа, как при гальванопластике, бесчисленные частицы его собственной материи, его субстанции, его жизни… Химия их закрепляет, и только, и, поймите меня хорошенько, между этим изображением, которое кажется вам мертвым, и существом, которое живет там, есть связь, которую ничто не может разорвать. От

одного к другому тянутся бесчисленные нити, словно сеть электрических проводов, и когда я ударяю, когда я раню, когда я раздираю это изображение, удары, раны и разрывы, как знак по телеграфу, как голос по телефону, отзываются на живом существе… которое не понимает, почему оно страдает, почему стонет, почему умирает…»

Бальзак уже высказывал сходную теорию, чтобы объяснить дагерротип. Вот что рассказывает Надар в первом номере «Пари-Фотографи», с. 16:

«По Бальзаку, всякое тело в природе состоит из рядов призраков, наложенных до бесконечности слоями, расслоенных на бесконечно тонкие пленки во всех тех направлениях, в которых оптика воспринимает это тело.

Так как человек никогда не может творить — то есть из призрачного, из неосязаемого составить вещь твердую или из *ничего* сделать *вещь*, — то всякое дагерровское действие захватывало, отделяло и удерживало, накладывая на себя, один из слоев снимаемого тела. Отсюда для этого тела, при каждом новом действии, явная потеря одного из его призраков, то есть частицы его основной сущности. Была ли то потеря полная, окончательная, или эта частичная утрата затем восполнялась в тайне более или менее мгновенного возрождения призрачного света? Я полагаю, что Бальзак, раз пустившись в путь, был не тот человек, чтобы остановиться на столь хорошей дороге, и должен был дойти до конца своей гипотезы. Но до этого второго вопроса у нас разговор не дошел».

В примечании D («Жизнь атомов и научные мечтания») читатель найдет представление о цветной фотографии, принадлежащее одному писателю XVIII века.

2 августа 1892 г. — В присутствии г-жи Люкс я испытал чувствительность пластинок, которые были экспонированы 30 июля и проявлены. Первая не дала ничего, вторая — очень немного; третья была так же чувствительна, как в первый день. Желая узнать, как далеко простирается чувствительность этой третьей пластинки, я нанес два сильных укола булавкой по изображению руки так, чтобы разорвать бромжелатиновый слой. Г-жа Люкс, которая была в 2 метрах от меня и не могла видеть, какое место я колю, тотчас впала в контрактуру и закричала от боли. Мне стоило немалого труда вернуть ее в обычное состояние;

у нее болела рука, и через несколько секунд я увидел, как на правой руке, той, изображение которой я уколол, проступили две маленькие красные черточки, место которых соответствовало уколам. Д-р П..., присутствовавший при опыте, установил, что эпидермис не поврежден и что покраснения находятся под кожей. Я установил, кроме того, что бромжелатиновый слой (который был гораздо чувствительнее, чем пластинка, служившая ему основой) испускал излучения с максимумами и минимумами, как и сам испытуемый; с другой стороны пластинки эти излучения почти не проявлялись.

5 октября 1892 г. — Г-жу Люкс никто не магнетизировал со 2 августа; я усыпляю ее и сильно вывожу вовне ее чувствительность продолжительными пассами. Я заряжаю ее истечениями фотопластинку, помещая ее сначала между ее руками, а затем медленно проводя ею перед ее телом. Г-н Б. производит съемку, которая длится двадцать секунд, так как день очень пасмурный. Г-н Б. идет проявлять пластинку; г-жа Люкс ничего не чувствует во время этой операции, которая производится на расстоянии более 100 метров. Когда пластинку приносят обратно, г-жа Люкс чувствует, когда я трогаю пластинку, но ничего не чувствует, когда ее трогает г-н Б., если только я сам не коснусь г-на Б.[21] Она чувствует прикосновения даже к частям, покрытым одеждой.

---

[21] Несколько дней спустя «Пари-Брюссель» напечатал за подписью *Арсак* следующую статью:

«Мы видели, как повторяли опыт с фотографической пластинкой, заряженной чувствительностью. Описанные явления происходили всякий раз, когда уколы булавкой наносил опытник, тот, кто погрузил испытуемую в сон; в отсутствие гипнотизера можно было девять раз из десяти колоть портрет без того, чтобы загипнотизированная ощутила хоть какую-нибудь боль. Испытуемая ни разу не выказала ни малейшей боли, когда снимок колол человек, совершенно не

знавший цели опыта. Поэтому мы склонны заключить, что то, что приняли за явление околдования, есть лишь явление внушения. Околдование возможно; но пока его нельзя воспроизвести иначе как в некоторых условиях, точно определенных. Что нужно удержать из опытов г-на де Роша — это то, что выведение чувствительности вовне есть отныне установленный факт».

Наблюдение г-на Арсака о *необходимости связи* подтверждает мои собственные, но вовсе не доказывает, что здесь есть лишь явление внушения, или, говоря точнее, *передачи мысли*. Я всегда колол *не глядя* в место рук, и испытуемая знала еще меньше моего, где появится разрыв, который отзывался на ее эпидермисе; к тому же мне никогда не удавалось вызвать у г-жи Люкс какую бы то ни было передачу мысли. Единственное самовнушение, которое можно допустить, — это то, что относилось бы к образованию отметины под влиянием воображения в той точке, где больная ощутила боль.

Я наношу укол булавкой по изображению одной из рук: г-жа Люкс лишается чувств. Когда она приходит в себя, я замечаю, что царапина, которая была у нее на руке до фотографирования, стала заметнее. Я говорю ей, что это действие моего укола, но она отвечает мне, что почувствовала укол не там и болит у нее не там: через две или три минуты в чувствительном месте появляется красная полоса с легкой вдавленностью кожи. Отметина становится ярче на глазах.

Примечание. — До этого опыта я во второй раз установил, что, когда я в хорошей связи с г-жой Люкс, мне достаточно ущипнуть себе руку, чтобы через несколько минут в соответствующей точке ее руки появился след моих ногтей; так примерно воспроизводится знаменитый опыт д-ра Жане с г-жой Б. в Гавре (см. «Философское обозрение», № 8, апрель 1886 г.).

7 октября. — Я собирался проверить, ощутит ли г-жа Люкс действия на фотопластинку позавчерашнего дня, как только окажется в моем присутствии, без того чтобы я приводил ее в связь с собой простыми касаниями; к несчастью, она приходит в слезах, больная от домашних огорчений, и мне приходится усыпить ее, чтобы успокоить.

Когда она усыплена и ее чувствительность выведена вовне, я устанавливаю, что пластинка сохранила все свои свойства; г-жа Люкс ощущает даже прикосновения к бромжелатиновому слою вокруг своего изображения, но ощущает их лишь как смутное, не локализованное недомогание. Прикосновения к изображению одежды она ощущает на тех частях тела, которые эта одежда покрывает.

Я во второй раз устанавливаю, что пластинка с бромжелатиновым слоем тоже испускает истечения с чередующимися максимумами и минимумами чувствительности; но здесь первый чувствительный слой лежит на самом изображении и промежутки между слоями меньше.

Те же наблюдения, что и 5 октября, о малой чувствительности стеклянной пластинки. Мне показалось, что один из чувствительных слоев, зависящих от ее собственного тела, смещался в пространстве, когда я ставил заряженную пластинку против нее так, чтобы вызвать, согласно моей гипотезе, интерференции с истечениями пластинки.

9 октября 1892 г. — Г-жа Люкс чувствует себя лучше; как только она приходит, я подношу к ней фотопластинку от 5 октября и колю пластинку; она еще ощущает укол, хотя вполне бодрствует.

Тогда я усыпляю ее и сильно разрываю булавкой бромжелатиновый слой; г-жа Люкс испытывает боль в той части тела, которая соответствует разорванной мною части изображения, но не лишается чувств, и никакой отметины не появляется.

У меня был отпечаток на бумаге, сделанный в то же утро, то есть через три с половиной дня после заряжания пластинки чувствительностью; он обнаруживает некоторую

чувствительность, но смутную. Когда его трогают несколько сильнее, г-жа Люкс ощущает что-то вроде дрожи по всему телу; эта дрожь неприятна, если я колю изображение, и приятна, если я его глажу.

31 октября 1892 г. — Я повторяю опыт фотографирования с г-жой Люкс, пользуясь пластинкой, предварительно *напитанной истечениями*, и разрываю бромжелатиновый слой, еще совсем свежий, сразу после закрепления: испытуемая испытывает неприятное ощущение, но не очень сильное, вероятно потому, что пленка разорвалась без усилия.

Я дважды сильно колю ту же пленку: она чувствует, но меньше, чем в предыдущих опытах, когда пленка была сухой; может быть, испытуемая сегодня менее чувствительна оттого, что здесь пять или шесть зрителей и в этом случае она находится в менее исключительной связи со мной. Однако через минуту или две обе отметины появляются на частях тела, соответствующих уколотым точкам изображения.

26 апреля 1893 г. — Г-жа О., у которой чувствительность очень легко выводится вовне, даже в бодрствующем состоянии, любезно согласилась пойти со мной к Надару, чтобы испробовать опыт с заряженной чувствительностью пластинкой. Следующие опыты были произведены в присутствии д-ра Барлемона и гг. Поля Надара и Антони Герроннана.

1-й опыт. — Кассету с пластинкой положили на колени г-же О., бодрствующей, но с выведенной вовне чувствительностью, и оставили там на несколько минут, чтобы установить связь; затем кассету вставили в аппарат и дали выдержку секунд в двадцать при довольно слабом свете.

Потом я спустился с г-жой О. и фотографом в нижний этаж, в темную комнату. Г-жа О. ощутила прохладу воды, когда пластинку

положили в кювету для проявления.

Когда пластинка была проявлена, мы установили, что г-жа О., находясь на некотором расстоянии, ощущала недомогание всякий раз, когда трогали пластинку, но не локализовала ощущение в той точке, которой коснулись на ее изображении. Зато ее тошнило всякий раз, когда шевелили кювету с жидкостью, служившей для проявления и стоявшей в нескольких метрах. Я заключил из этого, что агент, передающий чувствительность, почти целиком растворился в промывных водах.

2-й опыт. — Я глубоко усыпил г-жу О., и мы повторили съемку тем же образом; но на этот раз г-жа О. оставалась спящей на своем стуле, пока фотограф ходил в лабораторию проявлять пластинку. В какой-то момент г-жа О. стала корчиться, как если бы ощущала боли в желудке; оказалось, что в эту минуту фотограф нечаянно разбил пластинку, опуская ее в ванну.

Разбитую пластинку принесли наверх в кювете; испытуемая еще ощущала смутное, не локализованное недомогание, когда кололи ее изображение; ее также тошнило, когда взбалтывали воду в кювете[22].

[22] Эта тошнота, когда взбалтывают заряженную чувствительностью воду, бывает почти у всех испытуемых; мне о ней говорили, в частности, многие дамы, которые испытывают ее даже в своем обычном состоянии, когда неподалеку от них взбалтывают воду, служившую для их туалета.

3-й опыт. — Пока испытуемая еще спала, с нее сделали второй снимок, а также сфотографировали ладонь моей правой руки почти в натуральную величину так, чтобы заполнить пластинку того же размера, что и та, на которой был портрет г-жи О.

Когда г-жа О. проснулась и беседовала с нами, фотограф, спрятавшись за ширмой поблизости, положил фотографию моей руки поверх фотографии испытуемой, обоими желатиновыми

слоями друг к другу, по моим указаниям, данным *втайне от испытуемой*, которая даже не подозревала, что будет предпринят опыт этого рода.

Я рассуждал так: раз я усыплял г-жу О., просто протягивая на расстоянии ладонь своей правой руки перед ее лбом, моя рука излучала, и это излучение могло быть накоплено желатиновой пластинкой, подобно излучению самого испытуемого, когда его чувствительность выведена вовне. Изображение моей руки, отдавая затем в свою очередь излучением агент, которым оно зарядилось, должно было сообщить колебания, производящие гипноз, изображению г-жи О., а оно, служа просто передаточным звеном, передало бы их самой г-же О., если она находилась достаточно близко.

Случилось то, что я предвидел: в тот момент, когда фотограф, скрытый ширмой, клал обе пластинки одну против другой, г-жа О. перестала говорить и уснула почти мгновенно.

Тогда я сам зашел за ширму и *разбудил испытуемую, подув на ее изображение*.

Затем мы повторили опыт, причем испытуемая, как это обычно бывает, не знала, что она уснула, а потом проснулась; вторая попытка удалась, как и первая.

Тогда мы рассказали г-же О. о том, что произошло; ей было очень трудно этому поверить. Так как она очень мало поддается внушению, даже в состоянии гипноза, она уверила нас, что будет противиться желанию спать, если оно действительно появится, и что нам не удастся навести на нее сон. Фотограф положил обе пластинки одну против другой в ее присутствии, и борьба длилась не больше минуты: она снова уснула[23].

[23] Г-жа О. недомогала три дня после этого сеанса; она приписывала это недомогание тому, что пластинка разбилась.

Таковы *единственные* опыты, которые я произвел, чтобы превратить фотопластинки в *мумии*. Две новые выписки из сочинения д-ра Батая, широко распространенного среди католического духовенства, позволят, так сказать, своими глазами увидеть, как рождается одно из тех поверий, что живут еще и в наш век; они покажут, как далеко может завести вольность некоторых воображений, как вымыслы проникают в умы множества людей и почему ученый Габриэль Ноде, врач Людовика XIII, написал в 1625 году книгу под заглавием «Апология всех великих людей, которых ложно подозревали в магии».

> Способ околдования, который полковник де Роша изучал особенно прилежно, — это фотографическое околдование; можно даже сказать, что он его изобретатель. Он состоит в том, чтобы на фотографии, негатив которой получен в определенных условиях, наносить те уколы булавкой старого обычая, какие большинство оккультистов наносит восковым куклам. Человек, чью фотографию так терзают, ощущает боли во всех частях тела, в которых уколот его портрет.
>
> Этот прием еще находится в стадии опыта. Тем не менее, как только он стал известен, палладисты позаботились найти ему противодействие, как для жабы и восковой куклы. Старый Уолдер утверждал, что для победы над фотографическим околдованием он открыл чудесный рецепт.
>
> Нечего и говорить, что этот рецепт — новый повод к святотатствам. «Когда знаешь себя околдованным, — утверждал он, — по способу, введенному в моду г-ном де Роша, нужно каждый понедельник, с седьмым ударом бьющего полудня, натирать тело, на висках, вокруг шеи и в области сердца, жидкой мазью, составленной из скипидарного масла и сгущенной адонаитской гостии, обращенной в порошок; делая это

растирание, нужно все время повторять истинное J∴ B∴ M∴ (*Jesus Bethlemitus Maledictus*). Сверх того, во всякий другой день недели, едва встав с постели, нужно оставаться три минуты, держа большой палец загнутым и спрятанным в ладони, как на правой, так и на левой руке, и вслух произносить по-гречески формулу шестого часа, как ее дает божественный Аполлоний Тианский в „Нюктемероне", формулу, которая толкуется так: „Дух стоит неподвижно; он видит, как адские чудовища идут на него, и он без страха"». Верно следуя его предписаниям, обретут неуязвимость, обеспеченную против всяких нападений околдовывающего, и на тридцать третий день фотографический вольт окончательно утратит всю свою злотворную силу[24].

(«Дьявол в XIX веке», с. 256.)

---

[24] Несколько месяцев назад печать занималась одним лишенным сана священником, аббатом Буланом, который основал в Лионе мистическую секту *Кармель*. Он брал, говорят, статуэтки святых или святых жен, крестил их именами людей, которым хотел зла, и мучил их, произнося призывания к дьяволу. С другой стороны, у него были враги, которые действовали так же против него, и дошло даже до того, что стали говорить, будто он умер от причины этого рода. Во всяком случае, любопытство публики было так возбуждено, что г-н Фил. Окье смог напечатать 7 февраля 1893 года в «Фигаро» статью под заглавием «Король экзорцистов», где мы находим о противоколдованиях названного аббата Булана сведения, словно бы заимствованные из какого-нибудь средневекового гримуара.

«Если, опасаясь околдования, вы обращались к апостолу, он начинал с того, что усыплял ясновидящую и заставлял ее объяснить, как только она погружалась в сомнамбулический сон, природу претерпенной порчи. Если случай был тяжелый, он прибегал „к жертве славы Мелхиседека", которая совершается так:

„На алтарь, составленный из стола и деревянной дарохранительницы в виде домика, увенчанной крестом в круге, с фигурой Тетраграмматона на фронтоне, служащий велит принести серебряную чашу, опресноки и вино. Затем, облачившись в священнические одежды — длинное алое платье, перехваченное в талии бело-красным шнуром, и белую мантию, вырезанную на груди в виде опрокинутого креста, — он начинает читать молитвы жертвы.

Пришедший за помощью стоит возле алтаря. Продолжая свои молитвы, священник кладет левую руку на голову околдованного; затем, простирая другую руку, он умоляет архангела святого Михаила помочь ему и заклинает славные легионы ангелов сковать духов зла. Наконец наступает время молитвы-моления, и служащий трижды громко взывает, положив на алтарь руку пришедшего. Затем опресноки и вино подносят ему, и жертва оканчивается“».

Дальше (с. 285) д-р Батай отчасти воспроизводит статью г-на Ораса Бланшона, рассказывающую об опытах, которые тот видел у меня в больнице Шарите на трех больных из отделения г-на д-ра Люиса — г-же Б., некой Жанне и некой Клариссе, — и прибавляет:

> Эта выписка небесполезна: писатель воспроизводит, верно рассказав, что видел; и его беспристрастие тем бесспорнее, что лично он объявляет в заключение, что нисколько не убежден опытами, на которых присутствовал у г-на де Роша, «научная добросовестность которого, — говорит он, — впрочем, вовсе не подвергается сомнению». Г-н Орас Бланшон думает, что испытуемые, которыми пользуется полковник, — искусные симулянтки, и только. Истина в том, что во всем этом нет ни естественного научного результата, ни обмана, так как г-н де Роша не простак, которого шутницы могли бы провести; *здесь действует Дьявол*, ни больше ни меньше, и вот чего многие напрасно не хотят понять. Не наука людей, а наука одной лишь Церкви способна объяснить и объясняет эти странные и тревожные явления.

Разве не остаются, к сожалению, все так же злободневны эти строки Ноде? (*L. c.*, с. 93.)

> «К тому же было бы большим простодушием думать, будто только те, кто вступал в Круг, совершал призывания и занимался Магией, могут писать или составлять о ней книги, ведь всякий может легко рассуждать по своей прихоти о вещи, в которой нет ни правил, ни порядка, ни метода, и нужно лишь смешать знаки

двенадцати знаков зодиака и семи планет, имена нескольких ангелов Писания, Тоху и Боху, Урим и Туммим, Берешит и Меркаву, Эн-Соф и Агла каббалистов с гиппоманом, девственный пергамент, пентальфу, плащаницу, мертвую голову, кровь совы, летучей мыши и несколько молитв и заклинаний из *Flagellum Dæmonum*, чтобы сочинить бесчисленное множество тех Книг и таинственных Трактатов, которые передаются не иначе как тайком и обыкновенно очень дорого продаются теми, у кого нет иного средства добывать себе пропитание, кроме как совершать эти обманы и надувательства на счет многих слабых, суеверных и меланхолических умов, которые убеждают себя, будто нашли боб в пироге и средство творить множество чудесных и необыкновенных вещей, повстречав этих обманщиков и шарлатанов.

…Tam magna est penuria mentis ubique!
In nugas tam prona via est!…»

СИМПАТИЧЕСКИЙ ПОРОШОК

✦

I

Околдование, по-видимому, приводит к тому, что человек страдает от действия, оказанного на расстоянии на его нервную систему. Если этот факт реален, то непременно должна существовать и его обратная сторона; и действительно, мне достаточно было перебрать предания, которыми пренебрегла официальная история наук, чтобы найти в них доказательство того, что выведенный вовне нервный агент может передавать как благотворные, так и вредные воздействия.

Так как зло, по-видимому, всегда привлекало людей больше, чем добро, исцеления на расстоянии с помощью *симпатических средств* появляются у нас лишь в сравнительно недавние времена; но это обстоятельство имеет по крайней мере то преимущество, что позволяет нам отыскать первые наблюдения и изучить их прежде, чем они были искажены более или менее чудесными подробностями, которыми воображение толпы не замедлило их окружить.

II

Симпатический порошок, по мнению наших отцов, исцелял раны, если его просто прикладывали к тряпицам, которыми эти раны перевязывали. Это был не что иное, как синий купорос, или сернокислая медь, растертый и употребляемый при определенных условиях. Известно, что сернокислая медь сильно

действует против микроорганизмов и обеззараживает раны при соприкосновении; курильщики, у которых бывают афты во рту, вылечиваются, просто прикасаясь к этим маленьким язвочкам кристаллом купороса; вот уже несколько лет его употребляют в большом количестве против оидиума, одной из болезней виноградной лозы.

Больше всех способствовал его известности человек знаменитый, пользовавшийся в свое время огромной славой как государственный деятель, как военный, как ученый и как библиофил, — кавалер Кенелм Дигби.

Родившийся в 1603 году в знатной английской семье, он уже в детстве заслужил сравнение с Пико делла Мирандолой за изумительную память, редкую проницательность и блестящие телесные и душевные качества.

В 1628 году, когда у англичан вышла какая-то распря с венецианцами и алжирцами, Дигби, которому едва исполнилось 25 лет, снарядил на свой счет эскадру и с позволения своего короля отплыл в Средиземное море, где разбил обе враждебные державы.

Несколько лет спустя, вынужденный по политическим причинам покинуть Англию, он пустился путешествовать. Он посетил самых знаменитых ученых, в частности Декарта, и несколько раз подолгу жил во Франции. В 1644 году он выпустил в Париже изложение своей философской системы под заглавием «Трактат о природе тел». 1657 и 1658 годы он провел в Монпелье, и именно в это время произнес перед собранием Университета речь о симпатическом порошке[1], из которой мы берем следующие сведения.

[1] «Речь, произнесенная в одном знаменитом собрании кавалером Дигби, канцлером королевы Великобритании и пр., об исцелении ран симпатическим

порошком». Париж, Курбе, 1658, малое in-8°.

Это сочинение несколько раз переиздавалось, в частности в 1673 году в Руане, in-12, с небольшой «Диссертацией на ту же тему» Николя Папена. Другое издание выпустил в Париже в 1681 году Жак Осмон.

Дигби узнал, говорит он[2], секрет симпатического порошка от одного монаха-кармелита, который путешествовал по Китаю, Персии и Индии.

---

[2] Я не очень верю этой истории о кармелите-путешественнике. Более чем за век до того Парацельс опубликовал (*Archidoxis magicæ*, lib. I) рецепт своей ранозаживляющей мази, составленной из человеческой крови, человеческого жира, уснеи (мха, собранного с человеческого черепа, оставленного на сырости), льняного масла, розового масла, армянского болюса и т. д. Чтобы исцелить рану *без боли и без пластыря, даже на расстоянии 20 миль*, достаточно было окунуть в эту мазь кусочек дерева, пропитанный кровью раненого. — В другом месте (*De tumor., pust., et ulcer. morbi gallici*, lib. X) он советует употреблять купорос, добытый из меди, для лечения некоторых язв. Вот, впрочем, как он объясняет целебное действие лекарств: «Лекарства действуют излиянием своих сил, динамической силой, запахом, вкусом, и действие это бывает иногда мгновенным. Когда вы прикладываете пластырь к ране, вы ведь не думаете, что этот пластырь превращается в плоть; он действует магнетически одним своим присутствием. То же и с внутренними лекарствами: чем духовнее их природа, тем больше в них целебной силы».

В детские годы Дигби мысли Парацельса о том, что между отделенными частями тела животного и самим животным довольно долго сохраняется жизненная связь, были шумно возвращены в общий разговор по поводу случая с одним брюссельцем. Потеряв нос в схватке, он отправился сделать себе новый к знатоку этого дела, знаменитому хирургу Гаспаро Тальякоцци из Болоньи; но так как он боялся надреза, который пришлось бы сделать на его собственной руке, он взял с собой для этой цели носильщика, из руки которого ему за условленную плату и выкроили нос. Месяцев через тринадцать брюсселец, вернувшись на родину, почувствовал, что нос его вдруг похолодел, а через несколько дней сгнил. Когда стали доискиваться причины этого нежданного отпадения, оказалось, что в ту самую минуту, когда нос похолодел, носильщик умер. Знаменитый Ван Гельмонт, знавший очевидцев этого случая, написал в 1617 году трактат под заглавием *De magnetica vulnerum curatione*, который был напечатан лишь в 1621 году и наделал очень много шума. Он приводит в нем для объяснения множество сходных явлений, о которых Дигби тоже напоминает в своей речи.

Максвелл, рассказывающий этот случай во II книге своего трактата «Магнетическая медицина», прибавляет: «Я слышал подобную историю от одного моего друга, доктора медицины, который клялся мне, что был ее очевидцем».

Дигби передал его королю Якову, который испытал его во многих случаях, а затем Теодору Тюрке де Майерну, первому врачу короля Франции[3]. Тюрке передал его герцогу Майеннскому, своему покровителю, погибшему в 1621 году при осаде Монтобана. Хирург герцога продал его нескольким лицам за значительные суммы, и вскоре он стал общим достоянием.

[3] Тюрке, побывав врачом Генриха IV, переехал в Англию, где стал врачом Якова I и Карла I.

> Способ и порядок употребления этого симпатического средства состоял, говорит Дигби[4], в том, чтобы взять просто купорос (хотя бы самый обыкновенный), как он поступает от москательщиков, без всякого приготовления или добавки, и растворить его в ключевой или, лучше, в дождевой воде в таком количестве, чтобы полированное железо (например, нож), опущенное в нее, выходило все окрашенным, словно превратилось в медь[5]. И в эту воду клали мокнуть какую-нибудь тряпицу, запачканную кровью раны, которую хотели излечить, если тряпица была сухая; если же она была еще свежа и влажна от крови, достаточно было посыпать ее порошком того же купороса, так чтобы порошок вошел и впитался в еще влажную кровь; и держать то и другое в умеренном тепле: порошок — в коробочке в кармане, а воду (которая не допускает такого удобства) — в какой-нибудь комнате, где тепло умеренное. И всякий раз, как кладут свежую купоросную воду или свежий порошок на новую тряпицу или другую окровавленную ткань, человек чувствует новое облегчение, как если бы в эту минуту рану и вправду перевязали каким-нибудь превосходнейшим лекарством.

[4] «Речь, произнесенная в знаменитом собрании…» Париж, 1658, с. 179.

[5] Отсюда видно, что купорос Дигби был именно сернокислой медью, а не сернокислым железом, как ошибочно указывает большинство новых сочинений.

> И потому эту перевязку повторяли вечером и утром. Но теперь большая часть тех, кто пользуется этим симпатическим средством, старается раздобыть римский или кипрский купорос; затем его прокаливают на солнце добела. А сверх того некоторые прибавляют к нему трагакантовую камедь: *Facile est inventis addere*. Что до меня, я видел столь же сильное действие от одного купороса по восемнадцать денье за фунт, как и от порошка, который приготовляют ныне.

Вот теперь, из той же книги, ясный и обстоятельный рассказ об одном из случаев исцеления симпатическим порошком.

> Г-н Джеймс Хауэлл, секретарь герцога Бекингема (довольно известный во Франции своими сочинениями, и особенно, как мне кажется, своей «Дендрологией», переведенной на французский язык г-ном Бодуэном), однажды подоспел к тому, как двое его друзей дрались на дуэли. Он тотчас постарался их разнять; он бросается между ними и левой рукой хватает за эфес шпагу одного из противников, а правой берется за клинок шпаги другого. Те, охваченные яростью друг против друга, силятся освободиться от помехи, которую их общий друг чинил им, не давая заколоть друг друга; и один, резко выдернув свою шпагу, которую не удалось удержать за клинок, рассекает до кости все нервы, мышцы и сухожилия руки г-на Хауэлла; а в то же время другой высвобождает свой эфес и наносит рубящий удар по голове своего противника; удар обрушивается на голову их друга, и тот, чтобы отвести его, подставляет уже раненую руку, которая, таким образом, оказалась рассечена снаружи так же, как была рассечена изнутри… Видя, что лицо г-на Хауэлла все залито кровью,

стекающей с его поднятой руки, они подбегают к нему на помощь; осмотрев его раны, они перевязывают их одной из его подвязок, чтобы сжать вены, которые все были перерезаны и обильно кровоточили. Они отводят его домой, ищут хирурга; и первый попавшийся наложил ему первую повязку. Для второй, когда на другой день пришлось открыть рану, к нему прислал королевского хирурга Его Величество, весьма благоволивший к упомянутому господину Хауэллу.

Я жил совсем рядом с ним. И однажды утром, когда я одевался, через четыре или пять дней после этого происшествия, он пришел в мою комнату просить у меня какого-нибудь средства от своей беды. Потому что (сказал он) он узнал, что у меня есть очень хорошие средства для подобных случаев, а его рана в таком дурном состоянии, что хирурги опасаются, как бы в нее не вошла гангрена: а случись это, придется отнять руку. И в самом деле, лицо его выдавало боль, которую он терпел и которую называл невыносимой, при крайнем воспалении. Я ответил ему, что охотно ему послужу; но что, когда он узнает, каким образом я перевязываю раненых, не трогая и не видя их, он, быть может, этого уже не захочет, потому что сочтет такой способ лечения суеверным или бесполезным. — Насчет второго (сказал он), великие чудеса, которые многие люди рассказывали мне о вашем лекарстве, не оставляют у меня никакого сомнения в его действенности. А насчет первого — все, что я могу сказать, заключено в испанской пословице: *haga se el milagro, y hagalo Mahoma*.

Тогда я попросил у него какой-нибудь лоскут ткани или полотна, на котором была бы кровь из его ран. Он тотчас послал за подвязкой, которая служила ему первой повязкой. А тем временем я велел подать таз, полный воды, как будто хотел вымыть руки, взял горсть купоросного порошка, который держал в шкафчике на своем столе, и быстро растворил его в воде. Как только подвязку

принесли, я положил ее в таз, примечая между тем, что делает г-н Хауэлл. Он разговаривал с одним дворянином в углу моей комнаты, не обращая внимания на то, что я делаю; и вдруг он вздрогнул и сделал движение, как если бы ощутил в себе какое-то сильное волнение. Я спросил его, что с ним и что он чувствует. — Не знаю (сказал он), что со мной, но знаю наверное, что больше не чувствую боли. Мне кажется, будто приятная прохлада, словно от мокрой и холодной салфетки, разливается по моей руке, и это сняло весь жар воспаления, который я чувствовал. — Раз так (ответил я ему), раз вы уже чувствуете такое доброе действие моего лекарства, советую вам снять все ваши пластыри; держите только рану в чистоте и в умеренном, ровном состоянии между теплом и холодом[6].

[6] Ср. наблюдение американского хирурга в примечании Е.

Об этом тотчас донесли г-ну Бекингему, а немного погодя и королю, которым обоим очень хотелось узнать, чем кончится дело. А кончилось оно тем, что после обеда я вынул подвязку из воды и положил ее сушиться у большого огня. Едва она высохла (а для этого нужно было, чтобы она сначала хорошо прогрелась), как вот является лакей г-на Хауэлла и говорит мне, что его господин с недавних пор чувствует боль, такую же, как прежде, и даже сильнее, и такой крайний жар, как если бы его рука лежала среди горящих углей; я ответил ему, что, хотя это с ним сейчас и случилось, он тем не менее очень скоро будет здоров, что я знаю причину этого нового случая и распоряжусь, и что его господин избавится от боли и воспаления прежде, чем он, лакей, успеет вернуться к нему с этим известием. А если этого не будет, пусть вернется меня предупредить; если же будет, ему незачем возвращаться. С тем он и уходит; а я в ту же минуту кладу подвязку обратно в воду; и хотя до дома его господина было всего два шага, лакей застает его совсем без боли; и даже прежде, чем он

туда дошел, она совсем прекратилась. Короче говоря, боли больше не было, и через пять или шесть дней его рана зарубцевалась и совсем зажила (с. 7 и сл., изд. 1681 г.).

Итак, испытуемый воспринимает воздействия, оказанные на кровь из его раны, которая сохраняет чувствительную связь с телом, лишь бы расстояние было не слишком велико; ведь Дигби отмечает, что его жилище было совсем рядом с жилищем Джеймса Хауэлла. Но эта передача чувствительности не ограничивается целебным действием; она полная в том смысле, что тепло и холод так же ощущаются на расстоянии; кроме того, некоторые воздействия разрушают связь, или соединение, как указывает Дигби на с. 146:

Я сказал, что, так как свет уносит эти атомы купороса и крови и рассеивает их в воздухе на большое пространство, рана притягивает их и сначала получает облегчение, а затем и исцеляется духами купороса, который бальзамичен.

Но если вы поставите таз или порошок с тряпицей, запачканной кровью, в стенной шкаф в каком-нибудь углу холодной комнаты или в погреб, куда не проникает свет и откуда не выходит воздух (а потому он испорчен и отдает затхлостью), в таком случае рана не почувствует никакого улучшения и никакого действия этого порошка. И то же самое случится, если, поставив таз или порошок в какой-нибудь угол, вы накроете их множеством толстых, душных и губчатых покрывал, которые вбирают атомы, способные оттуда выйти, и задерживают свет и лучи, которые туда входят, останавливаются там и теряются.

Также если вы дадите замерзнуть купоросной воде, в которой мокнет тряпица, раненый поначалу почувствует в ране сильный холод; но когда все замерзнет, он не почувствует ни добра, ни худа,

потому что этот леденящий холод закупоривает поры воды, и она тогда не дает духам испаряться или выходить.

Если выстирать запачканную тряпицу в уксусе или щелоке (которые своей едкостью и проницательностью уносят все духи крови), прежде чем приложить к ней купорос, он не окажет никакого действия. Но если ее выстирать только в простой воде, он все же окажет некоторое действие (потому что вода уносит их не так много); однако действие будет не так велико, как если бы тряпица вовсе не была выстирана, потому что тогда она полна всех духов крови.

То же самое лечение производится, если приложить средство к шпаге, которая ранила человека, разве только шпагу сильно нагревали на огне, потому что огонь заставил бы испариться все духи крови, а это сделало бы шпагу непригодной для такого лечения.

И вот причина, почему можно перевязывать шпагу. Тонкие духи крови проникают в вещество клинка шпаги на такую длину, на какую клинок вошел в тело раненого, и пребывают там, и ничто не может их оттуда изгнать, кроме, как я сказал, огня. В доказательство подержите шпагу над умеренной жаровней, и вы увидите, как на стороне клинка, противоположной огню, выступит легкая влага, похожая на пятно, которое дыхание оставляет на зеркале или на том же полированном клинке; и если вы посмотрите сквозь какое-нибудь стекло, сильно увеличивающее предметы, вы увидите, что эта роса духов состоит из маленьких пузырьков, или вздутых пузырей. И когда они однажды совсем испарятся, вы больше не увидите их на этой шпаге, если ее снова не вонзят в какое-нибудь живое тело; и даже с самого начала вы не увидите их нигде, кроме как именно на той части клинка, которая вошла в рану[7]… И вот, пока духи находятся в шпаге, она (благодаря их тонкому проникновению) будет служить исцелению раненого[8]; но после того как огонь однажды

их изгнал, средство, приложенное к этой шпаге, ничего не сделает. Кроме того, если эти атомы сопровождает какой-нибудь сильный жар, он воспаляет рану; но этому может помочь обычная соль; влажность воды увлажняет рану, а холод вызывает у раненого озноб…

---

[7] Аббат де Валлемон («Оккультная физика», с. 217) говорит, что этот опыт помогает хирургам узнать глубину раны, не зондируя ее, потому что этот пар образуется только на той части шпаги, которая вошла в живое тело.

---

[8] Парацельс (*Archidoxis magicæ*, с. 699; Женева, 1668) уже указывал, что для исцеления раны мазь прикладывают к оружию, которое ее нанесло.

Unguentum armorum

Hoc modo unguentum quoque parare potest, quod vulnera citra omnem dolorem sanescant, si arma, quibus aliquis vulneratus est, unguento illo olinas.

Эта мазь была того же состава, что и ранозаживляющая мазь, о которой я говорил выше, в сноске 2; но Парацельс говорит, что хорошо прибавить к ней меду и бычьей крови!

Мне кажется, что моя речь достаточно ясно показала вам, что в этом лечении нет нужды допускать действие агента, удаленного от больного. Я начертил вам действительное сообщение одного с другим, а именно бальзамического вещества, которое телесно смешивается с раной.

Было бы жалким малодушием, мелкостью сердца и грубым невежеством ума — предполагать здесь какое-то действие магии или чар и ограничивать все действия природы грубостью наших чувств, когда мы недостаточно рассмотрели и исследовали причины и начала, на которых надлежит основывать наше суждение. Для этого затруднения нет нужды прибегать к демону или к ангелу:

Nec Deus intersit, nisi dignus vindice nodus
Inciderit…

III

Симпатический порошок пользовался огромным успехом до самого конца XVII века.

Сьер Папен, «доктор медицины и один из самых известных в городе Блуа[9]», написал о нем длинную диссертацию; вот ее предисловие.

---

[9] Предуведомление, помещенное сьером Ро в начале французского перевода латинской диссертации Папена о симпатическом порошке, который он издал в 1681 году. Речь идет здесь о Николя Папене, дяде Дени Папена, изобретателя паровой машины.

> Сенека в своих «Естественнонаучных вопросах» уверяет нас, что *Природа, мать всех вещей, не так расточительна на самое редкое и самое тайное, что у нее есть, чтобы выставлять все это разом. Не всякий без разбора проникает в ее тайны, и они не так известны каждому; она хранит их, как святилище. Потому-то и бывает, что в одно время открывают одно, а в другое — другое.* Конечно, если в наш век в медицине открылась какая-нибудь удивительная тайна, которая должна подтвердить это мнение, то это, несомненно, тот чудесный способ исцелять раны, полученные человеческим телом, приложением симпатического порошка, открытие которого совсем ново и который, снискав всеобщее одобрение своими редкими и частыми опытами, достоин взять верх над всякого рода лекарствами…
>
> Как только я услышал об этом чуде, я убедил себя, что это какая-то пустая выдумка или нечто, достойное смеха; но, узнав, что его одобряют самые значительные лица, я и сам начал изумляться. И наконец, удостоверившись в истине многими опытами, которые я произвел, я увидел себя обязанным со всей уверенностью встать на его сторону. Я уже не доискивался, верно ли это, а доискивался, что это такое и каким образом оно происходит. Однако я все же оставался в довольно больших затруднениях, которые длились

более года, пока, отплыв на Кандию, мы не были вынуждены из-за непогоды зайти на Занте. Там, будучи желанным гостем в знаменитой коллегии врачей этого города, я имел случай побеседовать о чудесной силе симпатического порошка и сделать ее предметом публичного обсуждения. Ученых там собралось много; часть их с трудом удерживалась от смеха, едва услышав его название; другие, нисколько не сомневавшиеся в его истине после частых опытов, которые один очень искусный и очень ученый хирург того же острова производил публично, считали его действия превышающими природу и осуждали его употребление, приводя единственный довод, что те, кто им пользуется, заключили какой-то договор с демоном.

Папен пускается затем в долгие рассуждения, основанные на бывших тогда в ходу учениях о Мировом Духе, — рассуждения, ставшие ныне для нас весьма темными, потому что у нас другие понятия и мы пользуемся другими терминами, столь же учеными, которые покажутся столь же непонятными нашим преемникам. Вот, впрочем, его заключение: «Вместе с силой, запечатленной в носителе иной природы, распространяется вместе с ними и самая тонкая и самая эфирная часть духа, оставшаяся в крови или в гное; и она, поскольку еще причастна чему-то стихийному, вместе с тем, что в ней есть самого небесного, становится главным орудием изменений первичных стихийных качеств, которыми она наполнена как их собственный носитель, чтобы донести их до раненой части, так же как и силу склеивающую, которая происходит от камедей, смешанных с порошком, и равным образом силу саркотическую, или рубцующую, которая происходит от купороса. *Все это, по правде сказать, удавалось бы не так хорошо, если бы действие производилось в месте, слишком удаленном от раненого, и если бы тряпицу или ткань, окрашенную*

кровью и посыпанную порошком, держали в удалении на несколько часов пути».

Знаменитое «Собрание должным образом испытанных рецептов», напечатанное в 1676 году в Лионе стараниями г-жи Фуке, матери злополучного сюринтенданта финансов, дает два разных способа его приготовления и советует его против кровотечений.

В письме от 28 января 1685 года г-жа де Севинье говорит о ране, которая была у нее на ноге. *К счастью*, — пишет она дальше, *— у меня еще была божественная симпатия; мой сын расскажет вам, в каком добром я состоянии. Правда, маленькая ранка, которую мы считали закрывшейся, вздумала было взбунтоваться, но это было лишь для того, чтобы удостоиться чести быть исцеленной симпатическим порошком…*

В другом письме она пишет: *Успокоительный бальзам больше ничего не делал, и потому я с восторгом прибегла к вашему симпатическому порошку, который есть средство совершенно божественное.* И в доказательство его чудесной действенности она прибавляет: *Рана моя изменила вид, она почти сухая и зажившая. Наконец, если с помощью этого порошка, который Бог послал мне через вас, я смогу однажды ходить, куда мне вздумается, я уже не буду достойна того, чтобы вы хоть сколько-нибудь заботились о моем здоровье.*

Мы не знаем, как г-жа де Севинье употребляла свое божественное средство и не участвовало ли тут *внушение*, как при всех новинках, которые исцеляют лишь до тех пор, пока они в моде. Как бы то ни было, мало-помалу, как мы уже отмечали, сернокислое железо стали смешивать с сернокислой медью; к порошку прибавляли посторонние бездейственные вещества и давали его без разбора, не подозревая, что средство действенно

лишь для некоторых складов организма и при некоторых обстоятельствах. Поэтому историки медицины стали видеть в нем лишь «одно из тех заблуждений, которые не выдержали бы самой легкой проверки[10]». Приговор краток; но сколько раз мы уже видели, как столь же решительные утверждения были жестоко опровергнуты опытом!

[10] Д-р Меньер, «Консультации г-жи де Севинье», 1864, с. 101.

Что до меня, мне не довелось направить свои опыты в эту сторону, и вот единственные заметки, которые я нахожу в своих бумагах.

«*30 июля 1892 г.* — Я уколол в большой палец г-жу Люкс, усыпленную и с выведенной вовне чувствительностью. Кровь шла с трудом; несколько капель, собранных на платок, оставались чувствительными и передавали испытуемой ощущения с одного конца квартиры до другого (около дюжины метров).

Этот запачканный платок, опущенный в раствор сернокислой меди, вызывал у нее ощущение очень приятной прохлады; этого ощущения не было, когда его опускали в чистую воду.

Я пытался выяснить, какова связь, соединявшая ее кровь на платке с ее телом, то есть идет ли от ее большого пальца к пятну крови чувствительная линия, чувствительность которой убывает по мере удаления. Г-жа Люкс отметила максимумы и минимумы, но гораздо более частые, чем у обычных кривых, которые ее окружали. — Явления, которые нужно изучить полнее.

6 января 1893 г. — Г-жа Люкс порезала палец; она обмотала его полоской полотна, которая запачкалась кровью; я прошу у нее эту полоску, не говоря зачем, и, вернувшись домой, опускаю ее в раствор сернокислой меди. На следующий день г-жа Люкс показала мне свой маленький порез уже зарубцевавшимся и сказала, что со вчерашнего дня он ее не беспокоил. — Этот опыт не вполне чист и имеет значение лишь в сопоставлении с другими».

Зато один из моих друзей прислал мне из Маастрихта следующее, весьма любопытное письмо.

> Недавно я беседовал с одним очень образованным священником о ваших поразительных научных открытиях касательно выведения чувствительности вовне. Однако он не выказал всего того удивления, которого я ожидал. Он сказал мне:
>
> «Давно уже святой Альфонс Лигурийский занимался подобными вопросами. Когда его спросили, позволительно ли пользоваться симпатическим порошком, действующим на расстоянии, он полагал, что богословы в общем отвечали отрицательно, потому что казалось непостижимым, как свойства этого порошка могут действовать на расстоянии.
>
> Богослов Эльбель, однако, был того мнения, что эту практику можно терпеть в неотложных случаях, при условии, что раненый находится не слишком далеко, например на расстоянии трехсот шагов (*sic*), и что принимают меру предосторожности, делая оговорку против всякого действия демонов.
>
> Отмечают, что порошок, о котором идет речь (Cu^2O^3 SO^3), называется симпатическим потому, что, будучи посыпан на кровь, только что вышедшую из раны, он исцеляет эту рану и останавливает всякое истечение. Непонятно, как это может происходить иначе, чем через истечение вещества (чувствительности?) или через пары купороса, которые, соединившись с еще теплыми частицами крови, движутся в сторону раны и закрывают маленькие отверстия, через которые уходит кровь, как бы маленькими клиньями (*sic*)».
>
> Если я сообщаю эти подробности, то единственно для того, чтобы вы могли произвести в них отбор; быть может, вы найдете в них какую-нибудь особенность или какое-нибудь указание, которое пригодится для ваших исследований.

Вот небольшой рассказ, который я слышал от того же священника, ректора одной коллегии; я могу ручаться за его правдивость; а собранные мною сведения позволяют мне прибавить, что приемы, о которых идет речь, не редкость в Северном Брабанте.

Один ученик коллегии сильно поранился, упав сквозь оконное стекло. Была перерезана жилка, где бьется пульс, и, резко отдернув руку, несчастный нанес себе глубокий разрез в мякоти руки, обнаживший лучевую кость. Кровь била фонтаном из двух крупных вскрытых артерий. Врач оказал первую помощь; но ввиду сильного кровотечения он позвал на помощь собрата; случай казался безнадежным; жестокие боли заставляли бедного мальчика кричать несколько дней подряд. Так как одна из ран продолжала кровоточить, приходилось опасаться столбняка. Врачи не знали, что делать. Тогда-то один из земляков мальчика предложил прибегнуть к необычному средству. Он знал одного простого человека, который некоторыми приемами не только останавливал всякое кровотечение, но и тотчас унимал боли; достаточно было передать ему тряпицу, пропитанную кровью из раны. Он носил эту тряпицу на теле, чтобы держать ее при степени естественного тепла, и пока тряпица оставалась в таком состоянии, кровотечение и боль прекращались, но если кровь на тряпице остывала, больной снова впадал в прежнее состояние.

Выбора не было, и, хотя никто ничуть в это не верил, тотчас послали пропитанную кровью тряпицу. Как только этот человек ее получил, кровотечение и боль прекратились как по волшебству. Это было огромное облегчение для бедного мальчика и для его близких.

Надо думать, что обладатель *Pint* (так называют силу этого человека) старательно носил выводящую вовне тряпицу, потому что исцеление было быстрым и полным.

Жюль С.

IV

Я закончу эту главу еще несколькими выписками из сочинения Дигби, которые показывают, как английский ученый пытался объяснить наблюдавшиеся им явления.

а) Форма молекул тел и кристаллы

Каждый род тел принимает особую фигуру. Мы ясно видим это на различных родах солей. Толките их по отдельности, растворяйте, сгущайте и изменяйте их сколько вам угодно, они после каждого растворения и сгущения всегда возвращаются к своей природной фигуре, и каждый атом одной и той же соли всегда принимает одну и ту же фигуру. Поваренная соль всегда образуется кубами с квадратными гранями, селитра — шестигранными столбиками, нашатырь — шестиугольниками с шестью остриями, так же как снег бывает шестиугольным; мочевая соль — пятиугольниками… и так же многие другие соли.

Перегонщики заметили, что если они выливают на мертвую голову[11] какой-нибудь перегонки ту самую воду, которая из нее была перегнана, вода впитывается в нее и тотчас с нею соединяется; если же вы нальете туда какую-нибудь другую воду, она плавает поверху и с великим трудом входит в нее. Причина в том, что эта перегнанная вода, которая кажется однородным телом, все же составлена из частиц разной природы и, следовательно, разных фигур (как показывают воочию химики); и так как эти атомы были изгнаны действием огня из своих камер и как бы лож, которые были им приспособлены с весьма точной соразмерностью, то, возвращаясь в свои прежние жилища, то есть в те поры, которые они оставили пустыми в мертвых головах, они располагаются там, чудесно соединяясь и соразмеряясь друг с другом.

[11] Древние химики называли *caput mortuum*, или *мертвой головой*, остаток своих действий.

И то же самое бывает, когда идет дождь после большой засухи; ибо земля тотчас впивает эту воду, которая была притянута из нее солнцем, тогда как всякую другую, чужую жидкость она впускала бы в себя лишь с трудом.

А что в телах, которые кажутся однородными, есть поры разных фигур, утверждает г-н Гассенди, и он пытается доказать это растворением солей разных фигур в обычной воде. Когда (говорит он) вы растворите в ней — или для этой цели — поваренной соли столько, сколько она может принять, — предположим, например, фунт, — то если вы положите туда еще хоть один скрупул, она даст ему опуститься на дно, как если бы это был песок или штукатурка; теперь растворите в ней еще изрядное количество селитры; и когда она больше не будет ее брать, она растворит столько же нашатыря, и так же других солей разных фигур. (С. 75 и сл.)

б) Молекулы одной природы притягиваются

В нашей стране (и я думаю, что здесь то же самое) запасают на весь год паштеты из оленины и лани в ту пору, когда мясо их лучше и вкуснее всего, то есть в июле и августе; их запекают в глиняных горшках или в твердой корке из ржаного теста, хорошо приправив пряностями и солью; а когда они остынут, их заливают на шесть пальцев свежим растопленным маслом, чтобы воздух их не тронул. Однако замечено, что при всех стараниях, когда живые животные той же природы и вида находятся в гоне, мясо в этих горшках сильно это ощущает, сильно портится и получает крепкий запах из-за козлиных духов, которые в эту пору исходят от живых животных и притягиваются мертвым мясом их же природы. И тогда с трудом удается уберечь это мясо от порчи. Но когда эта пора пройдет, на весь остаток года опасности нет.

Виноторговцы замечают в этих краях, да и всюду, где есть вино, что в пору, когда виноградники в цвету, вино в погребе бродит и выбрасывает на поверхность маленький белый осадок (его, кажется, называют маткой), и оно остается в беспорядке до тех пор, пока цветы виноградников не опадут; а тогда, когда это волнение, или брожение, утихнет, все вино возвращается в прежнее состояние. И сделали это замечание не сегодня; ибо (не говоря о многих других, кто об этом пишет) святой Ефрем Сирин в своем последнем завещании (тому около тринадцати сотен лет) рассказывает об этом самом обстоятельстве — о вине, которое претерпевает волнение и брожение в бочке в то самое время, когда виноградные лозы изливают свои духи в полях; и приводит подобный же пример сухих луковиц, которые прорастают на чердаке, когда посеянные в саду начинают выходить из земли и наполнять воздух благоуханием своих духов, — желая такими известными примерами из природы указать на общение, которое существует между живыми людьми и душами умерших. Дело в том, что эти жизненные духи, исходящие от цветов, наполняют воздух со всех сторон…, и их задерживает в бочках вино, которое служит им источником и которое в изобилии наполнено подобными духами. И эти вновь пришедшие летучие духи возбуждают самые неподвижные духи вина и производят в нем брожение, как если бы в него влили сладкого или молодого вина… И по этой же самой причине скатерть или салфетка, запачканная ежевикой или красным вином, легко отстирывается, если стирать ее в пору цветения этих растений, тогда как во всякое другое время эти пятна не поддаются щелоку[12]…

[12] Я слышал от одной дамы, живущей в деревне в большом винодельческом краю, что винные пятна на салфетках и скатертях снова проступали в пору приготовления вина, хотя это белье после стирки казалось совершенно белым.

В Англии, где у нас недостаточно виноградников, чтобы делать из них вино, наблюдается то же самое, и даже с некоторой

особенностью сверх того. Хотя в нашей стране вина не делают, его у нас все же очень много, и его привозят извне. Оно идет главным образом из трех мест: с Канарских островов, из Испании и из Гаскони. А так как эти края лежат в разных климатах и на разных градусах широты и, следовательно, один теплее другого, и одни и те же деревья и растения цветут в них одни раньше других, то бывает, что брожение наших разных вин наступает раньше или позже, смотря по тому, раньше или позже цветут у себя на родине виноградники, откуда они идут; что согласно с тем, что каждое вино охотнее притягивает духи тех виноградников, откуда оно происходит, чем других.

Я не могу удержаться, чтобы не сделать по этому случаю небольшого отступления и не изложить еще одно действие природы, которое мы видим довольно часто и которое не менее любопытно, чем главное, о котором мы говорим. Причины и пружины его, быть может, еще темнее; тем не менее во многих обстоятельствах они зависят от тех же начал, хотя в других различны. Речь идет о знаках, которые появляются у детей, когда их матери во время беременности захотят что-нибудь съесть. Чтобы приступить к этому моим обычным порядком, я предложу сначала один пример. Одна знатная дама, которую многие в этом собрании знают (по крайней мере понаслышке), носит на шее изображение ежевичной ягоды, столь точное, как мог бы его представить живописец или ваятель; ибо у него не только цвет, но и величина, и оно выступает над кожей, как бы в полурельефе. Мать этой дамы, будучи ею беременна, захотела ежевики; и так как воображение ее было этим полно, в первый же раз, как она ее увидела, одна ягода случайно упала ей на шею. Тотчас же старательно стерли сок этой ягоды, и тогда она ничего больше не почувствовала; но когда ребенок родился, у него на шее заметили изображение ежевики, на том самом месте, куда ягода упала у матери; и каждый год, в пору ежевики, этот знак, или, лучше

сказать, этот нарост, вздувается, увеличивается, зудит и воспаляется. Другая девушка, у которой был подобный знак, только от земляники, страдала от него еще больше; ибо в пору земляники он не только зудел и воспалялся, но и лопался, как нарыв, и из него текла едкая и разъедающая влага, пока один искусный хирург не удалил его до самых корней прижиганием; и с тех пор она никогда не чувствовала никакой перемены в этом месте, которое так ее прежде беспокоило, — там остался лишь простой рубец. (С. 82 и сл.)

в) Остатки жизни

Великое плодородие и богатство Англии состоит в пастбищах для прокорма скота. У нас самые прекрасные в мире животные, и в изобилии, особенно быки и коровы. Нет столь бедного хозяйства, где не было бы какой-нибудь коровы, дающей молоко. Это главная пища бедных людей, так же как и в Швейцарии. Потому они весьма заботятся о добром состоянии и здоровье своих коров.

Если случится, что при кипячении молоко так поднимется, что перельется через край кастрюльки и попадет в огонь, добрая хозяйка или служанка тотчас бросает все, что делала, бежит к кастрюльке, снимает ее с огня и в то же время берет горсть соли, которую всегда держат в углу очага, чтобы она была сухой, и бросает ее на угли, куда пролилось молоко.

Спросите ее, зачем она это делает, и она скажет вам, что это для того, чтобы у коровы, давшей это молоко, не заболело вымя; ибо без этого вымя у нее стало бы твердым и изъязвленным, она мочилась бы кровью и в конце концов могла бы умереть; не то чтобы такая крайность постигла ее с первого же раза, но все же она страдала бы от этой болезни; а если бы это случалось часто, корова непременно в конце концов от этого умерла бы.

Могло бы показаться, что в этом есть какое-то суеверие или безрассудство. От второго ручается непогрешимость действия; а что до первого, многие думают, что болезнь коровы сверхъестественна и есть действие какого-то колдовства и что, стало быть, средство, о котором я только что сказал, суеверно; но их легко разубедить, объяснив им, как это происходит, согласно основаниям, которые я положил[13]…

---

[13] Дигби объясняет, что молоко, падая на огонь, испаряется и что его атомы, рассеиваясь в воздухе, доходят до вымени коровы, *куда их притягивает симпатия*, унося с собой атомы огня, которые раздражают железистую и нежную ткань вымени. — Что до соли, трещащей на огне, она действует посредством своих атомов, которые захватывают атомы огня и осаждают их, не давая им идти дальше, точно так же как она сбивает атомы горящей сажи, когда ею пользуются против пожара в дымоходе; а если бы, впрочем, какие-нибудь атомы огня ускользнули и дошли до вымени, их сопровождали бы атомы духа соли, которые сами по себе — средство от ожога.

На практике магнетизеры разрывают эти *узы*, сильно колебля воздух между двумя предметами, находящимися *в связи*.

Это действие, касающееся сбережения коровы после того, как ее молоко пригорело, напоминает мне о том, что, по рассказам многих людей, они видели во Франции и в Англии.

Когда врачи осматривают молоко кормилицы для ребенка какого-нибудь знатного лица, они испытывают его разными способами, прежде чем окончательно судить о его доброте: по вкусу, по запаху, по цвету, по густоте и т. д. А некоторые кипятят его до выпаривания, чтобы увидеть его осадок и другие случайные свойства и обстоятельства, которые этим способом лучше распознаются и различаются. Но кормилицы, с молоком которых производили это последнее испытание, чувствовали сильные мучения в груди и в сосках, особенно пока их молоко кипятили; и потому, однажды испытав эту боль, они больше не хотели

соглашаться, чтобы их молоко уносили с их глаз, хотя охотно подчинялись всякому другому испытанию, кроме огня[14].

---

[14] Ван Гельмонт сообщает, что в его стране кормилицы, которые хотят, чтобы у них пропало молоко, сцеживают его на горящие угли и что после некоторого числа таких действий груди их иссякают.

«Все вещи, — говорит он, — которые каким-либо образом выходят из тела людей или животных, будь то естественным путем, будь то силой болезни, пропитаны жизненным духом и имеют общую жизнь с телом. Отсюда следует, что, будучи более сходны с телами, из которых они выходят, чем вещи, которые никогда не были в теле, они быстро запечатлевают в сходном теле качество, заимствованное ими у тела».

Ниже (гл. VI) мы увидим мнение Максвелла по этому вопросу.

Чтобы связать этот опыт с притяжением, которое вымя коровы оказывает на огонь вместе с паром пригоревшего молока, я расскажу вам о другом, подобного же рода, истину которого я сам видел не раз и который вы легко сможете испытать.

Берите нечистоты собаки всякий раз, как она их оставит, и всегда бросайте их в огонь. Сначала вы увидите ее лишь немного разгоряченной и взволнованной; но вскоре вы увидите ее как будто совсем обожженной, задыхающейся и высунувшей язык, словно она долго бежала.

А беда эта приключается с нею потому, что ее внутренности, притягивая пар своего сожженного извержения, а с этим паром и атомы огня, которые его сопровождают, изменяются и воспаляются, так что собака, постоянно в лихорадке и не в силах больше принимать пищу, худеет, бока ее сжимаются и западают, и в конце концов она от этого умирает.

Не годилось бы разглашать этот опыт среди некоторых людей и народов, слишком склонных пользоваться им во зло. Ибо то же, что случается с животными, случилось бы и с людьми, если бы так же поступали с их извержениями.

По этому поводу во время моего пребывания в Англии произошел замечательный случай с одним из наших соседей. У него был очень красивый и очень нежный ребенок; и, чтобы всегда иметь его на глазах, он поселил кормилицу у себя. Я часто у него бывал, потому что это был человек весьма влиятельный в делах, а я тогда нуждался в таком человеке. Однажды я застал его очень печальным, а его жену всю в слезах. Когда я спросил о причине, они сказали мне, что малышу очень плохо; что у него жар и все тело воспалено, что видно по красноте лица; что он поминутно тужится, чтобы сходить на горшок, и, однако, выходит у него очень мало, и то все с кровью; и что он отказывается от груди. А больше всего их огорчало то, что они не могли предположить никакой правдоподобной причины всего этого расстройства; ибо кормилица его была совершенно здорова, молоко у нее было такое хорошее, какого только можно желать, и во всем остальном за ним был надлежащий уход. Я тотчас сказал им, что в последний раз, как я был у них, я хотел было их предупредить, но тогда меня что-то другое отвлекло, а потом я уже не вспомнил им сказать. Дело в том, что ребенок, показав знаком, что хочет, чтобы его спустили на пол, едва его спустили, оставил свои нечистоты; а кормилица тотчас взяла лопатку золы с угольями, засыпала их, а затем бросила все в огонь. Мать стала извиняться передо мной, что так мало старались исправить эту дурную привычку ребенка, говоря, что, когда он подрастет, он исправится сам. Я ответил ей, что говорю это не из этих соображений, а чтобы найти причину болезни их ребенка, а затем и средство. И тут я рассказал им о подобном несчастье, которое за два или три года перед тем случилось с ребенком одного из самых видных советников Парижского парламента, воспитывавшимся в доме одного весьма известного врача того же города. Я рассказал им также то, что только что сообщил вам, господа, о собачьих извержениях, и

заставил их поразмыслить над тем, что они не раз слышали и что довольно часто делается в нашей стране.

А именно: в деревнях, где зимой всегда очень грязно, если случается, что какой-нибудь фермер опрятнее других и держит подходы к своему дому чище, чем соседи, батраки весьма рады прийти туда облегчиться; тем более что в таких деревнях почти нет отхожих мест; к тому же в местах, столь опрятно устроенных, эти молодцы-батраки не рискуют увязнуть в грязи, которая иначе могла бы залить им башмаки; но добрые хозяйки, отворив поутру дверь дома, находят там подарок, неприятный запах которого приводит их в гнев. Те, кто сведущ в этой игре, тотчас раскаляют в огне вертел или лопату и затем втыкают ее, горячую, в извержение; а когда жар угаснет, снова нагревают ее и повторяют то же много раз. Между тем негодник, учинивший эту гадость, чувствует боль и колики в кишках, воспаление в заднем проходе, постоянный позыв на низ, и едва он от этого избавится, как его весь тот день треплет лихорадка. Вот почему он остерегается приходить туда в другой раз. А эти женщины за то, что так оградили себя от подобных обид, по неведению людей слывут колдуньями и будто бы заключили договор с дьяволом, раз они так мучают людей, не видя их и не касаясь.

Этот дворянин не отверг того, что я только что сказал, и еще более утвердился, когда я сказал ему, чтобы он посмотрел на задний проход своего ребенка: он, без сомнения, найдет его очень красным и воспаленным; и, осмотрев, тотчас увидели, что он весь покрыт гнойничками и словно ободран.

Немного спустя бедный маленький страдалец с сильной болью и жалобными криками выпустил немного вещества; вместо того чтобы позволить бросить его в огонь или засыпать угольями, я велел положить его в таз с холодной водой и отнести в прохладное место; так и продолжали делать всякий раз, как ребенок давал к

тому повод; и ему стало лучше с того же часа, а через два или три дня он был совсем здоров[15]. (С. 170 и сл.)

---

[15] Каанье в своей «Магнетической магии» (Париж, 1858, с. 411) сообщает случай, подтверждающий наблюдения Дигби. Но, я не устану это повторять, не надо забывать, что, даже если допустить, что эти истории верны, видеть в них следует лишь случаи столь же исключительные, как и способности испытуемых, могущих входить в гипнотические состояния.

«В ранней молодости, — рассказал ему один из его друзей, — когда я совершал свой обход Франции, я нашел работу в одной мастерской, хозяйка которой влюбилась в меня. При моем возрасте и малой опытности я вскоре стал охотно получать от нее то, что она мне предлагала; но так как она была стара и у нее была дочь примерно моих лет, я чувствовал себя больше влюбленным в дочь, чем в мать, и дал ей это заметить; я даже поставил условием нашей связи узнать их обеих. Мать все обещала, но хотела выйти за меня замуж, прежде чем отдать мне дочь. Я нашел это предложение тем более удивительным, что муж этой женщины был жив и руководил нашей мастерской. Я ей это заметил. Она ответила мне: „Ты видишь, какой у него вид, он того и гляди помрет: я стараюсь от него избавиться; он живуч, вот уже больше пятнадцати месяцев, как я этим занимаюсь; но не пройдет и трех месяцев, как его не станет. — А что же ты такое делаешь? — спросил я. — Да вот что, — ответила она, — каждое утро он ходит по нужде на навозную кучу, а я хожу туда бросить щепотку… (Этот человек назвал мне вещество, которое я не могу открыть.) Ты видишь, — продолжала женщина, — какой у него понос и т. д., и т. д.; и надежды больше нет!!“»

«Этот человек сказал мне, что это откровение так смутило его душу, что он поспешил как можно скорее покинуть этот город. Он уверил меня, что справлялся о прежнем здоровье своего хозяина, что оно было из лучших и что действительно около пятнадцати месяцев назад его поразила неизлечимая дизентерия».

МАГНЕТИЧЕСКОЕ ЛЕЧЕНИЕ РАН ПЕРЕСАДКОЙ

✦

I

По верованиям XVII века, можно было не только облегчать страдания человека или причинять их ему на расстоянии, действуя на мумию, как мы только что видели в двух предыдущих главах, но и брались излечивать множество больных, извлекая из больного нездоровый флюид — причину болезни — с помощью некоторых веществ, обладающих свойством его поглощать.

За и против такого рода лечения написано много томов; достаточно хорошо оно изложено в главе IX «Оккультной физики» аббата де Валлемона[1]. Я привожу из нее главные места, намеренно оставляя перечень некоторых фактов, которые наше поколение признало ложными, чтобы показать, что самых основательных рассуждений не всегда достаточно, чтобы удержать нас в истине, и что в естественных науках прежде всего нужно установить действительность явлений.

[1] Эта книга, впервые изданная в 1693 году, имела большой успех: у меня в руках второе издание, напечатанное в 1696 году, где есть несколько вставок, добавленных *одним любителем природы*.

II

Когда хороший магнит касается железа, из этого камня происходит магнетическое истечение телец, которые намагничивают этот металл, то есть сообщают ему силу магнита,

как это видно на стрелке компаса. Есть врачи, которые утверждают, что больные, выдыхающие вовне болезнетворные тельца, могут этим путем передать свою болезнь другому и избавиться от нее посредством исцеления, которое они называют *магнетическим* из-за некоторого сходства его с истечениями, переходящими от магнита к железу.

Об этом между учеными идет большой спор. Одни говорят, что распространение болезней существует, и даже слишком действительное, но что так называемая пересадка — вещь совершенно несбыточная. Такого мнения держится Герман Грубе, и в книжечке под заглавием *De transplantatione morborum analysis nova*, напечатанной в Гамбурге в 1674 году, он утверждает, что нет ничего более недостоверного и менее возможного, чем это магнетическое исцеление.

Бартолин[2] изо всех сил сражается за пересадку: он показывает многими примерами, что это дело возможное, и не упускает призвать на помощь разум, чтобы доказать, что такое исцеление вполне естественно. «Журнал ученых» несколько лет назад поместил извлечение из этой книги, весьма любопытное. Очень многие сведущие люди держатся мнения, которому следовал Бартолин и которое он очень ясно объясняет философией телец.

[2] Томас Бартолин, родившийся в Копенгагене в 1616 году и умерший в 1680 году, был профессором медицины в Копенгагене и сделал несколько открытий в анатомии, в частности касательно млечных, грудных и лимфатических сосудов. Главные его сочинения: *Anatomia*, 1641; *De luce animalium*, 1647; *De monstro in natura et medicina*, 1672.

Вот приблизительно как говорит о ней «Журнал ученых».

Пересадка болезней — это когда человек исцеляется от недуга, сообщив его какому-нибудь животному, дереву или растению. Так, Бартолин рассказывает, что один человек, одержимый

четырехдневной лихорадкой, исцелился, положив себе под мышку теплый хлеб и дав его, весь пропитанный этим потом, съесть собаке; а другой исцелился от желтухи, замесив лепешку на моче с мукой и дав ее съесть кошке.

Роберт Фладд[3] рассказывает, как посредством пересадки некто Иоанн Румелий Фарамунд неизменно излечивал подагру. Этот доктор медицины, говорит Роберт Фладд, брал обрезки ногтей с ног и волосы с голеней подагриков и клал их в отверстие, которое просверливал в стволе дуба до самой сердцевины; заткнув это отверстие колышком из того же дерева, он покрывал его сверху коровьим навозом. Если болезнь не возвращалась в течение трех месяцев, он заключал, что у дуба довольно силы, чтобы притянуть к себе весь недуг (*Philosophia Mosaica*, lib. 2, memb. folio 120, sect. 2).

---

[3] Родившийся в Милгейте, в графстве Кент, в 1574 году и умерший в 1637 году, Р. Фладд был одним из самых своеобразных ученых своего времени. Будучи горячим приверженцем учений Каббалы, тайны которой он исследовал, он вместе с тем любил точные науки и выказывал редкую наблюдательность. Ни у кого не было более разносторонних познаний: он был одновременно философом, врачом, анатомом, химиком, математиком и физиком. Он строил машины, вызывавшие восхищение современников. По всей Европе он славился как астролог, некромант и хиромант.

Те, кто стремится соединить оккультные науки с положительными, должны брать за образец Роберта Фладда. Его сочинения, которые встречаются не очень часто, по-видимому, задуманы по плану такого союза.

Если бы Роберт Фладд был только философом-мистиком, парящим в отвлеченных областях мысли, мы обошли бы его молчанием; но он был в то же время проницательным исследователем, который с помощью опыта сумел установить начала, способные оказать большое влияние на ход физических наук.

Опытный метод, которым пользовался автор, напоминает нам своей математической строгостью начала натуральной философии Ньютона.

(Ферд. Гефер, «История химии», т. II, с. 177.)

Этот английский ученый утверждает, что такая пересадка происходит совершенно естественно, через излияние *Мумии*, или духов, пребывающих в крови, которых можно перевести в животное, в дерево или в растение[4]: *Mumia spiritualis cujus sedes est in sanguine microcosmico ex corpore humano, mediante quadam substantia magnetica ex eodem subjecto electa extrahi potest atque in bestiam, arborem, vel plantam transplantari; ita ut hac etiam ratione morbus ægroti possit ab eo in dictas creaturas transferri.*

[4] Андреас Тенцель (*Medicina diastatica*, гл. VII) говорит, что чувствительность человека можно перенести на растение, зарыв под этим растением мумию, то есть предмет, насыщенный этой чувствительностью, например кусок плоти. «Особенно нужно остерегаться повредить куст или растение, которое тоже насытилось через мумию частью члена; напротив, за ним нужно ухаживать и стараться ускорить его рост».

Он доказывает это излияние духов опытом нескольких собак, которые, потеряв хозяина, различали его на большой ярмарке, шли за ним всюду, где он проходил, хотя он был верхом, и в конце концов находили его, ведомые чувством особой мумии, которая непрестанно испарялась из тела хозяина и оставляла следы его особы в воздухе даже долгое время спустя после того, как его там уже не было.

Если принять это за твердо установленное, то для пересадки болезней остается лишь найти вещество, к которому мумия больной части могла бы легко пристать, чтобы это вещество служило ей как бы повозкой и перенесло ее в животное, в дерево или в растение, или, как выражается Парацельс, чтобы животные или растения ее *усыновили*.

Так, по Роберту Фладду, при чахотке, или легочной болезни, нужно прикладывать к области сердца льняное или можжевеловое семя; при водянке нужно класть на живот больного кровохлебку или полынь; при грыжах или ушибах берут

подорожник или зверобой; на опухоли или раны прикладывают горец или малый либо большой окопник; при зубной боли и болезнях глаз прибегают к горцу пятнистому.

Вместе с семенем или растением прикладывают к больному месту и немного приготовленной земли, которую потом смешивают с другой землей и сажают в нее семя или растение. Этим растениям дают расти до тех пор, пока они не притянут к себе мумии. После этого их сжигают вместе с землей, если болезнь влажная; или же их оставляют сохнуть, если болезнь не грешит избытком ни тепла, ни влаги; и по мере того как растение умирает и засыхает, больной возвращает себе здоровье. Если болезнь происходит от жара, как у легочных больных, растение и землю бросают в проточную воду.

Наконец, если дать какому-нибудь животному, более крепкому, чем больной, съесть растение, пропитанное болезнетворными тельцами, животное возьмет на себя недуг, а больной от него избавится.

Вот каково действие пересадки болезней, как учит ему Роберт Фладд и как его применяли он сам и его друзья.

Нужно заметить, что эту мумию извлекают не только через неощутимое испарение, но также через пот, через мочу, через кровь, через волосы или собирая то, что сыплется с кожи, когда ее почешешь посильнее.

Так, один знатный человек в Англии излечивал от желтухи больного, находившегося очень далеко, лишь бы у него была моча этого больного. Делал он это так: смешивал эту мочу с золой ясеневого дерева и лепил из нее 3, или 7, или 9 шариков; проделав сверху в каждом шарике ямку, он клал туда листок шафрана и наполнял ее той же мочой. Потом он ставил шарики в стороне, в таком месте, где их никто не трогал, и с этой минуты недуг

начинал убывать. Роберт Фладд уверяет, что этим английским господином были излечены более ста человек всякого звания.

Так, Бальтазар Вагнер уверяет, что он часто излечивал красноту и воспаление глаз, прикладывая к затылку корень мальвы, сорванный, когда солнце стоит около пятнадцатого знака *Virgo*.

Если взять обрезки ногтей с ног и рук больного водянкой, привязать их к спине рака и бросить его в реку, больной окажется вполне исцеленным.

Если сильно, до крови, натереть бородавки куском говядины и зарыть это мясо, то по мере того, как оно гниет, бородавки сохнут и исчезают.

Так, один знатный человек излечивал подагру, прикладывая к больному месту кусок говядины, смоченный небольшим количеством вина; сняв его через шесть часов, он находил его сгнившим и давал съесть собаке, в которую болезнь и переходила после нескольких подобных действий. Таким же образом можно излечивать падучую болезнь.

Пассаролий говорит, что если коснуться геморроя сухой луковицей тубероза, то, если она загниет, то же случится и с геморроем. Поэтому он настойчиво советует класть луковицу сушиться у камина (*Fascicul. arcanor.*, 1, с. 210).

У меня никогда не было веских причин оспаривать эту пересадку болезней. Больше половины вопроса уже решено достоверностью и печальным опытом, по которому известно, что есть болезни, например чума, которые передаются с ужасающей легкостью. Оставалось бы теперь только узнать, теряет ли болезнь тот, кто ее передает; я хотел бы здесь кое-что различить и рассмотреть дело по порядку.

Я сказал бы, что болезнь, которая глубоко укоренилась в крови, в соках и в костном мозгу, не может быть пересажена так, чтобы больной от нее избавился. Подагрик, например, получивший свой недуг от того самого, от кого получил жизнь, обречен его нести, и я сильно усомнился бы, чтобы пересадка могла его выручить. То же надо сказать о камне в почках, о лопнувшей в теле жиле, о потерянном глазе.

Иное дело болезнь, которая еще не пробудилась и не пустила глубоких корней; тут я вполне поверил бы, что пересадка может совершиться совершенно естественно, лишь бы те, на кого пересаживают, были рядом и находились в атмосфере телец, испаряющихся из больного.

Многие врачи восстали против этого магнетического исцеления и утверждали, что оно суеверно. Бартолин, которого Фромман называет *Блистательной звездой Дании*, доказывает, напротив, что в нем нет никакого суеверия, потому что пользуются здесь только естественными вещами и все делается без слов, без знаков и без всяких обрядов. Он добавляет, что примеры этого есть в Священном Писании; что Моисей делал нечто подобное[5], и даже Сын Божий, когда перевел беса из тела одержимого в свиней (*Cent. 3; histor.* 56). А по поводу книжечки Германа Грубе против пересадки болезней Бартолин сочинил письмо, где на опытах, как священных, так и мирских, устанавливает, что эта пересадка — вещь подлинная и естественная. Доводы, на которые он больше всего полагается, взяты из неощутимого испарения и из истечений тонкой материи, которая выходит через поры тела человека…

[5] У Кабаниса («Отношения между физической и нравственной природой человека», т. II, с. 540) читаем: «Мы видим в третьей книге Царств, что Давид спал с красивыми девушками, чтобы согреться и придать себе немного сил. По

свидетельству Галена (*Methodus medendi*, lib. III, cap. XII), греческие врачи давно признали, что при лечении различных видов истощения полезно давать больному сосать грудь молодой и здоровой кормилицы; и опыт научил их, что действие бывает не то, когда ограничиваются тем, что дают больному пить молоко, сцеженное в сосуд. Каппивакций сохранил жизнь наследнице одного знатного итальянского дома, укладывая ее спать между двумя молодыми и крепкими девушками. Форест сообщает, что один молодой поляк был выведен из такого же состояния тем, что проводил дни и ночи возле двадцатилетней кормилицы, и действие средства было так быстро, что вскоре пришлось опасаться, как бы выздоравливающий снова не потерял силы с той особой, которая ему их вернула…»

«Нет такой простой женщины, — говорит д-р Пижер („Сила животного электричества“, с. 231), — которая не знала бы, что ребенку нездорово спать с пожилым человеком, хотя бы тот и был совершенно здоров… Некогда в горах Оверни существовал обычай, о котором стоит упомянуть. Когда слабый, болезненный или продрогший путник приходил на постоялый двор, его спрашивали, какую он хочет постель — *нагретую* или *прогретую углями*; путник, разумеется, отвечал: „Я хочу постель потеплее“. Когда же он собирался лечь, то с большим удивлением видел, как из его постели вылезает толстощекий парень, здоровый и румяный, с головы до ног закутанный в чистейшую холщовую блузу. На другой день наш путник спешил осведомиться, принято ли здесь давать постель, в которой уже лежал другой. — Сударь, вы просили, чтобы постель была теплая, — вам ее и нагрели; если бы вы пожелали ее прогретой углями, ее согрели бы грелкой с жаром. — А какая разница между этими двумя способами? — О, сударь, разница большая: постель, нагретая молодым, здоровым и сильным человеком, восстанавливает и укрепляет куда больше».

Если болезнь можно получить через поры, то почему нельзя избавиться от нее тем же путем?[6]

---

[6] См. примечание К о зоотерапии.

Так, Фромман уверяет, что один школьник, у которого была злокачественная лихорадка, передал ее собаке, которую клал спать в свою постель, и что школьник от лихорадки избавился, а собака от нее умерла (*De fascinat. magic.*, с. 1014, § 34).

Томас Бартолин рассказывает, как его дядя, страдавший очень сильной коликой, был исцелен собакой, которую ему приложили к

животу и в которую колика перешла. Он говорит, что его служанке, приложившей ту же собаку к щеке, полегчало от очень острой зубной боли и что, когда собака вырвалась, она своими движениями и визгом ясно показала, что боль перешла к ней.

Гофман говорит, что один человек, мучившийся подагрой, был избавлен от нее собакой, которая взяла ее на себя, потому что спала в его постели, и что время от времени у бедного животного бывала подагра, как прежде у его хозяина (*loc. cit.*, с. 367).

Борелл говорит по этому поводу, что это верный способ распознавать болезни, скрытые в теле человека. Ибо, говорит он, если положить щенка спать с больным на пятнадцать дней, кормить его остатками того, что ест больной, и если он будет лизать его мокроту, он непременно возьмет на себя недуг этого человека. После этого остается только вскрыть собаку, и в той части, которая заразилась болезнью, обнаружится та часть больного, которой нужно помочь. Он даже предписывает класть щенков в постель подагрика, чтобы они вытянули хотя бы часть недуга, так что бывает видно, как они за короткое время приходят в такое состояние, что едва держатся на ногах (Борелл, *Cent. 3, observat.* 28).

III

Слишком долго было бы приводить здесь теорию ученого аббата о явлении пересадки; она ни более ни менее смела, чем та, которую могли бы дать мы сами; но, мне кажется, небезынтересно показать изложением философских начал, на которые она опирается, что люди здравого смысла два века назад рассуждали так же, как сегодня, и что им приходилось бороться с теми же возражениями, с теми же предубеждениями. Не следует поэтому

легко отвергать их свидетельство, как поступают многие, полагающие, что научный дух родился лишь в ту самую минуту, когда они сами появились на мировой сцене.

а) Могущество природы

Мы не должны мерить пределы могущества природы тесными границами нашего разумения. Без сомнения, было бы дурным выводом сказать: «Я не понимаю, как это может делаться, — значит, это неестественно, значит, тут дело нечистое». В этом рассуждении многое можно оспорить, ибо в нем за начало принимается, будто мы понимаем все, что естественно; а в этом, конечно, сильно ошибаются, ибо, говорит Плиний, в лоне природы много сокрытых вещей, в которые нам невозможно проникнуть. *Natura vero rerum vis atque majestas in omnibus momentis fide caret…* (*Hist. nat.*, lib. VII, cap. I.)

Хотя среди множества чудесных действий, о которых рассказывают естествоиспытатели, есть и такие, что выдуманы и держатся лишь на легковерии простодушных людей, которые никогда ничего не проверяют, все же нельзя не согласиться, что есть очень много чисто естественных действий, которых никогда не могли объяснить те, кто больше всех изучал природу, и которые, однако, нелепо было бы приписывать бесу…

Стало быть, несправедливо приписывать магии действия, механизма которых не понимают[7]. Будем винить слабость нашего ума, а не природу! Неужели мы думаем, что она действует всегда лишь открыто и ощутимо? Неужели она должна всегда пользоваться видимыми и осязаемыми деятелями, чтобы мы признавали за ней честь чуда? Как только она ускользнет от наших чувств, неужели она должна подлежать суду нашего ума? Неужели все, что делается не на наших глазах, всегда делается

дьяволом? Неужели только бес бывает невидимым деятелем? Разве нет также крохотных телец, которые могут невидимо переноситься от действующего к испытывающему действие и соединять физическим касанием два тела, которые на вид кажутся разъединенными и удаленными друг от друга? Сколько вещей делают своим искусством механики, вещей, которые кажутся нам волшебством и которых мы не понимаем? Насколько же больше вещей, бесконечно превосходящих нас, совершит природа, раз она, как так хорошо говорит Гален, самый искусный мастер на свете?

---

[7] Ван Гельмонт (*De curâ magnetica vulnerum*, num. 36) уже сокрушался о вреде, который вера в магию наносит наукам, и в частности физике: *Quod dolendum summopere atque admirandum magis artes mecanicas proficere quotidie, solum vero naturalium studium censuris iniquis terreri et retroire.*

Природа, по Бартолину (*De natur. mirabilib.*, с. 72), — бездна, которую нельзя измерять одним лишь служением чувств: это низшие судьи, ведение которых слишком ограничено, чтобы судить о пределах ее могущества. Даже когда мы даем нашим чувствам в проводники ум, как часто еще нам случается становиться в тупик перед множеством действий, которые являются нам каждый день! И после многих трудов и напряжения ума приходится иногда довольствоваться тем, чтобы объяснять по сходству многие действия, которые мы не умеем разобрать в точности сами по себе. Великий Скалигер был недалек от истины, когда восклицал, кажется против Кардано: «Ты, ученый муж, скажи-ка мне ясно, что такое один из тех камней, которых ты столько находишь под ногами?» *Dic mihi formam lapidis, qui tamen quotidie tuis observatur oculis et Phillida solus habeto…* (гл. XVI).

Они не могут поверить, чтобы в природе могло совершаться что-нибудь сверх того, что им известно. Все, чего они не

понимают, не может быть естественным.

Отсюда и мир наполнился столькими грубыми небылицами о колдунах. Тех, кто знал немного по-гречески и по-еврейски, несколько сот лет назад считали магами. Не раз бывало, что люди несведущие принимали математические чертежи за магические знаки. Иоганн Шипховер из ордена отшельников святого Августина, из монастыря в Озенбрюге, в графстве Эдембург, говоря о книгопечатании около 1440 года, рассказывает, что в первое время суеверные и несведущие люди выдавали его за искусство, в котором могла быть самая преступная магия. Нет такого фокусника, чьи ловкие приемы многие не принимали бы за колдовство. Из того же духа, как мы видим, и сегодня обвиняют в магии действия лозы, потому что причина их неизвестна (Предисловие).

б) Механизм природы

Прежде всего нужно заметить, что под *Механизмом природы* мы вовсе не разумеем некое существо, которое, не будучи Богом, действовало бы во всем мире, как понимали это языческие философы; ибо они воображали, что природа есть всемирная душа, которая одушевляла и приводила в движение все телесные вещи. Но под Механизмом природы мы всегда будем разуметь *общие законы движения, которые установил Творец и по которым Он управляет Вселенной*.

Нужно заметить еще, что, как твердо установлено, что нет действия без причины, ибо ничто не может произойти само собой, так же несомненно и то, что никакая причина не может действовать ни на какой предмет, если не касается его, по тому естественному началу, которое никогда нельзя нарушать: НИЧТО НЕ ДЕЙСТВУЕТ НА ТО, ЧТО УДАЛЕНО; *Nihil agit in rem distantem*.

Предположив это, я говорю, что природа, действуя всегда простейшими путями и никогда ничего не делая напрасно, творя чудеса, не избирает иного образа действия, чем тот, какого держится, когда, так сказать, играет в обыкновенных созданиях, пружины которых совсем открыты. Это начало чрезвычайно важно; и оттого, что его не принимали во внимание при объяснении явлений природы, школьные философы и простой народ бросились в противоположные крайности, которые одинаково задержали успехи, какие люди могли бы сделать в изучении естественных вещей.

Простой народ, привыкший не подниматься выше ощутимых вещей и не умевший вообразить, чтобы природа пользовалась деятелями, которые не были бы видимы и осязаемы, приписал колдунам и бесам все действия, механизма которых не мог разобрать.

Школьные философы, напротив, не желая вместе с народом держаться грубых и ощутимых вещей, пошли совсем противоположной дорогой. Когда речь заходила об объяснении поразительных явлений природы, они призывали на помощь *реальные качества*, *субстанциальные формы* и пышные слова *симпатия*, *антипатия* и *тайные силы*, за которыми, как им всегда будут пенять, они хотели скрыть свое незнание.

Наше же намерение — идти между этими двумя крайностями (Гл. III).

в) Делимость материи

Нужно лишь немного внимания, чтобы понять кое-что о крайней малости неощутимых телец и чтобы убедиться, что есть такие, которые намного превосходят другие тонкостью.

1. — Несомненно, что тельца, которые находятся на следу зайца, преследуемого собакой, и по которым она направляется, тоньше атомов, испаряющихся из мускуса и серой амбры, потому что тельца зайца ускользают от нашего обоняния, к которому душистые частицы очень чувствительны.

2. — Несомненно, что тельца воздуха должны быть тоньше вещества, испаряющегося из зайца, потому что это вещество ощутимо для обоняния собаки, а воздух не подлежит ведению ни одного из наших чувств.

3. — Несомненно, что солнечные лучи тоньше воздуха и воды, потому что тельца света проходят сквозь стекла, чего частицы воздуха и воды сделать не могут.

4. — Несомненно, что магнетические тельца, истекающие из магнита, тоньше солнечных лучей; ибо магнитная материя приводит в движение стрелку компаса сквозь дерево, слоновую кость и самые твердые металлы, которые непроницаемы для световых атомов.

5. — Быть может, есть еще тельца, бесконечно более тонкие, чем тельца магнита. В самом деле, ничто не мешает нам полагать, что у этих маленьких животных, которые видны только в микроскоп, есть кровь, составленная из частиц еще более тонких, чем все, что мы только что рассмотрели. У этих маленьких животных, которых глаз никогда не видел до изобретения микроскопа, без сомнения, есть органы и протоки, чтобы принимать и переваривать пищу; у них есть яйца для продолжения рода; а в этих яйцах есть другие животные, еще меньше, которые там питаются[8] (Гл. X).

[8] Г-н Метцгер («Опыт научного спиритизма», с. 52) сообщает со слов профессора Макферсона о нескольких опытах над обонянием, произведенных в Англии; это чувство, по-видимому, особенно обострено у людей, работающих в аптеках. Из их

числа выбрали шестьдесят мужчин и сорок женщин. Затем взяли снадобья и разбавляли их до тех пор, пока казалось невозможным, чтобы в них остался какой-либо ощутимый запах. Оказалось, что мужчины выказали тонкость обоняния вдвое выше той, что была отмечена у женщин. Некоторые обнаружили синильную кислоту в *двух миллионах* частей воды. В другом опыте запахи разбавляли и рассеивали в комнате, вмещавшей девять тысяч кубических футов воздуха. Нашлись испытуемые, которые ощутили *трехсотмиллионную* долю хлорфенола и *тысячную часть этого количества* меркаптана.

IV. Переносы

Так называют в наши дни попытки излечить некоторые болезни пересадкой.

В 1885 году д-р Бабинский, заведующий клиникой у г-на Шарко в Сальпетриер, сообщил Обществу физиологической психологии (заседание 25 октября) заметку, излагавшую ряд опытов, которые он делил на два разряда.

Опыты первого разряда были произведены над двумя молодыми девушками, страдавшими истеро-эпилепсией, у каждой из которых была потеря чувствительности на одной половине тела и которые обе легко поддавались гипнозу. Их сажали спиной к спине, хотя касание и не было необходимо, и к одной из них подносили магнит. Тогда наблюдали, что одна из двух больных, у которой прежде была нечувствительна половина тела, через несколько мгновений теряла чувствительность всего тела, тогда как другая больная возвращала себе чувствительность на нечувствительной стороне, сохраняя ее и на противоположной. Затем совершался новый перенос, даже когда магнит убирали, то есть первая больная, ставшая нечувствительной всем телом, вновь обретала чувствительность во всем теле, а вторая, в свою очередь, становилась нечувствительной всем телом. Так происходил ряд последовательных колебаний, вызванных,

вероятно, тем, что оба полюса магнита пускали в действие одновременно и без порядка. Когда больных разводили, они очень быстро возвращались в то состояние, в каком были до опыта, то есть у обеих снова была нечувствительна половина тела. Эти явления происходили одинаково и тогда, когда обе больные были в бодрствовании, и тогда, когда они были в сомнамбулизме.

Затем у одной из этих больных вызывали внушением параличи одной руки, параличи одной ноги, параличи половины тела, параличи обеих ног — одни вялые, другие судорожные; воспаления тазобедренного сустава и даже немоту. Потом эту больную сажали рядом с ее товаркой, *возле которой помещали магнит*. Через несколько мгновений перенос совершался: недуг покидал первую и, как бы притянутый магнитом, переходил на вторую со всеми своими признаками и точно на то же место. Потом наступали колебания, подобные тем, о которых мы сказали выше. Когда больных разводили, та, на которой недуг находился в эту минуту, так его и сохраняла, и его приходилось снимать внушением.

Сомнамбулизм таким же образом переходил от усыпленной испытуемой к испытуемой, бодрствовавшей под действием магнита.

«Во втором разряде опытов, — говорит д-р Бабинский, — мы брали истерических больных, мужчин или женщин, у которых были истерические проявления, например вялые или судорожные параличи, уже не искусственные, а естественные, то есть возникшие независимо от всякого внушения с нашей стороны и послужившие причиной помещения этих больных в больницу. Большинство этих больных никогда не подвергались гипнозу, и в последующих опытах их оставляли в состоянии бодрствования. Мы приводили больных в связь с одной из двух испытуемых, о

которых говорили выше, погружая ее в сомнамбулический период большого гипнотизма, и рядом с ней помещали магнит.

Мы наблюдали, что под этим влиянием загипнотизированная испытуемая вскоре обнаруживает те же расстройства, что и истерическая больная, рядом с которой она находится. Впрочем, передача этих параличей происходит менее чисто, чем в опытах первого разряда. Но гораздо большее различие отделяет опыты первого разряда от опытов второго. В самом деле, в последних нет переноса в собственном смысле слова. Истерические расстройства передаются загипнотизированной испытуемой, *но сохраняются со всеми своими признаками* у больных, которые изначально ими поражены. Однако, повторив эти опыты некоторое число раз, можно было бы, пожалуй, добиться исчезновения этих параличей, и это был бы способ лечения. В самом деле, в одном случае мы наблюдали, что после двух последовательных опытов самопроизвольная контрактура одной ноги заметно ослабела. Впрочем, мы намерены продолжать эти исследования».

Возобновил их г-н д-р Люис в больнице Шарите, и они получили большую огласку. Так как он намерен вскоре обнародовать с помощью своего бывшего заведующего клиникой д-ра Анкосса итоги своих трудов, я ограничусь здесь кратким их обзором.

Первый его способ состоял в том, что больного приводили в общение руками с испытуемым, напротив которого он сидел. Этого испытуемого каким-нибудь приемом вводили в первую фазу гипнотической летаргии, затем действующий производил, так сказать, слияние обоих нервных состояний, проводя северным полюсом большого магнита, всегда в одном и том же направлении, вдоль круга, образованного руками и плечами обоих участников.

После нескольких пассов испытуемого доводили до сомнамбулизма и тогда убеждались, что он принял нервную и душевную личность больного, жалуется на те же недомогания и обнаруживает те же недуги. Затем испытуемого излечивали внушением и будили; потом в течение некоторого числа дней повторяли то же действие и во многих случаях добивались таким образом через дюжину сеансов заметного улучшения в состоянии больного.

Я видел, как так излечивались или по меньшей мере очень благоприятно изменялись параличи, головокружения, головные боли и даже сердцебиения и родимые пятна.

Позже д-р Люис ограничивался тем, что помещал подковообразный магнит сначала на голову больного (полюсами ко лбу, северным полюсом на правый висок) на пять-шесть минут, а затем на голову испытуемого, предварительно приведенного в состояние гипнотической летаргии. Вот как он докладывал 10 февраля 1894 года Биологическому обществу о некоторых своих опытах:

> Г-н д'Арсонваль на прошлом заседании сообщил Биологическому обществу, по сообщению одного английского физика, о сохранении в намагниченном бруске действия магнитного флюида, который как бы сохранил память о своем прежнем состоянии. — Мои исследования в этом направлении давно привели меня к тому, что я установил подобные явления с помощью намагниченных венцов, помещаемых на голову испытуемого в гипнотическом состоянии. — В этом случае речь идет уже не о накоплении колебаний магнитной природы, а о колебаниях живой природы, о настоящих мозговых колебаниях, распространяющихся сквозь стенку черепа и накопляющихся в

намагниченном венце, где они сохраняются более или менее долгое время.

Чтобы установить это явление, я пользуюсь не физическим прибором, неспособным откликнуться, а живым реактивом — загипнотизированным испытуемым, который тем самым стал сверхчувствительным к живым магнетическим колебаниям.

Я представляю Обществу намагниченный венец, разные образцы которого я ему уже показывал. С помощью системы ремней он прилаживается на голове, охватывает ее кругом и оставляет свободной лобную область.

Таким образом, он составляет изогнутый магнит с положительным и отрицательным полюсом. — Этот венец был помещен больше года назад на голову женщины, страдавшей меланхолией с бредом преследования, возбуждением, склонностью к самоубийству и т. д. Прикладывание этого венца к голове больной через пять или шесть сеансов принесло постепенное улучшение ее состояния, и через десять дней я счел возможным без опасения выписать ее из больницы. Спустя дней пятнадцать, когда этот венец лежал отдельно, мне пришла чисто опытным путем мысль поместить его на голову присутствующего здесь испытуемого.

Это испытуемый мужского пола, поддающийся гипнозу, истерик, подверженный частым приступам летаргии. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что этот испытуемый, приведенный в состояние сомнамбулизма, произносит жалобы, совершенно такие же, какие пятнадцать дней назад произносила выздоровевшая больная!

Он прежде всего принял пол больной; *он* говорил о себе в женском роде; *он* жаловался на сильные головные боли; *он* говорил, что скоро станет *безумной*, что соседи пробираются к нему в комнату, чтобы причинить ему зло, и т. д. Одним словом, гипнотический

испытуемый с помощью намагниченного венца принял мозговое состояние больной меланхолией. Следовательно, намагниченный венец подействовал достаточно, чтобы извлечь болезненный мозговой поток из больной (которая выздоровела) и сохраниться, как стойкое воспоминание, во внутреннем строении магнитной пластины. Это явление мы воспроизводили много и много раз в течение нескольких лет, и не только у присутствующего здесь испытуемого, но и у других испытуемых.

Это сообщение в области физиологических явлений параллельно сообщениям г-на д'Арсонваля о продолжительности некоторых прежних состояний в неорганических телах: оно вызовет (я в этом не сомневаюсь) немало удивления и приступов недоверия у лиц, не привычных к исследованиям по гипнологии.

Станут сомневаться в искренности испытуемого, в его склонности производить чудесное, в его податливости и, быть может, также в чересчур легкой уступчивости действующего.

На все эти недомолвки я отвечу лишь одно: это явление передачи душевных состояний испытуемого с помощью намагниченного венца, сохраняющего воспринятые впечатления, уже входит в круг явлений, о которых прежде сообщил г-н д'Арсонваль. — А с другой стороны, в первый раз, когда я сделал этот опыт, он был сделан без моего ведома, совершенно опытным путем. Пропитанный венец был положен на голову гипнотического испытуемого примерно через пятнадцать дней после того, как его помещали на голову больной. Неизбежно было первое действие, о результатах которого я совершенно не знал; но мы, как и загипнотизированный испытуемый, не знали, что произойдет, и испытуемый, получивший впечатление, отозвался *motu proprio*, без всякого иного возбуждения, кроме магнитного венца.

Итак, можно сказать, не пытаясь выводить из этого никаких дальнейших следствий, что некоторые колебательные состояния

мозга, а вероятно, и нервной системы способны накопляться в изогнутой намагниченной пластине, как магнитный флюид в бруске мягкого железа, и оставлять в ней стойкие следы; более того, как и в опытах г-на д'Арсонваля, чтобы уничтожить это стойкое магнитное свойство, его нужно *убить* огнем. Как он говорит, венец нужно накалить докрасна, чтобы он перестал действовать[9].

[9] Уничтожить *мумиальные* свойства венца можно также, погрузив оба полюса в воду, и я установил, что вода тогда заряжается за счет магнита и становится, таким образом, действенной для испытуемых (см. примечание Н).

19 апреля 1892 года я сам присутствовал в отделении д-ра Люиса при следующем случае, который нахожу кратко записанным в своих заметках и на который, быть может, г-н Люис намекает в приведенной выписке.

«Намагниченный венец пятнадцать дней назад послужил для лечения одного больного. С тех пор больной вышел из больницы излеченным или почти излеченным, а венец был заперт в шкафу. Его надели на голову испытуемого в гипнотической летаргии, и испытуемый принял признаки болезни и душевные расположения, какие были у больного пятнадцать дней назад; венец записал и воспроизвел их, как фонограф записывает и воспроизводит голос.

Это же явление, несомненно, произошло бы, если бы больной умер, так что этим способом можно было бы получить своего рода вызывание личности, которой уже нет на этом свете».

25 декабря того же года и там же я видел, как намагниченный венец надевали сначала на голову кошки, а потом на голову испытуемого в восприимчивом состоянии; затем на голову петуха и другого испытуемого, приготовленного так же. В обоих случаях

испытуемые принимали повадки и крик животных, душевное состояние которых им было таким образом перенесено.

В случае с петухом я попросил д-ра Люиса нажать точку сомнамбулической памяти у разбуженного испытуемого (потерявшего воспоминание о том, что происходило во время его сна) и спросить у него, о чем он думал, когда спал; испытуемый ответил, что думал о курах.

Магнит был бы, следовательно, веществом, особенно пригодным служить мумией при болезнях нервной системы.

Принимая в расчет наши нынешние представления о строении материи и опыты, изложенные в первой главе этой книги, можно было бы предположить, что колебательное состояние, свойственное истечениям больного, изменяет нормальное колебательное состояние магнита[10]; затем магнит, настроенный таким образом в лад с больным, в свою очередь действует на испытуемого и заставляет его нервную систему колебаться так же.

[10] Однажды я велел поместить намагниченный венец на голову ребенка, страдавшего пляской святого Витта. Альбер Л. утверждал, что истечения венца, которые до прикладывания имели вид ровного пламени, после прикладывания пришли в прерывистое движение.

Можно было бы также предположить, что магнит есть сгуститель человеческого нервного флюида, на который он действует, поглощая или растворяя его, чтобы затем выделить, когда условия станут уже не те; так, по опытам и по выражению Грэма, железо и палладий *окклюдируют* водород, а коллоиды *окклюдируют* легко сжижаемые газы.

При таких условиях исцеление совершалось бы путем постепенного извлечения при каждом действии испорченного

флюида, который замещался бы чистым флюидом, доставляемым окружающей средой.

Во всяком случае, с точки зрения лечения, по-видимому, бесполезно производить перенос на другого человека; достаточно было бы изменить нервное состояние больного либо магнитом, либо всяким другим веществом, способным действовать как мумия. Так оно и есть на деле.

«Я снимал головную боль, — говорит г-н Охорович („Мысленное внушение“, с. 182), — у нескольких сотен человек простым наложением рук. Этим средством, старым как мир, я снимаю головную боль в 80 случаях из 100 в течение нескольких минут[11]».

[11] Если этот взгляд верен, можно было бы оживлять венец всякий раз после употребления, как я указал выше, в сноске 9; или, проще, отыскивать мумию, особую для каждого человека, на чем и основана металлотерапия; или, наконец, ограничиться тем, чтобы *обертывать голову больного мокрыми полотенцами*, часто их меняя, так как вода служит мумией почти для всех.

Это лишь простые выводы, которые мне не довелось проверить.

В случае с родимыми пятнами, или винными пятнами, заметно уменьшившимися от пассов магнитом, вероятно, участвовало внушение, и довольно правдоподобно, что внушаемость больного могла быть следствием нервного равновесия, которое устанавливалось с чрезвычайно внушаемым испытуемым, с которым его соединяли.

Впрочем, все эти явления нужно заново изучить по порядку, в тишине кабинета, вместо того чтобы просто отмечать их более или менее наспех на больничном приеме, среди источников ошибок, происходящих от общения испытуемых между собой и от объяснений, которые действующий дает публике.

УЧЕНИЕ МАКСВЕЛЛА

✦

I

Максвелл, о котором известно лишь то, что он сам говорит о себе в единственном оставленном им сочинении, может считаться отцом животного магнетизма: д-р Туре в самом деле показал, что теории Месмера отчасти были почерпнуты из теорий Максвелла[12].

[12] «Исследования и сомнения относительно животного магнетизма». Париж, 1784.

Откуда взял свои теории сам Максвелл? Это определить труднее. Его представления о первоматерии, о формах существ и о влиянии светил явно происходят от учения Фомы Аквинского, царившего в школе в то время, когда он писал; но во всем, что касается учения о *мумиях*, он пошел дальше Парацельса (1493–1541) и Ван Гельмонта (1577–1634), которые предшествовали ему на несколько лет. Можно предположить, что помимо собственных наблюдений он воспользовался откровениями кого-нибудь из тех ясновидящих испытуемых, какие существовали во все времена; к несчастью, он возвел в изречения простые, более или менее логичные выводы из действительно наблюдавшихся фактов[13]; кроме того, он представил нам как всеобщие законы, которые, даже если бы они были верны, могли бы относиться лишь к совершенно исключительным натурам; поэтому самые простые опыты[14] не замедлили заставить считать сплошной игрой воображения книгу, в которой между тем содержатся весьма замечательные взгляды. Я подумал, что небезынтересно будет

разобрать ее здесь, тем более что она чрезвычайно редка и никогда еще не была переведена на французский язык.

---

[13] Максвелл, несомненно, был опытником в магнетизме, ибо говорит в главе XIII, в развитии заключения XII: «Non satis tutum de his agere propter pericula. Ansam præbere potest luxuriosæ libidinis explendæ, vel maximam. Imo, si hæc conclusio clare explicaretur (quod avertat Deus), patres de filiabus, mariti de uxoribus, imo feminæ de semetipsis certæ esse nequirent». — И в другом месте: «Tibi animum ad nefanda non addam; si quidquam ex meis scriptis damnanda sequentia erueris, non propalabis (*cap.* XI)… cum enim hujus artis mirabilia viderim maximasque utilitates, tum etiam innumera mala ex debito usu vel incauto abusu…» (*præfat.*)

---

[14] Таковы, например, те, о которых он рассказывает в главах XIV и XV книги II: «Intestinorum fecibus, ut capite superiore dictum est, curantur omnes intestinorum morbi; purgatur etiam corpus, et fluxus inducitur, excitantur et curantur ani vitia et multa alia perficiuntur, quæ tu proprio ex periculo, si sedulus es, invenies. Quando applicantur ulcera antiqua, carcinomata, fistulasque curare possunt. Imo, quod pro secreto magno apud quosdam conservatur, unguenti armarii vires sine omni præparatione eleganter subplent. Tum vero ex homine sano, robustique corporis eligendæ sunt, ne imbecillioribus nocumentum ille apparatus inferat. Fecibus hisce herbis salutaribus adhibitis, multa commoda transplantatione inferri possunt.

«Hanc multis causam unam puto, cur rustici et qui rure habitant, salubriores longioresque nobilibus et civibus dies degant: hi enim capsulis feces reconditas vel putrescere sinunt, vel in loco insalubri projiciunt: illi autem terræ eosdem mandantes, herbis salubribus, transplantatione mediante a languoribus immunes maxima pro parte vitam agunt.

«A morbidorum excrementis in genere supra cavere jussimus; hic vero particulatum consilium dare libet, nempe, ut in locis, ubi ægrota alvum exonaverint, feces non deponas tuas: sic enim multa mala nonnunquam inferuntur; cognovimus enim quosdam tetro odore læsos; alios, licet odorem non perciperint, cum in eodem loco feces deposuerint, in quo prius fluxu correptus idem fecerat, statim fluxu correptos, nulla alia caussa procatarctica præcedente.

«Caussa vero hujus tam mirabilis rei ex superioribus satis patet, ab iisque petenda, nec hic repetenda.

«Præterea cavendum est ne feces super herbas malignas exuberantes sive violenter purgantes deponamus; hisce enim sæpius, caussa latente, dysenteria periculosa inducitur, quæ vix nisi herbis putrefactis ullis medicamentis cedit. Denique in locis inimicis perviis hæc excrementa deponere inconsultum est. Quem dolorem carbo

accensus cum spiritu vini sale mixto in hisce excrementis immissus causset, nulli non notum est… Urina… habet cum hepate, renibus et vesica magnam affinitatem; per has namque partes transit; propterea de horum partium morbis per urinam judicant medici…

«Unum tamen mirum experimentum hic addam quod tale est. Si in vesica suilla cujuscumque urina ponatur, atque vesica orificium diligenter claudatur, et in camino suspendatur, lotium illius, cujus urina inibi est, tam valide retinet, ut nullo modo, nullisque remediis auxiliis mingere in æternum poterit, nisi ex vesica suilla suspensa lotium, quod impositum erat, dematur…

«Cavendum ergo inprimis est, ne pueri in ignem mingant: sæpe enim, illa mictione (nutricum constans affirmatio est) dolorem nephreticum sibi pariunt, alioque plurima mala hinc oriuntur. Nec equidem super herbas venenosas acres et violenter urinam venenosa qualitate cientes mingere convenit; hoc enim modo exulceratio renum et vesica acquiretur. Nec ergo quidem in matula ubi quis, fœtido harum partium morbo laborans primo minxerit, urinam redderem, et lotium meum, mixta ejus urina, fermentationi darem».

II

Книга Максвелла называется: *De medicina magnetica libri III, in quibus tam Theoria quam Praxis continetur auctori Guillelmo Maxvello*, D. D. *Scoto-Britano. Francofurti*, MDCLXXIX.

Она состоит из нескольких частей.

Сначала идет ВСТУПЛЕНИЕ издателя Георгия Франка, помеченное Гейдельбергом 17 сентября 1678 года. Оно начинается прекрасной мыслью Сенеки: *Nobilis et inquieta mens homini data est. Nunquam se tenet: spargitur, et cogitationes suas in omnia nota atque ignota dimittit, vaga et quietis impatiens et novitate rerum lætissima; quod non miraberis, si primam ejus originem adspexeris: non solum terreno et gravi concreta corpore. Ex illo cœlesti spiritus descendit. Cœlestium enim natura semper in motu est.* (*Consolatio ad Helviam*, cap. VI.)

Д-р Франк добавляет, что его уже несколько лет настойчиво просили издать сочинения Максвелла, что он для этого вступил в сношения с Генрихом Ольденбургом, секретарем Английского королевского общества, но что болезни и служебные занятия пока позволили ему выпустить в свет лишь этот небольшой том.

Далее следует ПРЕДИСЛОВИЕ, где сам Максвелл объясняет, что лишь любовь к истине и желание общего блага могли побудить его изложить мнения, столь противоположные ходячим, и выпустить труд, какого, насколько ему известно, никто до него не предпринимал. Бедный и очень занятый, он смог напечатать это первое сочинение лишь благодаря благороднейшему, славнейшему и ученейшему кавалеру Эдмонду Стаффорду; но он надеется, что щедрость какого-нибудь мецената и собственные труды позволят ему когда-нибудь, для общего блага, обнародовать вещи еще более удивительные.

«Если, — говорит он в заключение, — ты знаешь лишь обыденную философию, которой учат в школах, и если ты, врач, не знаешь никого, кроме Галена, прошу тебя воздержаться от чтения этого трактата. Довольно ли тебе мудрствований, мила ли тебе словесность, рад ли ты спорить о невозможном и о химерах? Я от всего этого воздержался. Занимаясь лишь вещами полезными и необходимыми, я не имею ничего общего с твоими привычками, я не для тебя предпринял этот труд и не задавался целью открыть тайны тебе и твоим; пусть эти страницы будут посвящены Музам более независимым…»

КНИГА I состоит из двенадцати *Заключений*, которые я приведу ниже с некоторыми пояснениями в сносках.

КНИГА II посвящена применению этих заключений на деле и состоит из 20 глав; вот их заглавия.

Гл. I. — *О вещах, необходимых врачу, чтобы приступить к занятиям магнетической медициной.*

Гл. II. — *О вещах, которые очищают, и об очищении.*

Гл. III. — *О кровопускании.*

Гл. IV. — *О прижиганиях.*

Гл. V. — *О подкрепляющих лекарствах.*

Гл. VI. — *О выборе средств, которые должны употребляться в этом искусстве.*

Гл. VII. — *О времени, когда нужно выбирать и применять эти средства.*

Гл. VIII. — *О том, как нужно применять эти средства, чтобы вернуть здоровье больному телу.*

Гл. IX. — *В которой говорится о пересадке и о различных способах, какими она совершается.*

Гл. X. — *О способах, какими делается прикладывание к обнаженному телу.*

Гл. XI. — *В которой говорится о* МАГНЕСЕ (De Magnete), *необходимом в этом искусстве, и где обнародуется несколько описаний, доныне очень мало известных.*

Гл. XII. — *О применении магнита в этом искусстве.*

Гл. XIII. — *О* ПОСРЕДНИКАХ (De Mediis), *с помощью которых производят исцеления в этом искусстве, не прибегая к магнесу.*

Гл. XIV. — *Об извержениях, выходящих через задний проход.*

Гл. XV. — *О моче.*

Гл. XVI. — *О поте и о неощутимом испарении.*

Гл. XVII. — *О волосах.*

Гл. XVIII. — *Об обрезках ногтей и о зубах.*

Гл. XIX. — *О слюне и о слизи из носа.*

Гл. XX. — *О крови и о гное.*

Эта вторая книга заканчивается сотней ИЗРЕЧЕНИЙ, многие из которых для нас еще загадки.

КНИГА III должна была состоять из применения метода, во всех его магнетических и астрологических подробностях, к различным болезням; но Максвелл говорит, что, отвлеченный домашними заботами, он может дать лишь один пример, касающийся головной боли; и этот пример занимает девять страниц, понять которые очень нелегко.

III. Заключения Максвелла

I. — Душа[15] находится не только в своем собственном видимом теле, но и вне тела, и не ограничена органическим телом.

---

[15] «Одушевленный мир есть первая и верховная по разуму душа, которая заключает в себе семенные начала всех вещей. Эти начала, исходящие от сияния идей первого разума, суть как бы орудия, которыми управляется это великое тело, и как бы звенья золотой цепи Провидения.

«Пока действия души идут своим чередом, порождается тело, то есть оно производится силой души и образуется различным образом, смотря по ее воображению. Отсюда и та власть, которую она имеет над телом и которой она не могла бы иметь, если бы тело не зависело от нее всецело и полностью» (*Изречения* I и II).

В другом месте Максвелл определяет воображение мира так: «сила, которая вдыхает в материю семенные начала».

II. — Душа действует вне того, что называют ее собственным телом.

III. — Из всякого тела исходят телесные лучи, в которых душа действует своим присутствием и которым она дает силу и способность действовать. Эти лучи свойственны не только телу в целом, но и различным частям тела. (*Sunt vero radii hi non solum corporales, sed et diversarum partium.*)

IV. — Эти лучи, испускаемые телами животных, сродни ЖИЗНЕННОМУ ДУХУ[16] (*spiritu vitali gaudent*), посредством которого совершаются действия души[17].

---

[16] «Пока душа созидает себе тело, возникает, кроме того, нечто третье, служащее посредником (*medium*) между ними, которое теснее соединяет душу с телом и посредством которого распределяются все действия естественных вещей. Это нечто называется *Жизненным духом*.

«Естественные действия вещей распределяются этим духом по их собственным органам, смотря по расположению органа.

«Расположение органа зависит, во-первых и главным образом, от разума, который располагает всем; во-вторых, от души мира, которая образовала себе тело по семенным началам вещей; в-третьих, от всемирного духа, который поддерживает вещи в том состоянии, в каком они находятся» (*Изречения* III–V).

«Всемирный жизненный дух, нисходящий с неба, чистого, ясного и без пятна, есть отец частного жизненного духа, существующего в каждой вещи; это он порождает и умножает его в теле; от него тела получают способность размножаться.

«Этот дух непрестанно истекает с неба и возвращается туда и в этом непрестанном течении остается без пятна; поэтому он может искусным приемом и удивительными способами соединяться с любой вещью и умножать ее силу» (*Изречения* XVIII и XXIX).

В другом месте Максвелл возвращается к этой мысли в таких словах: «Эта столь тонкая материя последовательно и непрерывно исходит из всякого смешанного тела в виде истечения или испускаемых лучей, а другое подобное же, но новое вещество приходит и ударяет в те же смешанные тела; отсюда этим приливом и отливом неизбежно происходят возрождения и разрушения».

«Пластыри и мази, — говорит Агриппа, — которые соединяют силы естественных и небесных вещей на нашем духе, могут умножать, изменять, преобразовывать наш дух на иной лад и вызывать его перемещение по образу тех вещей, из которых они составлены, так что он может действовать не только на свое собственное тело, но и на то, которое к нему близко, и сообщать ему это свойство зрительными лучами, чарами и прикосновениями. А так как наш дух есть пар крови, тонкий, чистый, блестящий, воздушный и маслянистый, то хорошо составлять эти пластыри и мази из подобных паров, которые были бы

ближе по существу к нашему духу, сильнее привлекали бы его своим сходством и преобразовывали бы его» («Оккультная философия», кн. I, гл. XLI).

---

[17] Максвелл во второй своей книге развивает свои заключения V, VI и VII следующим образом:

«Ни один врач, полагаю, не станет отрицать, что извержения животных удерживают часть жизненного духа. В самом деле, вещи, долго пребывающие в теле, пропитываются этим духом и соединяются с ним настолько, что перехватывают лучи, испускаемые самыми благородными частями тела; более того, эти извержения, претерпев своего рода варение, становятся более сходны с телами, в которых они переварились, и поэтому притягивают лучи вместе с духами очевиднее, чем что бы то ни было, меньше причастное такому перевариванию или сходству, и дух гораздо охотнее в них проникает.

«Впрочем, мы видим обычный опыт, который доказывает то же самое.

«Разве слишком обильное истечение какого бы то ни было извержения не влечет за собой тяжелых признаков, слабости и, наконец, смерти — не столько потому, что оно отнимает питание, сколько потому, что истощает дух? И опять-таки: как истечение воды у больных водянкой через рану влекло бы за собой слабость и смерть, если не потому, что вода, вытекая насыщенной этими духами, уносит с собой слишком большое количество духов и в слишком короткое время, чтобы тело могло это вынести? То же и с внутренними нарывами, когда большое количество гноя наполняет грудную полость: если гной по небрежности хирургов вытекает весь сразу, наступает смерть или по меньшей мере опасное расслабление — именно по той же причине.

«Ибо тело не может долго существовать, если оно не наполнено со всех сторон этим духом в надлежащих долях. Этот дух питается небом через посредство воздуха и через жизненный дух пищи, пока тело сохраняет подобающую ему соразмерность.

«Итак, все вещи, которые каким бы то ни было образом выходят из тела людей или животных, естественным ли путем, силой ли болезни, пропитаны жизненным духом и имеют общую жизнь с телом, как будет сказано дальше.

«Отсюда следует, что, будучи более сходны с телами, из которых они выходят, чем вещи, никогда не бывавшие в теле, они быстро запечатлевают в сходном теле качества, заимствованные у тела. Поэтому нужно очень заботиться о том, чтобы извержения, гной, испорченная кровь и все подобные вещи, появляющиеся при заразных болезнях, не оставались несожженными: ведь они могли бы послужить для причинения больших бед, если бы случайно попали в руки нечестных

посвященных. Если же сожжение тел, по древнему обычаю, не дозволено, то власти должны по крайней мере следить, чтобы погребения совершались на большой глубине, в местах, удаленных от пастбищ скота, и как можно более влажных, ибо самые тяжкие бедствия бывают следствием мелких и небрежных погребений. Я, со своей стороны, приписываю главным образом этой причине необыкновенные опустошения, произведенные чумой в Лондоне в последние годы: я опасаюсь, что те, кому было поручено попечение о погребениях, в начале исполняли погребение слишком небрежно. Я мог бы похвалить здесь погребальные обряды древних и привести убедительные доводы в пользу этой похвалы, но установились другие обычаи, которых мой разум не изменит. Однако подобает, чтобы власти не проявляли небрежности в деле такой важности.

«Несомненно, что извержения связаны взаимными лучами с телом, и главным образом с теми частями, из которых они вышли наиболее непосредственно. Отсюда многочисленные и разнообразные заключения, которые мы изложим по ходу сочинения; здесь же я счел достаточным сказать в немногих словах, что от этой связи зависит вся магнетическая медицина… Мы сказали, что эта связь не прерывается даже очень дальним разделением… ибо, так как эта связь зависит от души, она простирается сообразно силе души… Эти лучи простираются очень далеко и действуют на нас многими способами без нашего ведома; мы бываем различно поражены их повреждением, не зная причины наших болезней. Поэтому во всех болезнях нужно исправлять, подкреплять и умножать этот дух; так все болезни будут легко излечены; это мы особенно предлагаем на размышление врачам. Никто не станет отрицать, что сказанное нами об извержениях и отделенных частях тела подходит и к крови… в которой Священное Писание помещает седалище души, — ибо именно она содержит наибольшее количество жизненного духа и легче всего вредит при слишком обильном истечении».

V. — Извержения тел животных удерживают часть жизненного духа; поэтому нельзя отказать им в жизни. И эта жизнь того же рода, что и жизнь животного, то есть происходит от той же души.

VI. — Между телом и извержениями тела существует некая связь (*concatenatio quædam*) духов или лучей, даже когда извержения находятся очень далеко от тела[18]. То же самое относится к отделенным частям тела и к крови.

---

[18] «Что такое эта связь (*hæc concatenatio*)? Это непрестанное испускание лучей, которые выходят из одного тела, чтобы войти в другое, и наоборот; я должен

сказать здесь в немногих словах, что от этой связи зависит вся магнетическая медицина» (Гл. VII).

VII. — Эта жизненность длится лишь до тех пор, пока извержения, или отделенные части, или кровь не превратились во что-нибудь другое.

VIII. — Достаточно, чтобы одна часть тела была поражена, то есть чтобы ее дух был поврежден, — и прочие заболевают[19].

[19] «Болезни вовсе не принадлежат телу по существу; но нет ни одной, которая не зависела бы от ослабления или изгнания жизненного духа. Нет также недомогания, которое могло бы держаться долго, когда этот дух в полной силе; это он рассеивает все недуги; это он составляет природу, которой врачи служат или по крайней мере должны служить лишь помощниками. Отсюда следует заключить о возможности всеобщей медицины» (*Развитие Заключения VIII*).

IX. — Если жизненный дух укреплен в какой-нибудь части, он тем же действием укрепляется во всем теле[20].

[20] В развитии Заключения IX (с. 42) Максвелл говорит, что если жизненный дух человека укрепляется в одной точке, он укрепляется весь, потому что он природы *огненной и небесной*. «Это подкрепление, — добавляет он, — тотчас распространяется на весь дух, ибо невозможно, чтобы нечто столь подвижное, столь духовное, столь светоносное, столь эфирное испытывало что-либо в одной из своих частей и тотчас не испытывало бы этого повсюду». И дальше (с. 45), по поводу Заключения X: «Хотя жизненный дух, рассматриваемый сам по себе, не имеет разнородных частей и весь и повсюду, подобно свету, весьма сходен сам с собой, однако, когда он соединен с телом, он различается сообразно частям тела вследствие некоторых примесей… Поэтому лучи, исходящие от больной головы, содержат дух, измененный этим расположением так же, как дух головы. Потому и нужно брать дух, пораженный расположениями головы, когда корень болезни в голове, и прикладывать к нему средства».

X. — Где дух более обнажен, там он скорее поражается[21].

[21] «Ничто вещественное не имеет в себе силы, разве только оно служит в некотором роде орудием или формой этому духу; что совершенно вещественно, то совершенно бездейственно.

«Если хочешь производить великие действия, отними у вещей как можно больше материи, или прибавь к материи духа, или пробуди уснувший дух. Если ты не

сделаешь чего-нибудь из этого или не сумеешь соединить *воображение* души мира с воображением, которое уже стремится преобразиться, ты никогда не сделаешь ничего великого.

«Невозможно отнять этот дух целиком у чего бы то ни было, ибо он — связь, удерживающая вещи, чтобы они не впали обратно в первоматерию или в небытие.

«Этот дух находится где-то, или, лучше сказать, повсюду, почти свободный от тела, и тот, кто умеет соединить его с подходящим телом, владеет сокровищем, которое нужно предпочесть всем богатствам мира.

«Этот дух отделяется от тела, насколько это возможно, посредством брожения или еще притяжением со стороны свободного брата (другого свободного духа)».

(*Изречения* VI–X.)

«Дух вызывается духом-братом, когда он слишком подвержен его действию (*eidem nimium expositus*).

«В некоторых вещах он не может быть вызван братом из-за тесного своего соединения с телом, но он притягивает этого брата и таким образом удивительно укрепляется.

«Брожение есть действие тепла на влажное, посредством которого влага разогревается и подчиняется духу; или же действие духа, обращающегося в теле, потому что он не может оставаться неподвижным из-за истекающего свойства (*fluxibilitatem*) материи (колебания частиц тела?).

«Кто, пользуясь всемирным духом, может возбудить частный дух какой бы то ни было вещи до естественного брожения, а затем успокоить естественное волнение, повторяя действие, тот может умножить силу вещей до чуда. Это величайшая тайна философов.

«Кто не умеет с помощью брожения извлечь из всех вещей дух столь чистый, сколь это может быть сделано искусством? Но почти все делают это без плода умножения, потому что не умеют соединить брата с отцом.

«Все, что подверглось брожению, действует сильнее, потому что в вещах, подвергшихся брожению, духи свободнее.

«Вещи остаются в этом природном состоянии, пока обладают достаточным количеством духа, чтобы совершать предназначенные им действия.

«Отсюда ясно видно, какова естественная причина конца вещей. Все они стремятся к своему созреванию как к своему совершенству; и едва они созрели, как дух уже начинает выводить вовне (*exserere*) свои силы и, действуя, рассеивается и исчезает, что в конце концов и причиняет смерть.

«Кто мог бы завладеть этим исчезающим духом и приложить его либо к телу, из которого он выходит, либо к телу того же рода, тот творил бы удивительные дела.

«Из этого источника вышли все естественные приворотные зелья. В самом деле, дух, пропитанный качествами другого тела, легко производит в телах того же рода действительное сходство, которое есть сильнейшая причина любви.

«Вещи, наиболее способные перехватить на лету этот частный дух, — те, которые больше всего сходны с частями самого естественного союза, или те, которые, будучи приложены к крепкому телу, от такого соприкосновения расцветают. Это нужно понимать о телах животных и прежде всего о теле человека, к которому главным образом и применяются приворотные зелья.

«Где дух тела, сочетавшийся с качествами этого тела, сообщается другому телу, там возникает некая симпатия вследствие взаимного прилива и отлива духов к их собственному телу».

(*Изречения* XLIX–LX.)

XI. — В извержениях, в крови и т. д. дух погружен не так глубоко, как в теле; поэтому он поражается в них скорее.

XII. — Смешение духов производит симпатию, а из этой симпатии рождается любовь[22].

[22] См. примечание M (Приворотное зелье Марии Клевской).

ПРИМЕЧАНИЯ

✦

Примечание А. Школьные теории, метод и новые гипотезы

Ограничим то почтение, которое мы питаем к древним. Как разум его порождает, так он же должен и соразмерять его; и рассудим, что если бы древние оставались в той робости, не смея ничего прибавить к знаниям, которые они получили, или если бы их современники так же затруднялись принимать новое, что они им предлагали, то они лишили бы и самих себя, и потомство плодов своих открытий.

Как они пользовались знаниями, оставленными им, лишь как средствами, чтобы обрести новые, и как эта счастливая смелость открыла им путь к великим делам, так и мы должны принимать знания, приобретенные ими, тем же образом и, по их примеру, делать их средствами, а не концом нашего изучения, и так стараться превзойти их, подражая им.

Ибо что может быть несправедливее, чем обходиться с древними с большей робостью, чем они обходились с теми, кто им предшествовал, и питать к ним то ненарушимое почтение, которое они заслужили от нас лишь потому, что сами не питали подобного к тем, кто имел перед ними то же преимущество?

Тайны природы сокрыты; хотя она действует всегда, ее действия открываются не всегда; время раскрывает их от века к веку, и, хотя сама в себе она всегда одинакова, она не всегда одинаково познана.

Опыты, которые дают нам ее познание, непрестанно умножаются, и так как они — единственные начала физики, то и выводы умножаются соразмерно.

Вот каким образом можно сегодня принимать иные взгляды и новые мнения, не презирая древних и без неблагодарности, ибо первые знания, которые они нам дали, послужили ступенью к нашим, и в этих преимуществах мы обязаны им тем превосходством, какое имеем над ними; потому что, поднявшись до известной ступени, на которую они нас вознесли, мы малейшим усилием поднимаемся выше и с меньшим трудом и меньшей славой оказываемся выше их. Вот почему мы можем открывать вещи, которые им было невозможно разглядеть. Наш взгляд охватывает больше, и хотя они знали так же хорошо, как и мы, все, что могли заметить в природе, знали они этого все же не так много, и мы видим больше, чем они.

Однако странно, до какой степени чтут их мнения. Противоречить им вменяют в преступление, а прибавлять к ним — в посягательство, как будто они не оставили истин, которые еще предстоит узнать…

Паскаль

У философии свои пробы и свои противоречия. То мы хотим, чтобы все люди были похожи друг на друга, несмотря на различие времен и климатов; то считаем лишь самих себя способными на некоторые усилия: *истинный свет будто бы есть лишь с тех пор, как живем мы*. Смешивают древние времена, по-разному удаленные от колыбели мира; и если не отказывают им в разуме, то видят в них лишь незнание и мрак. Но незнание — в нас, раз мы плохо их знаем: это мрак расстояния, которое затемняет предметы, уменьшая их. Самомнение нас обманывает: мы считаем себя на вершине лестницы, а нас там нет; мы считаем также, что никто не поднимался туда прежде нас, потому что время, которое заставляет исчезать людей, стирает и их мимолетные следы.

Байи

Часто говорили, что для того, чтобы делать открытия, нужно быть несведущим. Это мнение, ложное само по себе, скрывает, однако, некую истину. Оно означает, что лучше ничего не знать, чем держать в уме неподвижные идеи, опирающиеся на теории, которым всегда ищут подтверждения, пренебрегая всем, что к ним не относится. Такое расположение ума хуже всего, и оно в высшей степени противно изобретению. В самом деле, *открытие есть, как правило, непредвиденное отношение, которое не входит в теорию, иначе оно было бы предвидено*. Человек несведущий, не знающий теории, был бы в этом отношении действительно в лучшем расположении ума: теория не стесняла бы его и не мешала бы ему видеть новые факты, которых не замечает тот, кто поглощен исключительной теорией. Но поспешим сказать, что речь здесь вовсе не о том, чтобы возводить незнание в правило. Чем больше человек образован, чем больше у него прежних знаний, тем лучше будет его ум расположен к великим и плодотворным открытиям. Нужно только сохранять свободу ума и верить, что *в природе нелепое с точки зрения наших теорий не всегда невозможно*.

. . . . . .

Я думаю, что для ума есть лишь один способ рассуждать, как для тела есть лишь один способ ходить. Только когда человек идет по твердой и ровной почве, по прямой дороге, которую он знает и видит во всю ее длину, он движется к цели шагом верным и быстрым. Когда же он идет дорогой извилистой, неровной и незнакомой, он боится пропастей и продвигается лишь с осторожностью и шаг за шагом. Прежде чем ступить второй раз, он должен убедиться, что первая поставленная нога опирается на твердое, затем двигаться вперед, проверяя каждую минуту опытом прочность почвы и постоянно меняя направление своего хода сообразно тому, что встречает. Таков и опытник, который

никогда не должен в своих исследованиях выходить за пределы факта, иначе он рискует заблудиться.

. . . . . .

Положение естествоиспытателя совсем не то, что положение математика: общее положение, к которому он пришел, или начало, на которое он опирается, остается относительным и временным, потому что оно выражает сложные отношения, которые он никогда не может быть уверен, что знает все. Поэтому его начало недостоверно, раз оно не осознано до конца и не вполне соответствует уму; поэтому выводы, хотя бы и очень логичные, остаются всегда сомнительными, и тогда необходимо призвать опыт, чтобы проверить заключение этого дедуктивного рассуждения.

Это различие между математиками и естествоиспытателями имеет решающее значение с точки зрения достоверности их начал и выводов, которые из них следует делать; но механизм дедуктивного рассуждения в точности одинаков у тех и у других. Оба одинаково исходят из некоторого положения; только математик говорит: *Если дана эта исходная точка*, то такой-то частный случай из нее необходимо вытекает. Естествоиспытатель говорит: *Если бы эта исходная точка была верна*, то такой-то частный случай вытекал бы как следствие.

Клод Бернар

Факты, которые мы называем сверхъестественными, отвечают двум разным условиям: во-первых, мы не знаем их причины, во-вторых, мы не видим, чтобы они происходили часто. Пока люди не умели объяснить затмения, они видели в них сверхъестественные факты, потому что затмения были отступлением от повседневного астрономического порядка и ни один человеческий ум не проникал в их причину. Сверхъестественное

стало явлением природы, как только наше незнание причины рассеялось.

Падение камня кажется нам правдоподобным и естественным лишь потому, что оно случается часто. С точки зрения глубинного познания вещей оно было бы совершенно сверхъестественным.

Шарль Рише

Сэр У. Томсон и Максвелл уже пытались свести к движению всю совокупность магнитных, электрических и световых явлений: странное и сложное строение эти физики вынуждены приписывать даже простейшим диэлектрикам, даже эфиру… Остережемся, однако, смеяться над причудливой машиной, составленной Максвеллом и сэром У. Томсоном; быть может, она станет бесспорной истиной завтрашнего дня, — в ожидании того дня, когда сделается бесспорным заблуждением послезавтрашнего.

Дело в том, что господствующая гипотеза теории, принятой одним поколением и вызывающей его восхищение, считалась явным заблуждением у людей предыдущего поколения; люди следующего поколения будут смотреть на нее как на свидетельство незнания своих предков. История оптики — постоянный тому пример: мыслители XVII века с пренебрежением отвергают систему истечения; ученые XVIII века полны доверия к этой системе и пренебрежения к системе волн; физики XIX века снова берутся за эту последнюю и удивляются, как можно было считать первую серьезной теорией.

Когда поднимается новая теория, видно, как она в несколько лет умножает свои открытия и объясняет явления, до тех пор заброшенные и непонятые; затем, ободренная первыми успехами, она скоро воображает, что гипотезы, на которых она покоится, — достоверности, что ее представление внешнего мира есть точное выражение природы вещей; но при первой неудаче она рушится до

основания, и физики спешат вымести ее обломки, чтобы освободить место другой теории, которая поднимется в свой черед лишь затем, чтобы рухнуть.

Дюэм

Кажется, будто до скончания веков одни и те же предубеждения будут заставлять совершать одни и те же промахи. Отдельным людям и учрежденным корпорациям опыт других приносит мало пользы. Каждый из нас создает себе маленький мир, скроенный по мерке своего мозга, и мы хотим, чтобы ничто не сдвигало границ, которые нам угодно было провести возможностям природы. Величайшие ученые не свободны от этих слабостей; философы от них не избавлены. Вспомним тех пизанских профессоров, которые во имя не знаю какого метафизического начала, основанного на священном числе *семь*, отказывались верить в открытия Галилея, тогда новые. «Да посмотрите хотя бы в мой телескоп, прежде чем отрицать», — говорил он им. Вместо этого они повернулись к нему спиной и лишь упорнее держались своих отрицаний.

В прошлом веке, когда снова и очень серьезно встал вопрос о падении аэролитов, Лавуазье думал навсегда закрыть рот тем, кто допускал его возможность, ответом, который считал неопровержимым: «На небе нет камней; значит, они не могут падать на землю».

Природа, к счастью, давно привыкшая ко всем крикам, к умозрениям метафизиков, слишком часто пустым, как и к узким расчетам некоторых людей науки, неизменно продолжает свой путь, не тревожась пустыми речами своих хулителей.

Метцгер

Каждый век незрел для открытий, которых он не видит рождающимися, потому что не замечает собственной

неспособности и недостатка средств, нужных, чтобы сделать эти открытия.

Повторение одного и того же проявления, отпечатываясь в мозгах, подготавливает умы и делает их все менее неспособными открыть законы, которым это проявление подчинено.

Пятнадцати или двадцати лет достаточно, чтобы заставить всех восхищаться открытием, которое в ту минуту, когда оно было сделано, считали безумием; ученые общества и теперь еще смеются над гипнотизмом и гомеопатией; кто знает, не находимся ли мои друзья и я, смеющиеся над спиритизмом, в заблуждении точно так же, как загипнотизированные; благодаря окружающей нас иллюзии мы, быть может, неспособны признать, что ошибаемся; и, подобно многим душевнобольным, стоя на противоположной стороне от истины, мы смеемся над теми, кто не с нами.

Ломброзо

Без сомнения, некоторые ученые изучали эти вопросы для собственного удовлетворения; другие просят лишь о том, чтобы склониться перед очевидностью, и, сохраняя ум открытым, откладывают свое суждение; но это лишь исключения. Огромное большинство, я считаю себя вправе это сказать, враждебно этим исследованиям и сознательно противится их обсуждению. И не после долгого рассмотрения, которое оправдывало бы противодействие, но часто вовсе без всякого рассмотрения. Нескольких уловок какого-нибудь обманщика на публичных сеансах достаточно, чтобы отклонить всякое дальнейшее рассмотрение.

Что отдельные люди держатся такого образа действий, это в общем довольно естественно: они заняты и увлечены, может быть, другими исследованиями. Никто не обязан рассматривать все; но во многих отраслях человеческой деятельности принято,

чтобы те, кто остался вне исследований, ведущихся в какой-либо особой области, полагались на тех, кто ею занимается.

Когда появилась теория Коперника, Галилей, хотя и вполне убежденный в ее верности, несколько лет воздерживался от того, чтобы ее преподавать, желая, прежде чем поднять бурю споров, которая не могла не повлечь отказа от системы Птолемея, дождаться, чтобы его положение в университете стало прочнее. Та же осторожность встречается и сегодня. Я знаю людей, которые не решаются выказать некоторый интерес (не хочу сказать — веру, это было бы преждевременно) к явлениям, о которых идет речь, пока не завоюют своими трудами на других путях бесспорного положения.

В делах науки осторожность необходима, и истинный прогресс медлен; но, не боюсь это сказать, та нерешительность, которую я встречал у многих перед лицом неортодоксальных фактов, не согласуется с высокими научными преданиями.

Мы, полагаю, немного боимся того, что думают другие; мы весьма почитаем мнения наших старших и наших учителей, и, так как предмет им неприятен, мы молчим. Это выжидательное положение, впрочем, очень хорошо уживается с недоверием, которое мы питаем к собственным силам. Мы хорошо чувствуем, что за пределами наших нынешних знаний простирается обширная область, соприкасающаяся с несколькими уже известными отраслями науки, к которой образованный ум в состоянии подступиться; но мы знаем, что за недостатком научных исследований этой областью веками завладевали обманщики и что сегодня, если не быть чрезвычайно внимательными, мы рискуем, отважившись туда, увязнуть в какой-нибудь трясине.

Лодж

Я утверждаю, не боясь возражений, что всякий раз, когда люди науки, в какую бы то ни было эпоху, отрицали на основании *a priori* факты, сообщенные исследователями, натолкнувшимися на них случайно, *им всегда доказывали их неправоту*.

Нет нужды делать больше, чем напомнить всемирно известные имена Галилея, Гарвея, Дженнера. Великие открытия, которые они сделали, были, как мы знаем, яростно оспорены всеми их учеными современниками, которым они казались нелепыми и невероятными. Но у нас есть и гораздо ближе к нашему времени примеры не менее разительные. Когда Бенджамин Франклин представил Королевскому обществу вопрос о громоотводах, на него смотрели как на мечтателя, и его записка не была принята в «Философские труды». Когда Юнг привел свои чудесные доказательства теории световых волн, научные писатели-популяризаторы того времени так же освистали его как несостоятельного. «Эдинбургское обозрение» призывало публику надеть на Томаса Грея смирительную рубашку за то, что он утверждал осуществимость железных дорог. Сэр Хамфри Дэви смеялся над мыслью, что Лондон будет освещаться газом. Когда Стефенсон предложил пустить локомотивы по железной дороге из Ливерпуля в Манчестер, ученые люди взялись доказывать, что эти машины не смогут давать даже 12 миль в час. Другой великий научный авторитет объявил не менее невозможным, чтобы океанские пароходы когда-либо пересекли Атлантику. Французская академия наук осмеяла великого Араго, когда он только захотел обсудить вопрос об электрическом телеграфе[1]. Врачи осмеяли стетоскоп, когда он был изобретен. Операции, произведенные без боли во время месмерической комы, были объявлены невозможными и, следовательно, обманом. Но один из самых разительных случаев этого противодействия (или, вернее, этого отказа верить фактам, противоречащим ходячей вере дня, среди людей, которых обычно можно обвинить в том, что они заходят

слишком далеко в другую сторону), потому что он один из самых недавних, — это случай с учением о древности человека… В этом случае скромные и часто безвестные наблюдатели были правы, а люди науки, отвергавшие их наблюдения, были неправы. Так менее ли достойны внимания, чем упомянутые выше, новейшие наблюдатели некоторых явлений, обычно называемых сверхъестественными или невероятными?

Сэр Альфред Рассел Уоллес

---

[1] Араго рассказывает в «Истории моей юности» следующий случай:

«Император… перешел к другому члену Института. Это был не новичок: это был натуралист, известный прекрасными и важными открытиями, — г-н Ламарк. Старик подает Наполеону книгу.

— Что это такое? — сказал тот. — Это ваша нелепая „Метеорология“, сочинение, в котором вы соперничаете с Матье Ленсбергом, этот ежегодник, который позорит вашу старость; занимайтесь-ка естественной историей, и я с удовольствием буду принимать ваши труды. Эту книгу я беру лишь из уважения к вашим сединам. — Возьмите! — И он передает книгу адъютанту.

Бедный г-н Ламарк, который в конце каждой из резких и обидных фраз императора тщетно пытался сказать: „Это сочинение по естественной истории, которое я вам подношу“, имел слабость расплакаться».

Если я когда-нибудь напишу свои воспоминания, я расскажу о почти такой же сцене, которую мне устроил один генерал-инспектор, побуждая меня подать в отставку, потому что он «не мог терпеть, чтобы в военной школе занимались оккультными науками».

На каждой ступени своего прогресса наука обрывала вопросы поверхностными решениями.

Спенсер

Прежде чем сам опыт можно будет применить с пользой, нужно пройти предварительную ступень, которая зависит исключительно от нас самих: совлечь со своей мысли и совершенно омыть ее от всякого предубеждения и принять

решение устоять или пасть перед результатом прямого обращения к фактам в первой инстанции и принять строго логические выводы из их следствий.

Сэр Джон Гершель

Хороший опыт ценнее изобретательности мозга, будь то хоть мозг Ньютона. Факты полезнее, даже когда их оспаривают, чем принятые теории, даже когда их отстаивают.

Сэр Хамфри Дэви

Что касается вопроса о Чуде, я могу сказать лишь, что слово «невозможно», по-моему, неприменимо в делах философии; что возможности Природы бесконечны. Вот изречение, которым я имею обыкновение донимать своих друзей.

Профессор Гексли

Самонадеянный скептицизм, который отвергает факты, не рассмотрев, действительны ли они, в некоторых отношениях более достоин порицания, чем неразборчивая доверчивость.

Гумбольдт

Делать опыты без связи и без метода — значит идти ощупью; но когда их делают в известном порядке и ввиду известной цели, это все равно как если бы тебя вели за руку.

Бэкон

Нужно предполагать порядок даже между вещами, которые естественно не следуют одни за другими.

Декарт

Гипотезы — это указательные столбы, которые ведут работников.

Крукс

Предвзятые идеи, подчиненные строгой проверке опытом, — животворящее пламя наук наблюдения; неподвижные идеи — их опасность. Вспомните прекрасную фразу Боссюэ: «Величайшее расстройство ума — верить, что вещи таковы, потому что хочешь, чтобы они такими были».

Пастер

Опытная наука по существу позитивистская в том смысле, что в своих построениях она никогда не допускает рассмотрения сущности вещей, происхождения мира и его судеб. Она в этом нисколько не нуждается. Она знает, что ей нечему было бы научиться у какого бы то ни было метафизического умозрения. Однако она не лишает себя гипотезы. Напротив, никто не пользуется ею больше, чем опытник; но лишь как проводником и побуждением к исследованию и под условием строгой проверки.

Кл. Бернар

Хорошо идти вперед — делом, когда можешь, но всегда — мыслью. Надежда толкает человека и дает ему силу для великих дел; когда толчок дан, то, если и не всегда осуществляешь то, что предвидел, осуществляешь что-нибудь другое, и часто еще более необыкновенное. Кто осмелился бы возвестить сто лет назад фотографию и телефон?

Бертло

Примечание В. Выписка из доклада г-на де Жюсье о животном магнетизме

Многие больные, перед которыми я водил пальцем на расстоянии дюйма от их тела, думали, что чувствуют легкий ветерок, то теплый, то холодный, который оставлял след. Это движение, продолженное вдоль руки и ноги, лежавших в опоре и покое,

иногда вызывало в них онемение, а затем более или менее сильное покалывание, особенно когда члены были парализованы. Учение о магнетизме допускает в одушевленных телах прямые полюса, которые не должны действовать один на другой, и полюса противоположные, взаимное действие которых более постоянно. Я не всегда находил это соответствие. Новому флюиду приписывают еще ток сверху вниз, вероятно, для того, чтобы подчинить его действию нервов, считающихся его главными проводниками. Опыты с магнетизированной мебелью и сосудами, с ощущениями, вызываемыми отражением зеркал, никогда не казались мне настолько убедительными, чтобы придавать им какую-нибудь ценность. Но, поместившись возле чана (*чана Месмера*), напротив женщины, слепота которой, вызванная двумя очень толстыми бельмами, была за месяц перед тем удостоверена комиссарами, я видел, как она вошла совершенно спокойным шагом и в течение четверти часа казалась более занятой железным прутом от чана, направленным к ее глазам, чем разговором других больных. В ту минуту, когда шум голосов был достаточен, чтобы ее слух не мог ей служить, я направил с расстояния шести футов палочку на ее желудок, который, как я знал, был очень чувствителен. Через три минуты она стала беспокойной и взволнованной; она обернулась на стуле и уверила, что кто-то, находящийся позади нее или рядом, ее магнетизирует, хотя я заранее позаботился удалить всех, кто мог бы сделать опыт сомнительным. Пятнадцать минут спустя, улучив те же обстоятельства, я повторил пробу, которая дала в точности тот же результат. Все меры предосторожности, нужные в подобном случае, были соблюдены. Я убедился, что больная не получила от своего лечения иных выгод, кроме того, что смутно различала некоторые предметы на расстоянии трех или четырех дюймов…

Малейшие магнетические движения производили на другую больную впечатление столь живое, что, когда несколько раз проводили пальцем в полуфуте от ее спины, *так что она не могла этого предвидеть*, ее тотчас охватывали судорожные движения и повторные вздрагивания, которые возвещали ей о произведенном действии и длились столько же, сколько это действие… Если тайком от больных водили пальцем над их головой или вдоль их спины, не касаясь, и даже на некотором расстоянии, они часто живо вскакивали, поворачивая голову, чтобы увидеть человека, стоящего позади них… Этих фактов немного, и они мало разнообразны, потому что я мог привести лишь те, которые были хорошо проверены и в которых у меня не было никакого сомнения. *Их будет достаточно, чтобы заставить признать возможность или существование флюида или агента, который переносится от человека к его ближнему и производит иногда на последнего ощутимое действие.*

Примечание С. Выписка из годового отчета об успехах химии, представленного 31 марта 1846 г. Стокгольмской академии наук непременным секретарем Берцелиусом

Животная химия

Нервная система. — Прежде чем дать отчет о трудах по собственно животной химии, которые были опубликованы, я хочу сказать несколько слов об одном исследовании г-на Рейхенбаха, которое, в сущности, не относится к ведению химии, но в котором он указывает на некоторое состояние нервной системы как на реактив, превосходящий по чувствительности все, какие были предложены для множества физических и химических явлений. Его записка была опубликована в нескольких дополнительных

выпусках «Анналов химии и фармации» гг. Либиха и Велера за 1845 год.

Известно, что существует особое болезненное состояние нервной системы, которое вызывает естественный сомнамбулизм или которое можно произвести искусственно. Последний случай обычно, но очень неправильно, называют животным магнетизмом. Мнения о действительности этого состояния были и остаются очень разделенными. С одной стороны, склонны верить всему с полным убеждением, даже вещам физически нелепым и невозможным, а с другой — ничему не верят и отвергают все, что сказано на этот счет, будь то по предубеждению или как обман; среди всего этого самые рассудительные наблюдают и молчат. Нельзя, однако, отрицать, что в сущности здесь что-то есть и что стоит труда постараться приобрести некоторые положительные факты и произвести исследования, которые могли бы привести к хорошо удостоверенным результатам; ибо до сих пор все исследования, которые были сделаны, производились людьми, имевшими безграничную веру в этом вопросе и не искавшими доказательств или довольствовавшимися недостаточными доказательствами. Самые рассудительные естествоиспытатели считали, что лучше воздержаться, и всегда избегали этим заниматься. Между тем несомненно, что опыт часто представляет нам во всех отраслях науки непонятные явления, от которых легче всего отделаться, объявив их заблуждениями или баснями. Однако не так следует поступать; столь же необходимо доказать, что то, что считают ошибочным, действительно ошибочно, как и доказать, что истинное истинно, и истинный ученый не отступает ни перед тем, ни перед другим.

Кто не помнит истории падения метеорных камней, разыгравшейся в наше время, и того, как велико было число тех, кто объявлял, что прежние и недавние сообщения о падении камней с неба — лишь басни или ошибки наблюдения? Когда Говард прочел в Лондонском королевском обществе отчет о первых обстоятельных исследованиях, сделанных по этому предмету, при этом присутствовал знаменитый женевский естествоиспытатель Пикте. Проезжая через Париж на обратном пути в Женеву, он сообщил Парижской академии наук то, что слышал в Лондоне; но так как он выражался словами, обличавшими полное убеждение с его стороны, его вдруг прервал Лаплас, воскликнувший: «Довольно с нас таких басен!» — и Пикте пришлось остановиться.

Несколько лет спустя депутация Академии удостоверила в департаменте Эна падение более двух тысяч метеорных камней, упавших разом.

Г-н Рейхенбах допускает, что нервная система лиц, подверженных сомнамбулизму, находится в болезненном состоянии, одаренном большей чувствительностью, чем в нормальном состоянии, и что на них могут производить впечатление влияния, нисколько не действующие на здоровых людей, так что эти последние могут совершенно не подозревать о существовании этих влияний. Здесь то же, что с животными, которые могут идти по звуку или по запаху, совершенно ускользающим от органов человека. Он обозначает этих лиц именем *сенситивов* и попытался изучить впечатления, которые они испытывают при некоторых обстоятельствах, действующих на них извне, не занимаясь, впрочем, физиологическими явлениями, которые сопровождают это состояние и которые разумеют под общим названием животного магнетизма.

Прежде всего он исследовал действие динамид на сенситивов; он отметил и сравнил впечатления разных лиц, и согласие, которое они представляли, привело его к заключению, что все сенситивы одинаково поражаются влияниями, неуловимыми для него самого и для других здоровых людей. Он полагает, что этим путем можно прийти к более глубокому знанию явлений динамид, чем при помощи наших чувств в нормальном состоянии. Так, по полному согласию утверждений нескольких сенситивов, он убедился, что магнитная полярность оказывает на них влияние, что они испытывают иное ощущение от северного полюса, чем от южного, и что они тотчас замечают, когда меняют полюс, обращенный в их сторону, хотя бы магнит находился в другой комнате. В темноте они видят слабый свет, исходящий от полюсов, и он зарисовал его по их описанию. Он нашел, что сенситивы, сон которых был беспокоен, когда их кровать стояла по направлению с севера на юг, спали спокойно, когда кровать ставили с востока на запад; это доказывает, что магнитная полярность земли оказывает на них влияние. Большие кристаллы действуют на них различно, смотря по тому, каким концом их к ним обращают, и, чтобы определить природу производимого ими ощущения, сенситивы сравнивают его с ощущением тепла или холода; электроположительные и электроотрицательные тела также влияют на них различно, так что они могли отличать их одни от других, хотя бы те были завернуты в одинаковую оболочку.

Моя цель вовсе не в том, чтобы дать здесь выписку из результатов г-на Рейхенбаха, которые к этому отчету не относятся, но лишь в том, чтобы привлечь внимание ученых к исследованиям г-на Рейхенбаха, некоторые из которых постигла та же участь, что и сообщение Пикте, о котором шла речь выше. Этот предмет заслуживает разработки многими учеными, я сказал

бы даже — всеми теми, кто находится в необходимых для этого обстоятельствах, и результаты должны оцениваться строго и тщательно. Тот, кто производит исследования по этому вопросу, находится в том же положении, что судья, которому предстоит судить о проступке, свидетелем которого он не был, и который должен взвесить и разобрать все подробности показаний свидетелей. Ученый должен обладать здесь той же тонкостью в расспросах, так же отрешаться от всякого предвзятого мнения и рассматривать все утверждения с той же строгостью, что и судья, чтобы не верить легкомысленно и не дать ввести себя в заблуждение хитрыми или лживыми показаниями. По причине этих различных условий это исследование становится одним из самых трудных, какие может предпринять ученый, и нельзя не восхищаться мужеством ученого, который, открыв в этом отношении нечто достойное исследования и пользуясь заслуженным уважением в науке, осмеливается бросить вызов предубеждениям, ограниченным умам, самомнению и даже насмешке и смело преследовать поставленную себе цель. Предмет исследований не должен быть оставлен потому, что его трудно исследовать, или потому, что современники несправедливо пренебрегают им или презирают его.

Примечание D. Жизнь атомов и научные мечтания

По Клоду Бернару, «наше тело состоит из миллионов, из миллиардов маленьких существ, или *живых особей*, разных видов: эти элементы одного вида соединяются, чтобы составить наши ткани, а наши ткани смешиваются, чтобы составить наши органы, и все они действуют друг на друга, чтобы согласно содействовать одной и той же физиологической цели… Они соединяются и

остаются раздельными, как люди, которые держались бы за руки» («Обозрение двух миров», 1864, 1 сентября, «Кураре»).

В 1865 году сэр Джон Гершель писал в «Фортнайтли ревью»:

«Все, что приписывалось атомам (милым маленьким созданиям, как говорила Гермиона), их любовь и ненависть, их притяжения и отталкивания по первоначальным законам их бытия, становится понятным, только если мы допустим в них присутствие некоего ума».

Эта гипотеза вовсе не нова; она входила в мифологические предания, передававшиеся посвященным.

В своей «Монадологии» Лейбниц выражается так:

«§ 1. — Монада есть *простая* субстанция, входящая в состав сложных: *простая*, то есть без частей.

§ 2. — Монады суть истинные атомы Природы, элементы вещей.

§ 8. — Монады обладают *качествами*, без которых они не были бы сущностями.

§ 9. — Если мы условимся давать имя *души* всему, что имеет восприятия и желания, то все простые субстанции, или монады, могут быть названы душами в том смысле, который я только что указал».

По Парацельсу, «все элементы имеют душу и живы. Они не ниже человека, но отличаются от него тем, что не имеют бессмертной души. Это *Силы Природы*, то есть именно они делают то, что обычно приписывают Природе. Мы можем называть их существами, но они не из рода Адама».

«Нет в мире ни одной вещи, ни одной травинки, над которой не царил бы дух, — говорит еврейская Каббала. — Их жизнь не имеет средоточием вечного начала: с их смертью для них все кончено».

Микробы, которые, как воображают многие, были открыты в наши дни, были известны или по крайней мере предчувствуемы давно. Вот как говорит о них мечтатель XVII века Сирано де Бержерак[2].

[2] Сочинения, изд. 1707 г., т. II, с. 89. — Первое издание этих сочинений вышло в 1650 году.

«Представьте же себе Вселенную как одно большое животное; представьте, что звезды, которые суть Миры, находятся в этом большом животном, как другие большие животные, которые взаимно служат Мирами другим народам, таким, как мы, наши лошади и т. д.; и что мы в свою очередь тоже миры по отношению к некоторым животным, несравненно меньшим, чем мы, как некоторые черви, вши, клещи; что эти последние — земля для других, еще более незаметных; что, таким образом, как каждый из нас кажется большим миром этому маленькому народцу, так, быть может, и наша плоть, наша кровь, наши духи — не что иное, как ткань маленьких животных, которые держатся друг за друга, сообщают нам движение своим движением и слепо дают вести себя нашей воле, которая служит им кучером, ведут нас самих и производят все вместе то действие, которое мы называем жизнью… Разве зуд не доказывает того, что я говорю? Клещ, который его производит, — что он иное, как не одно из этих маленьких животных, которое отделилось от гражданского общества, чтобы сделаться тираном своей страны?.. Что до того пузырька и той корочки, причины которых вы не знаете, то они непременно происходят либо от разложения их врагов, которых эти маленькие великаны перебили, либо от мора, вызванного недостатком пищи, которой мятежники объелись, оставив гнить на поле груды трупов; либо от того, что этот тиран, прогнав вокруг себя своих товарищей, которые своими телами затыкали

поры нашего тела, дал проход слизи, а та, излившись за пределы круга нашего кровообращения, испортила нашу кровь… А чтобы еще доказать это всеобщее обращение, вам стоит только посмотреть, когда вы ранены, как кровь сбегается к ране. Ваши доктора говорят, что ее ведет предусмотрительная природа, которая хочет помочь ослабевшим частям: из этого следовало бы заключить, что *кроме души и духа в нас есть еще третья, разумная субстанция, у которой свои отправления и свои особые органы*; поэтому я нахожу гораздо более вероятным сказать, что эти маленькие животные, чувствуя себя атакованными, посылают к соседям просить помощи и что, когда те сошлись со всех сторон и страна оказалась неспособна вместить столько народу, они умирают от голода или задыхаются в давке. Эта смертность наступает, когда нарыв созрел; ибо в доказательство того, что тогда животные задохнулись, служит то, что гниющая плоть становится нечувствительной; а если кровопускание, которое назначают, чтобы отвлечь прилив, так часто бывает полезно, то это потому, что, так как много их погибло через отверстие, которое эти маленькие животные старались заткнуть, они отказываются помогать своим союзникам, имея лишь посредственную силу, чтобы защищаться каждому у себя».

Сирано говорит, впрочем, несколькими страницами дальше (с. 106) «о прозрачных шарах, которые служили для освещения и в которых был закреплен свет без тепла». Это все еще та задача, которую стремятся решить наши электрики.

Всякий знает, хотя бы понаслышке, его «Комическую историю государств и империй Луны», но меньше знают, что он описывает там настоящий монгольфьер и настоящий парашют по поводу одного из выводимых им лиц!

«Он наполнил дымом два больших сосуда, которые герметически закупорил, и привязал их себе под мышками; тотчас дым, стремившийся подняться и не могший проникнуть сквозь металл, толкнул сосуды вверх и таким образом поднял вместе с ними этого великого человека… Когда он поднялся до Луны… он проворно отвязал сосуды, которые были у него, как крылья, укреплены вокруг плеч, и сделал это так удачно, что, едва очутившись в воздухе, в четырех туазах над Луной, распрощался со своими плавниками. Высота, однако, была достаточно велика, чтобы сильно его ушибить, если бы не широкий подол его платья, куда набился ветер и мягко поддерживал его, пока он не ступил на землю» (*l. c.*, с. 14 и 16).

Сам фонограф был тогда в употреблении на нашем спутнике. Сирано рассказывает в самом деле (*l. c.*, с. 109), что гений, служивший ему проводником, дает ему для развлечения несколько местных книг; эти книги заключены в коробки:

«Открыв коробку, я нашел внутри не знаю что из металла, почти похожее на наши часы, полное не знаю каких маленьких пружинок и незаметных механизмов: это книга, правда, но книга чудесная, у которой нет ни листов, ни букв; словом, это книга, для изучения которой глаза бесполезны; нужны только уши. Когда, стало быть, кто-нибудь желает читать, он заводит множеством всякого рода маленьких нервов эту машину, затем поворачивает стрелку на главу, которую желает слушать, и в тот же миг из нее выходят, как из уст человека или из музыкального инструмента, все отчетливые и различные звуки, которые служат у Великих Лунян для выражения речи».

Наш рассказчик, быть может, взял эту мысль из апрельского номера 1632 года «Достоверного вестника», маленькой

ежемесячной газеты, где часто забавлялись тем, что помещали вымышленные новости[3]:

[3] Этот номер составляет маленькую тетрадь in-4° в четыре страницы и носит пометку: *В почтовой конторе, учрежденной для разнородных новостей.*

«Капитан Востерлох вернулся из своего путешествия в южные земли, которое он предпринял по поручению Штатов (Голландских) два с половиной года назад. Он рассказывает нам, между прочим, что, пройдя проливом ниже Магелланова, он высадился в стране, где природа снабдила людей некими губками, *которые удерживают звук и членораздельный голос*, как наши удерживают жидкости. Так что, когда они хотят что-нибудь сообщить или переговорить издалека, *они лишь говорят вблизи в некоторые из этих губок*, затем посылают их друзьям, а те, получив их и потихоньку сжимая, *выжимают из них все слова, какие там были*, и узнают этим чудесным способом все, чего желают их друзья».

Быть может, Сирано вдохновился следующим местом из Рабле (книга IV, гл. LVI).

Как Пантагрюэль нашел среди замерзших слов червленые словечки

«Кормчий ответил: „Государь, ничего не пугайтесь. Здесь граница Ледовитого моря, на котором в начале прошлой зимы была великая и лютая битва между аримаспами и нефелибатами. Тогда замерзли в воздухе слова и крики мужчин и женщин, удары палиц, лязг доспехов и сбруи, ржание коней и весь прочий грохот битвы. Ныне, когда суровость зимы миновала и настали ясная погода и тепло, они тают и становятся слышны“. — „Ей-богу, — сказал Панург, — я этому верю. Но нельзя ли нам увидеть хоть одно? Помнится, читал я, что у подножия горы, на которой Моисей получил закон для иудеев, народ видел голоса воочию“. — „Вот,

вот, — сказал Пантагрюэль, — глядите, вот еще не оттаявшие“. Тут он набросал нам на палубу полные пригоршни замерзших слов, и были они похожи на драже, переливающиеся разными цветами. Мы увидели словечки червленые, словечки зеленые, словечки лазоревые, словечки черные, словечки золоченые. Которые, немного согревшись у нас в руках, таяли, как снег, и мы их подлинно слышали, но не понимали, ибо то был язык чужеземный. Кроме одного, довольно толстого, которое, когда брат Жан согрел его в руках, издало звук, какой издают каштаны, брошенные в жар нерасколотыми, когда лопаются, и заставило нас всех вздрогнуть от страха. „Это было, — сказал брат Жан, — в свое время выстрелом из фальконета“. Панург попросил Пантагрюэля дать ему еще. Пантагрюэль ответил ему, что давать слова — дело влюбленных. „Так продайте их мне“, — говорил Панург. — „Это дело адвокатов, — ответил Пантагрюэль, — продавать слова. Я скорее продал бы вам молчание, и подороже, как некогда продал его Демосфен за свою серебряную ангину“.

Несмотря на это, он бросил на палубу три или четыре пригоршни. И увидел я там слова весьма колкие, слова кровавые, которые, как говорил нам кормчий, иногда возвращаются туда, откуда были произнесены, — но с перерезанным горлом; слова ужасающие и другие, довольно неприятные на вид. Которые все вместе, растаяв, зазвучали: гин, гин, гин, гин, тик, торш, лорнь, бреденден, бреденак, ффр, ффрр, ффрр, бу, бу, бу, бу, бу, бу, бу, бу, трак, трак, трр, ттрр, ттрр, тррр, ттррр, он, он, он, он, он, ууууон: гот, магот, — и не знаю какие еще чужеземные слова; и говорил он, что это были возгласы при сшибке и ржание коней в час, когда сходятся в бой. Затем мы услышали другие, толстые, и, оттаивая, они звучали — одни как барабаны и дудки, другие как рожки и трубы. Поверьте, мы изрядно позабавились. Мне хотелось

отложить про запас несколько крепких червленых словечек в масле, как хранят снег и лед, да в чистой соломе. Но Пантагрюэль не захотел, говоря, что безумие — запасать то, в чем никогда нет недостатка и что всегда под рукой, как червленые словечки у всех добрых и веселых пантагрюэлистов. Тут Панург несколько рассердил брата Жана и вверг его в задумчивость, ибо поймал его на слове в тот самый миг, когда тот вовсе этого не ожидал; и брат Жан пригрозил заставить его раскаяться так же, как раскаялся Г. Жуссом, продав по его слову сукно благородному Патлену, а если случится тому жениться — взять его за рога, как теленка, раз уж тот поймал его на слове, как человека. Панург скорчил ему рожу в знак насмешки. Потом воскликнул, говоря: „Дай Бог, чтобы здесь, не продвигаясь далее, получил я слово Божественной Бутылки!“»

Другой мечтатель, Тифень де ла Рош, издал в 1760 году под заглавием «Жифантия», анаграммой своего имени, любопытную книжечку, в которой он предвидит *цветную фотографию* и заставляет описывать ее главу стихийных Гениев во дворце, куда сам оказывается перенесен[4]:

[4] «Жифантия», в Вавилоне, M. D. CC. L. X, in-12; 1-я часть, гл. XVII: «Буря», с. 131–133.

«Ты знаешь, что лучи света, отраженные от различных тел, составляют картину и рисуют эти тела на всех гладких поверхностях: на сетчатке глаза, например, на воде, на зеркалах. Стихийные духи постарались закрепить эти мимолетные образы; они составили вещество очень тонкое, очень вязкое и очень быстро высыхающее и твердеющее, при помощи которого картина делается в мгновение ока. Им они покрывают кусок холста и подносят его к предметам, которые хотят изобразить. Первое действие холста — то же, что действие зеркала: в нем

видны все тела, близкие и далекие, образ которых может принести свет.

Но чего не сумело бы зеркало, то делает холст: благодаря своей вязкой пропитке он удерживает призраки. Зеркало верно передает вам предметы, но не удерживает ни одного; наши холсты передают их не менее верно, но удерживают их все. Это запечатление образов — дело первого мгновения, когда холст их принимает. Его тотчас снимают и ставят в темное место; час спустя покрытие высохло, и у вас картина, тем более драгоценная, что никакое искусство не может подражать ее правдивости и что время никак не может ее повредить. Мы берем из чистейшего источника, из тела света, те цвета, которые живописцы извлекают из различных материалов и которые время непременно портит. Точность рисунка, разнообразие выражения, мазки более или менее сильные, переходы оттенков, правила перспективы — все это мы предоставляем природе, которая верным, никогда не изменяющим себе ходом чертит на наших холстах образы, обманывающие глаза и заставляющие разум сомневаться, не есть ли то, что называют действительностью, лишь другой род призраков, которые обманывают глаза, слух, осязание, все чувства разом.

Затем стихийный дух вошел в некоторые физические подробности: 1° о природе клейкого тела, которое перехватывает и удерживает лучи; 2° о трудностях его приготовления и употребления; 3° об огне света и об этом высушенном теле, — три задачи, которые я предлагаю физикам наших дней и предоставляю их проницательности».

Чтобы закончить этот обзор нынешних изобретений, которые уже получили своего рода возможное существование в воображении людей того плодотворного XVII века, нашего

истинного отца в области наук, я напомню еще, что *электрический телеграф* указан Страдой в двух десятках стихов его *Prolusiones academicæ*, изданных в Риме в 1617 году.

Для него это игра ума, простое пожелание:

> *O! utinam hæc ratio scribendi prodeat usu*
> *Cautior et citior properaret epistola!*

Способ, каким он воображал этот прибор, повторили все ученые той эпохи, и в особенности один лотарингский иезуит, отец Лерешон, в своих *Hilaria mathematica*, изданных в 1624 году. Я заимствую место, где о нем идет речь, из французского перевода, изданного двумя годами позже в Понт-а-Муссоне под заглавием «Математические развлечения», под псевдонимом Ван Эттена.

«Некоторые хотели сказать, что при помощи магнита или другого подобного камня отсутствующие могли бы переговариваться. Например, если Клод находится в Париже, а Жан в Риме и у того и у другого есть игла, натертая каким-нибудь камнем, сила которого такова, что, по мере того как одна игла двигалась бы в Париже, другая так же двигалась бы в Риме, то могло бы случиться, что у Клода и Жана была бы одна общая азбука и что они условились бы говорить издалека каждый день в шесть часов вечера, причем игла, сделав три с половиной оборота, подавала бы знак, что это Клод, а не другой хочет говорить с Жаном. Тогда Клод, желая сказать ему, что король в Париже, заставил бы свою иглу двигаться и останавливаться на L, затем на E, затем на R, O, Y и так далее. А в то же время игла Жана, согласуясь с иглой Клода, двигалась бы и останавливалась на тех же буквах, и, следовательно, он мог бы легко записать или понять то, что другой хочет ему сообщить».

«Изобретение прекрасное, — прибавляет о. Лерешон, который думал на этот счет так же, как Страда, — но я не думаю, чтобы на свете нашелся магнит, обладающий такой силой».

Поистине хочется понять буквально этот парадокс одного философа-математика[5]:

[5] Ревель, «Очерк системы природы, основанной на законе случая», с. 50, изд. 1892.

«Все, что мыслимо, возможно, и, наоборот, все, что возможно, мыслимо. А по закону игры все возможное было осуществлено и будет осуществлено. Следовательно, все, что мыслимо, было осуществлено и будет осуществлено».

Во всяком случае, мы можем с уверенностью сказать, как Бомарше в «Женитьбе Фигаро»:

«Старые безумства становятся мудростью, а старая ложь превращается в прекрасные маленькие истины».

Примечание E. Сохранение жизненности в отделенных от тела членах

Жизненность может иногда сохраняться в некоторых частях тела животных долгое время после того, как эти тела перестали быть *одушевленными*. (Ср. Жибье, «Анализ вещей», с. 228–230.)

Амбруаз Паре (кн. XVIII) говорит о трупе, который он набальзамировал и двадцать лет хранил без тления и у которого ногти отрастали очень длинными, хотя он их очень часто стриг.

В скорняжном деле *отрастающими* называют шкуры, кожа которых была выделана и в которых жизнь тем не менее сохраняется долгое время после смерти животного, проявляясь волосами, растущими *внутрь* кожи, так что нередко можно видеть шкуры, особенно сурков, опоссумов и бобров, покрытые волосом с обеих сторон кожи.

Но приводят и другие факты, гораздо более необыкновенные, случившиеся в наши дни, которые подтверждают истории, рассказанные писателями XVII века о возможном сохранении связи между телом и выделением или частью этого тела.

Первый был записан одним американским хирургом в Скалистых горах в 1881 году.

«Я осматривал с друзьями, — рассказывает этот хирург, — механическую лесопилку. Один из них поскользнулся, и его предплечье захватила круглая пила, которая его изувечила. Ампутация была необходима. Мы находились далеко от города. После ампутации отрезанную руку положили в ящик, наполненный древесными опилками, и зарыли. Немного времени спустя мой друг, уже хорошо поправлявшийся, стал жаловаться, что у него болит отсутствующая рука, прибавляя, что чувствует кисть полной опилок и что гвоздь ранит ему палец. Так как жалобы не прекращались и лишали его сна, окружающие стали опасаться за его рассудок, когда мне пришла мысль вернуться на место, где произошел несчастный случай, и, как ни странно это может показаться, откопав член, чтобы освободить его от опилок, я установил, что гвоздь из крышки ящика вонзился в палец. Это не все: раненый, находившийся за несколько миль оттуда, говорил своим друзьям: „Мне льют воду на руку, вынимают гвоздь, мне гораздо лучше“».

Г-н Лермина, у которого я заимствую этот случай, продолжает так («Практическая магия», с. 203):

«Почти такое же приключение случилось с неким Сэмюэлом Морганом, служащим при швейных машинах Зингера. После ампутации вследствие несчастного случая он жаловался на боли в плече и на судороги в отсутствующих пальцах. Тогда обнаружили, что ампутированный член был так сильно втиснут в ящичек, куда

его заключили, чтобы зарыть, что кисть была согнута и причиняла члену — будь он жив — ту самую боль, на которую жаловался раненый.

Достаточно, впрочем, расспросить интернов наших больниц, чтобы установить множество подобных фактов, которые всегда приписываются внушению воображения. Американцы, более смелые, попытались использовать эти наблюдения для лучшего излечения больного. Они не колеблясь объявляют, что физическая боль имеет длительный отзвук в духовной форме ампутированного члена. Гангрена, которая возникает после ампутаций, есть, по их мнению, следствие разложения отрезанного члена. Если сжечь этот член, опасность исчезает. Только так как больной страдает во время сожжения отделенного члена, как если бы тот был прикреплен к его телу, следует обезболивать его на время операции».

Я сделаю рассуждениям г-на Лермины тот же упрек, что почти всем, кто писал об этих вопросах: они дают понять, будто исключения, которые они приводят, составляют правило, так что, поскольку повседневный опыт не оправдывает их рассуждений, факты, на которые они опираются, хотя и действительные, считают ложными.

Аббат Анапье попытался в своей «Тератоскопии жизненного флюида», изданной в Париже в 1822 году, объяснить ощущение, которое ампутированный испытывает в отсутствующем члене.

«Нужно прежде всего, — говорит он (с. 84), — признать вместе с доктором Ришераном, что жизненный флюид, или, если угодно, начало жизни, одушевляет, то есть оживляет, каждую живую молекулу нашего тела, каждый орган, каждую систему органов. По этой бесспорной истине можно сказать, что у нас два тела: одно, составленное из грубой материи, и другое, составленное из

жизненного флюида, который оживляет, который образует тело из грубой материи. Это тело, составленное из жизненного флюида, ведет себя, говорит доктор Ришеран, как флюид; оно расходуется, восстанавливается, распределяется равномерно и непрерывно обновляется в теле из грубой материи, в котором идет постоянная его потеря. Не надо забывать, что лишь жизненный флюид передает мозгу все ощущения.

В предполагаемом случае ампутированной ноги флюид получает всегда то же видоизменение, тот же толчок, то же направление, что и до ампутации; следовательно, он должен направляться с тем же видоизменением, тем же толчком и тем же направлением в места, которые он занимал до ампутации, и, следовательно, в место, которое занимала ампутированная нога. Если, стало быть, человек, перенесший эту операцию, чувствует боль в ступне, то это жизненный флюид, находящийся в том месте, где ощущается боль, передает ее мозгу. Он вовсе не ошибается, потому что боль действительно существует в ступне из жизненного флюида, которая остается и после ампутации ступни из грубой материи.

Однако ступня из жизненного флюида, которая чувствует боль, когда атмосфера перегружена электричеством, не может испытывать тех же ощущений, что до ампутации:

1° Потому что в месте, которое она занимает, она уже не находится в той же пропорции и, следовательно, не обладает той же чувствительностью; она уже не одета эпидермисом, который препятствовал слишком большой ее потере в ампутированной ноге; поэтому нужно необыкновенное потрясение электрической атмосферы, чтобы заставить ее испытать болезненное ощущение, которое никогда не бывает так сильно, каким было бы, если бы нога не была ампутирована.

2° Человек, у которого нога ампутирована, не может испытывать тех же ощущений, что до ампутации, потому что он либо сосредоточивает внимание на утрате ноги, либо направляет внимание на какой-нибудь другой предмет: в первом случае размышление о том, что он лишен ноги, не позволяет ему испытать то же ощущение, что до ампутации; во втором случае ощущение, которое он мог бы действительно испытать, было бы погашено более живым ощущением, которое исключительно приковало бы его внимание.

3° Будь у меня больше опыта, я мог бы, быть может, привести много примеров людей, у которых были ампутированы члены и которые, совершенно забывая об ампутации, пользуются своей ногой из жизненного флюида так, как если бы ампутированная нога еще существовала, не задумываясь о том, что они ее лишены. Я знаю одну молодую особу, которой ампутировали бедро; несколько раз она стояла и делала несколько шагов на обеих ногах, то есть на неампутированной ноге и на ноге из жизненного флюида; обычно это бывало, когда она вставала с постели; ее мать, видевшая это, вынуждена была восклицать: *Ах, несчастная, на тебе нет деревянной ноги!* Один врач из моих друзей уверял меня, что видел офицера, у которого было ампутировано бедро: тот дошел до середины комнаты, не заметив, что на нем нет деревянной ноги, и остановился лишь тогда, когда спохватился; тут нога из жизненного флюида уже не имела силы поддерживать тяжесть его тела.

Удивятся, без сомнения, видя, что нога из жизненного флюида, это вещество невидимое, неосязаемое, невесомое, поддерживает тяжесть тела; но следовало бы гораздо больше удивляться, видя, что нога из плоти, из грубой материи, поддерживает ту же тяжесть. Ответят, без сомнения, что нога из плоти оживлена и что

жизнь дает ей силу, необходимую, чтобы поддерживать все тело. Но я в свою очередь отвечу, что именно жизненный флюид дает жизнь и силу этой ноге из плоти и что жизненный флюид не теряет своей силы оттого, что отделен от ноги из плоти, особенно когда он направляем волей души или каким-нибудь другим агентом, который в некотором роде заменяет волю.

Я не могу лучше выразить свою мысль, как сравнив действие жизненного флюида в случае ампутированной ноги с фонтаном.

Когда хотят иметь воду вволю во втором этаже дома, сначала устраивают резервуар на высоте этого этажа, откуда идет спускная труба и подъемная труба, которая подает воду на тот же уровень, что и резервуар, в квартиру, где хотят ее получать. Если сделать ампутацию, или, вернее, если убрать подъемную трубу, вода из резервуара поднимется почти не ниже, чем поднималась по той подъемной трубе, которую убрали; труба не давала никакой силы воде, которую содержала; она служила лишь тому, чтобы направлять ее надлежащим образом и распоряжаться ею по желанию. Так же и ампутация члена, содержавшего жизненный флюид, нисколько не мешает тому повиноваться толчку, который он получал из резервуара, откуда исходил; нога служила лишь тому, чтобы направлять его надлежащим образом и распоряжаться им по намерению воли. В первом предположении удаление подъемной трубы производит струю воды; во втором ампутация члена производит струю жизненного флюида. В том и другом предположении оба флюида испытывают тот же толчок и следуют тому же направлению, что и до ампутации».

Примечание F. Истечения органов чувств по учению древних

По Фалесу и его ученикам, зрение производится бесчисленным множеством лучей, которые, выбрасываемые глазом, идут, словно столько же невидимых рук, ощупывать и схватывать воспринимаемые предметы.

Пифагор и его ученики допускали, напротив, что светящиеся предметы испускают по прямой линии и во все стороны бесчисленное множество образов; эти образы, которые назывались *идолами, симулякрами, подобиями, истечениями*, — словно пленки, снятые с самой поверхности тела, и производят явление зрения, когда ударяют в глаза.

Платон соединяет обе гипотезы и полагает, что зрение происходит от колебаний, производимых встречей эфирных истечений, испускаемых светящимися телами, с истечениями той же природы, которые выходят из глаза.

В своих «Застольных беседах» (кн. V, вопр. 7) Плутарх так передает объяснение, которое Демокрит давал *дурному глазу*, или *сглазу*.

«Этот философ говорит, что из глаз завистливых колдунов выходят образы, и притом не без некоторого чувства и некоторой склонности, но исполненные зависти и злобы тех, кто бросает их от себя, и, приходя с нею прилепиться, пристать и задержаться у тех, кому так позавидовали, они возмущают и оскорбляют их тело, и душу, и разум».

. . . . . .

«Но что человек бывает поврежден оттого лишь, что на него посмотрели, — это, как мы уже сказали, бывает; но так как причину этого трудно найти, этому отказывают в вере (*этому не верят*); и все же, говорю я, сдается, что ты на верном пути и нашел

след, коснувшись истечения, которое совершается из тел. Ибо и запах, и голос, и речь, и дыхание суть истечения и стоки, выходящие из тел животных, и частицы, которые возбуждают природные чувства, и те, кто их воспринимает, от них изменяются и бывают задеты. И еще правдоподобнее, что такие истечения исходят из тел животных от тепла и движения, когда они разгорячены и взволнованы, и жизненные духи получают от этого учащение пульса и более скорое биение, отчего тело, будучи возбуждено и потрясено, непрерывно выбрасывает из себя какие-то истечения; и есть видимость, что это совершается через глаза не меньше, чем каким-либо другим путем. Ибо зрение, будучи чувством весьма легким и подвижным, распространяет удивительную воспламененную силу, когда им правит дух, так что человек посредством оного зрения производит и претерпевает многие заметные действия и получает от вещей, которые видит, удовольствия и неудовольствия немалые. Любовь, одна из величайших и самых пылких страстей души, берет свой исток и начало в зрении, так что тот, кто охвачен любовью, тает и изливается весь, глядя на красоту тех, кого любит, как если бы он входил в них. Посему можно было бы с основанием удивляться, как есть люди, которые признают, что человек может страдать и получать вред через зрение, и находят странным, чтобы он причинял зло и вредил тем же зрением. Ибо взгляд людей, находящихся в цвете красоты, и то, что выходит из их глаз, будь то свет или истечение духов, растапливает влюбленных и истощает их с не знаю каким сладострастием, смешанным с болью, которое они называют горько-сладким. Ибо они не бывают так ранены и изъязвлены ни слушанием, ни касанием, как тем, что смотрят и на них смотрят, — столь глубокое проникновение и великое воспламенение совершается через зрение; так что мне кажется,

что никогда не чувствовали и не испытали, что такое любовь, те, кто дивится вавилонской нефти, которая загорается, лишь только ей покажут огонь издалека; ибо глаза прекрасных созданий зажигают огонь в душах и в недрах влюбленных, хотя бы те смотрели на них лишь очень издалека».

Епископ Гелиодор, живший в IV веке нашей эры в Фессалии, составил роман под заглавием «Эфиопика», в котором дает подробности о жизни египтян.

В нем видим девушку, заболевшую оттого, что ее поразил дурной глаз. Друг объясняет, «что из каждого из нас выделяются неосязаемые атомы, которые распространяются по воздуху, так что в многолюдном собрании людей есть такие, что носятся со всех сторон, неся в себе силу осуществлять желания тех, кем они испущены».

В порядке, которому некогда следовали в отношении прокаженных, среди запретов, налагавшихся на них, чтобы избежать заразы, есть и такой:

«Не будешь глядеться и смотреть в колодцы, источники или озера, способные принять или отразить твое изображение».

Заметим, что здесь указаны именно стоячие воды, наиболее способные заряжаться чувствительностью.

Примечание G. Мозговое излучение

Речь, произнесенная 1 марта 1892 года в отделении электричества Института Франклина г-ном Эдвином Хьюстоном.

Я подумал, что публике будет небезынтересно рассмотреть здесь почти неслыханные исследования, которым я предавался в последние годы, но которые до сих пор не хотел публиковать. Следуя мысли, которую подсказал мне один друг, я постарался

установить некоторое соотношение между явлениями мысли и физическими явлениями более вещественными. Хотя сведения, которые я могу дать в подкрепление гипотезы о механизме мозговых процессов, признаюсь, неполны и, быть может, недоказуемы, я тем не менее решился изложить их публично в мысли, что они, быть может, заинтересуют ученый мир.

Я, разумеется, не забываю, что психические процессы мозга до сих пор не поддавались никакому объяснению. Обычно убеждены, что седалище психической деятельности — мозг. Однако способ, каким этот орган действует, чтобы производить, сохранять и воспроизводить мысль, неизвестен и, вероятно, останется таким всегда.

Исходя из одного лишь того соображения, что мозговой процесс, или мысль, каков бы ни был его точный механизм, сопровождается молекулярными или атомными колебаниями серого вещества или какого-либо другого вещества той части мозга, которую называют мозговым веществом, я позволю себе предложить следующую гипотезу, чтобы дать отчет о *телепатии* (действии на расстоянии), месмеризме, передаче мысли, гипнотизме и других смежных явлениях.

Попросив вас уступить мне в качестве «постулата» существование всемирного эфира, которое ныне принято всеми учеными, и принимая во внимание, что этот эфир проходит сквозь материю, даже самую плотную, так же легко, как вода проходит сквозь решето, получаем, что атомы или молекулы мозга, которые суть причина мозгового процесса, полностью погружены в эфир. А так как эфир — среда высокой упругости и очень подвижная, то мысль, или мозговой процесс, если она сопровождается колебаниями, необходимо должна порождать в лоне эфира волнообразные движения, имеющие средоточием атомы или

молекулы мозга. Иными словами, акт мысли, или мозговой процесс, требует затраты энергии, потому что он необходимо предполагает приведение в движение тех атомных или молекулярных частиц мозга, существование которых мы допустили.

Точная природа движений, которые, по предположению, сопровождают деятельное состояние мозга, необходимо должна оставаться неизвестной, пока мы не знаем точной природы механизма, который приводится в движение. Но если мозг в деятельности развивает энергию, потому что нечто приводится в движение, то естественно следует, что мозг, совершенно освобожденный от производства мысли, должен находиться в покое в том, что касается этого рода движения. Полное освобождение от мышления в здоровом мозгу есть, весьма вероятно, состояние, которое встречается редко. Напротив, относительный покой должен быть очень обычен.

Из той легкости, с какой эта любопытная функция мозга, называемая памятью, позволяет ему без труда припоминать прошлые подробности, по-видимому, следует, что клетки серого или иного вещества мозга, участвующие в производстве мысли, могут быть приведены к тому, чтобы вступать в некоторые группировки или в некоторые отношения одни с другими. Благодаря постоянному повторению известных порядков мыслей, как при изучении или при повторных наблюдениях, частные движения, необходимые для воспроизведения этой мысли, получают, вероятно, складку, или наклонность образовывать более или менее постоянные группировки. Таким образом, когда мозг приводится в движение и, некоторым образом, звучит от удара, как инструмент, эти движения воспроизводятся и некоторые воспоминания пробуждаются.

Как могут производиться эти движения? Верный ответ, по-видимому, тот, что они проявляются под двойным влиянием — изнутри и извне. Вполне может быть, что прилив крови к мозгу в деятельности, который, как хорошо известно, сопровождает всякий деятельный мозговой процесс, предназначен не только питать и восстанавливать этот орган, но также доставлять ему чисто механическую силу, которой остается лишь действовать на этот так чудесно настроенный инструмент, чтобы пробуждать мысли, отпечаток которых он уже получил, или чтобы давать судить о новых сочетаниях, которые прежде ему никогда не представлялись.

Я предложу позже объяснение того, как эти впечатления, быть может, возбуждаются извне.

Каково бы ни было происхождение этих колебаний и каким бы образом они ни возбуждались, для их производства нужна затрата силы, и, как охотно признает всякий мыслящий человек, эта затрата силы влечет часто значительное нервное усилие.

Мозговая энергия, или энергия, затраченная, как мы только что сказали, на производство мысли, рассеивается, когда окружающему эфиру сообщаются волнообразные движения, и эти движения распространяются во всех направлениях, исходя из мозга, например через глаза.

Без сомнения, нет абсолютных доказательств существования молекулярных или атомных колебаний частиц мозга, которые я допустил. Однако это движение не невероятно, и даже некоторые факты, известные врачам, далеко не расходятся с этой гипотезой. Мозг, чтобы работать нормально, должен испытывать известное давление, обусловленное давлением крови. Когда это давление возрастает сверх известного предела, как, например, в случаях перелома черепа, когда часть кости вдавилась через перелом так,

что сдавливает мозговое вещество, всякая мысль или работа тотчас прекращается. Но когда это давление снимают трепанацией, мозговая работа не только возобновляется, но, что довольно любопытно, обычно продолжается с того места, где больной оставил ее в минуту несчастного случая.

Предположим, стало быть, что мозговые излучения, или волны, испускаются всяким мозгом, одаренным чувством или находящимся в деятельности, и что эти волны проходят в пространство, окружающее мозг, почти так же, как волны, которые сообщаются воздуху вокруг камертона.

Мозговые излучения не так вещественно уловимы, как излучения звука. Длины их волн, конечно, гораздо меньше. Они сообщаются всемирному эфиру.

Если эти волны, которые я назову мозговыми волнами, находятся в эфире, наполняющем все пространство, интересно будет исследовать, каких явлений можно от них ожидать.

Если допустить, что эти колебания производятся в самом лоне эфира, бесполезно ставить под сомнение, равно как и обсуждать, их общую природу. Можно предположить, что они входят в класс поперечных колебаний, которые встречаются в эфире при явлениях тепла, света, магнетизма и электричества.

Мозг в деятельности может, следовательно, рассматриваться как располагающий окружающий эфир мозговыми волнами, которые расходятся от него во все стороны. С этой точки зрения он довольно близко напоминает проводник, по которому проходит колебательный разряд, производя волны, которые, как так великолепно доказал Герц, сходны с колебаниями, производящими свет.

Таким образом, если допустить, что мозговые излучения сходны по природе с излучениями тепловыми, световыми,

электрическими или магнитными, следующее объяснение телепатии, или передачи мысли, вовсе не невероятно, чтобы не сказать больше.

Я думаю, что могу объяснить возможность передачи особых мозговых колебаний от мозга деятельного мозгу пассивному, или приемнику, простым действием того, что известно в науке под именем *симпатических колебаний*.

Рассмотрим, например, случай колеблющегося камертона, который испускает свои звуковые волны сквозь пространство и удален от второго камертона, сначала находящегося в покое, но настроенного так, чтобы колебаться точно в унисон с первым. Как известно, камертон-приемник мало-помалу приходит в колебание. Энергия камертона-передатчика сообщается сквозь пространство посредством пульсаций, или волн, производимых в окружающей атмосфере, и явление может происходить, несмотря на относительно значительное расстояние между приборами.

Возьмите еще случай симпатических колебаний, возбуждаемых световыми волнами. Солнечная энергия излучается, или передается сквозь пространство, лежащее между небом и землей, волнами, или колебаниями светоносного эфира. Эти волны, падая на лист нежного строения, подвергаются своего рода отбору, ибо некоторые длины волн поглощаются, а другие отбрасываются. Поглощенные волны возбуждают, или производят, симпатические колебания в молекулах углекислоты, содержащейся в листе, и вызывают тем самым колебательные движения углерода и кислорода, движения, амплитуда или энергия которых растет до той минуты, когда их химическое сродство, или атомное притяжение, оказывается превзойдено и происходит разложение. Кислород тогда выбрасывается из листа в атмосферу, а углерод удерживается в органах растения.

Вот еще случай, самый интересный, — то, что Герц называет электрическим резонансом. Ныне электрики общепризнают, что проводник, в котором происходит колебательный электрический разряд, бросает в окружающее пространство электрические волны, или колебания, движущиеся с той же скоростью, что и свет, и той же природы, что и он. Если эти электрические волны встречают цепь, настроенную по отношению к их периоду колебания так, чтобы быть способной колебаться синхронно с ними, они порождают в ней электрические колебания, имеющие в точности ту же природу, что и колебания возбуждающей цепи.

Ввиду этих фактов мне не кажется невероятным, что мозг, поглощенный напряженной мыслью, может действовать как средоточие мозговых излучений и что излучения, бросаемые во все стороны этим мозгом, могут влиять на другие мозги, на которые они падают, при условии, разумеется, что эти последние настроены так, чтобы колебаться в унисон. В случаях этого рода поглощение энергии мозгом-приемником может быть либо избирательным поглощением, вследствие которого обычный ход мыслей лишь видоизменяется, либо полным поглощением, и в этом случае мозг-возбудитель вызывает в мозгу-приемнике точное воспроизведение своих собственных мыслей.

Такая гипотеза далеко не невероятна. Напротив, она, по-видимому, подкрепляется множеством любопытных фактов, между которыми лишь общая гипотеза может установить соотношение.

Если эта гипотеза верна, из нее следует, что эти мозговые колебания, или излучения, должны проходить пространство в точности с той же скоростью, что и свет, при единственном условии, что мозговые колебания того же порядка. Разумеется, это равенство скоростей распространения верно лишь для

свободного эфира. В эфире, который наполняет межмолекулярные пространства грубой материи, или, по техническому названию, в связанном эфире, скорость распространения волн меняется в зависимости от особого характера материи, с которой он связан. Замедление, или уменьшение скорости мозговых волн, бесспорно, происходило бы при их прохождении через вещества, составляющие череп и голову.

Если мысль перемещается в эфире волнообразным движением, подобным движению света, она в состоянии распространяться во всех направлениях, по которым в эфире могут следовать световые лучи.

Один хорошо известный опыт в гипнотизме, по-видимому, довольно благоприятен для гипотезы мозгового излучения: тот, при котором, после того как больного привели в состояние полубессознательности или полной бессознательности, его мозг приводится в состояние более или менее выраженной деятельности внушениями лица, которое гипнотизирует[6].

[6] Эта фраза темна; по-видимому, автор намекает на теории д-ра Охоровича о мысленном внушении, которое будто бы совершается лишь тогда, когда испытуемый-приемник находится в состоянии *аидеи*, то есть без собственных мыслей.

Было бы интересно по поводу внушений этого рода установить, может ли гипнотизер, помещенный так, чтобы свет, падающий на его глаза, шел затем ударять в глаза больного, заметить, легче ли воспринимаются мозгом загипнотизированного действия внушения при посредстве световых лучей или без него.

Если предшествующие умозрения сочтут странными, — а я уже признал, что они таковы, — то что же можно будет сказать о том, что последует?

Если мозговые излучения сходны по природе с волнами эфира, можно, следовательно, предположить, что для них существуют явления, соответствующие явлениям теплового, светового, электрического или магнитного излучения. И даже покажется возможным, что в них происходят явления отражения, преломления и, быть может, даже дисперсии этих волн[7]. С этой точки зрения интересно вообразить разложение полной волны мысли на ее элементарные волны способом, соответствующим разложению пучка света в призме.

---

[7] В «Космосе» от 27 августа 1892 года г-н Л. Ревершон отмечает факт *выведения памяти вовне*; напомнив мои наблюдения над выведением чувствительности вовне, он прибавляет:

«Это поистине необыкновенно; однако мы каждый день присутствуем при вещах, которые почти столь же необыкновенны и которые, однако, нас нисколько не удивляют, потому что мы привыкли не обращать на них внимания. Вот одна из них, которую многие смогут проверить и которая должна быть очень обычной.

Мне часто случается переходить с одного этажа на другой, чтобы найти недостающую мне справку, и не раз со мной бывало, что, придя на место, я забывал, зачем пришел. Так вот, обычно мне стоит лишь пройти в обратном направлении *часть пути*, который я только что проделал, чтобы вспомнить то, что я искал.

Принимая во внимание: 1° что предметы, мимо которых я прохожу, мне совершенно и в одинаковой степени привычны; 2° что мне нет надобности возвращаться до исходной точки и что нет точных следов, которые снова навели бы меня на путь; 3° что мне приходится проделать то больший, то меньший путь, чтобы прийти к тому же результату, — я считаю, что могу логически заключить, что *действительно есть выведение памяти вовне в той или иной точке пространства* и что прохождение через точку выведения, какова бы она ни была, может привести к *восстановлению выведенной вовне памяти*.

Рассеянность производит, таким образом, выведение вовне, как произвел бы его гипнотический сон, и можно без труда представить себе, что энергичная воля, умножая силу явления, способна перенести его в другое место».

Если излучения, или волны мысли, сходны по природе со светом, можно провидеть на далеких горизонтах науки возможность получить, например посредством линзы, их фотографическое изображение на надлежащим образом сделанной чувствительной пластинке, почти по способу обыкновенного фотографического воспроизведения. Эта запись мысли, употребленная надлежащим образом, была бы, быть может, в состоянии пробудить в более позднее время в мозгу человека, который подчинился бы ее влиянию, мысли, тождественные тем, которые были бы сфотографированы[8].

[8] Не следует ли видеть первое осуществление этой гипотезы в следующем факте, который несколько лет назад опубликовал д-р Пинель (улица Годо-де-Моруа, 7) и который я не имел случая проверить сам?

«Гипнотическое явление несомненное, ибо мы сами его производили, — это фотографирование при помощи электрического офтальмоскопа, снабженного чувствительной пластинкой, образа, внушенного загипнотизированному испытуемому. Действие, естественно, мгновенно, как и фотографическое явление на бромжелатиновом слое.

В тот самый миг, когда дается внушение, испытуемый смутно видит превосходно нарисованный образ предмета, который ему называют: лошадь, змею, птицу и т. д. А мозговые клетки, пораженные произнесенным словом, отсылают образ, или рисунок предмета или животного, на сетчатку. Этот образ отражается на задней поверхности хрусталика, в камере глаза, и мнимым действием увеличивается, выводясь вовне, как в обыкновенной лупе. Это явление происходит при всех регрессивных галлюцинациях у некоторых больных; это — аберрации зрения, как существуют также аберрации слуха, обоняния и всех чувств».

Я не скрываю от себя, насколько мало вероятно, что запись этого рода может быть получена в близком будущем, ни чрезмерных трудностей, которые, по-видимому, препятствуют тому, чтобы она когда-либо вообще была достигнута.

Пока мы не будем знать ничего более точного о природе этих гипотетически допущенных мозговых колебаний и об их длинах,

мы будем неизбежно и серьезно затруднены в выборе наилучшего способа закрепить их постоянным образом. Я предлагаю эту мысль просто как пример того, что наука держит в запасе для тех, кто придет после нас. Позволю себе заметить по этому поводу, что сто лет назад, вероятно, столь же невозможным считалось бы передавать телефоном или воспроизводить фонографом членораздельную речь.

Эта запись мысли, если бы ее удалось получить, не была бы изображением самой мысли, ни особых группировок частиц, переменные движения которых сопровождают или производят мысль, — не более чем след записывающего фонографа образует изображение произнесенных слов. Она представляла бы чисто и просто волнообразные движения эфира, приведенного в движение мозговыми процессами.

Глаз, который смотрел бы на изображение этого рода, не получил бы от него никакого впечатления; одно лишь мозговое вещество могло бы поддаться его влиянию и настроиться в унисон с полученным возбуждением.

Я часто забавлялся тем, что рисовал, какой могла бы быть машина, способная записывать мысли деятельного мозга на чувствительную пленку, помещенную в фокусе сильной линзы перед человеком, погруженным в глубокое размышление.

Если бы затем вращали эту пленку, как цилиндр фонографа, с той же скоростью, с какой она подвергалась воздействию, и при условиях освещения, тождественных условиям съемки, воспроизведенные таким образом колебания возбуждали бы в пассивном мозгу мысли, тождественные мыслям лица, избранного для опыта.

Мне нет нужды говорить, что машина этого рода никогда не была построена и что она еще в области неосуществленного, как,

впрочем, и умозрения, которые я имел честь вам представить. Более того, столько вероятностей против ее устройства, что я колебался, упоминать ли о ней.

Несколько пробных опытов можно было бы произвести подобным образом в области передачи мысли, помещая большие линзы перед глазами гипнотизера на надлежащем расстоянии, чтобы свести мозговые излучения на глаза загипнотизированного испытуемого. Эти опыты можно было бы попробовать как при содействии световых лучей, так и без него.

Одно из самых серьезных возражений против моей гипотезы мозговых излучений — сама редкость явлений телепатии и передачи мысли. Позволю себе заметить, что эта относительная редкость объясняется, быть может, присутствием в человеческом теле своего рода экрана, который защищает мозг или нервные центры от действия мозговых излучений. Не невозможно, что оболочки нервов служат экранами, которые мешают мозгу получать мозговые излучения.

Г-н профессор Тиндаль в своей книге о звуке напоминает тот хорошо известный факт, что в случае симпатического колебания двух камертонов энергия камертона-передатчика расходуется быстрее, чем когда он не вызывает колебания камертона-приемника.

Сходное явление можно было бы наблюдать в случае передачи мысли.

Я часто испытывал, как профессор, чувство значительного истощения, когда экзаменовал своих учеников.

Причиной этой усталости было, быть может, быстрое рассеяние энергии вследствие поглощения моих мозговых излучений мозгами экзаменуемых. Врачи говорили мне, что

испытывают большую усталость при лечении некоторых болезней, когда их внимание бывает особенно напряжено.

Если есть что-то верное в гипотезе, которую я только что очертил в немногих словах, то было бы также и то, что я назвал бы своего рода жизненным излучением, которое производится и распространяется вне тела здорового человека и которое может вызывать по симпатии в телах людей более слабых или больных колебания нормального или более здорового типа.

Если это так, древняя вера в действенность возложения рук или в исцеления магнетизмом нашла бы некоторое подтверждение помимо той причины, которая объясняет большинство этих фактов, — я хочу сказать, истерии.

Я высказал предшествующую гипотезу мозговых излучений с большим сомнением и колебанием и просто как приглашение тем, кто работает в области телепатии или передачи мысли. Я надеюсь таким образом привлечь их внимание к некоторым явлениям, объяснение которых до сих пор ускользает от науки.

Примечание Н. Заряжание чувствительностью разных веществ

(Выписки из моего дневника опытов)

1° Вода

14 декабря 1891 г. — В субботу 12 декабря, до полудня, я сильно магнетизировал руку и кисть Альбера и Беатрисы, которые оба обладают свойством выводить чувствительность вовне. Когда выведение вовне было произведено, я поднес к истечениям каждого из них отдельный стакан воды, чтобы зарядить его их чувствительностью. Затем я налил по нескольку капель из

каждого стакана в третий стакан; оба испытуемых одновременно ощутили своего рода очень сильный электрический удар. Наконец, я выплеснул содержимое обоих стаканов на землю во дворе, примерно в одно и то же место, что не произвело на испытуемых никакого действия.

Сегодня, в понедельник, Альбер говорит мне, что тотчас после сеанса у Беатрисы и у него начались колики, длившиеся всю вторую половину дня в субботу. Боли держались до сегодняшнего утра в виде тянущих ощущений в желудке и в членах; сегодня у них остались лишь вялость и ломота.

3 января 1892 г. — Я заряжаю чувствительностью стакан, полный воды, поставив его между руками г-жи Викс, доведенной до состояния связи и с выведенной вовне чувствительностью. Чувствительность переносится вместе со стаканом на несколько метров, но убывает с расстоянием.

Склянки с разными веществами, погруженные в воду, дают ощущения неприятные, но смутные.

Капля заряженной воды, брошенная в огонь, причиняет ей ощущение ожога в каждой руке.

Глоток заряженной воды, выпитый мной, вызывает у нее сильное раздражение в горле.

Я ее пробуждаю и после некоторого отдыха, возобновляя опыты, онемляю ее правую руку продолжительным изономным действием и привожу ее глаза в состояние повышенной возбудимости, чтобы она могла видеть истечения. Тогда она видит, что правая рука утратила всякое флюидическое излучение, тогда как левая рука сохранила свое свечение и на коже, и на кончиках пальцев. Когда я брызгаю несколько капель заряженной воды на ее правую руку, кожа в смоченных местах снова

становится светящейся и чувствительной; так я нарисовал на ее руке крест, круг и т. д.

15 января 1892 г. — Я пробую впервые г-жу Робер, очень чувствительную, но которую развивали главным образом в сторону ясновидения. — С первых же состояний ее чувствительность выводится вовне, но вне тела она возрастает и убывает по довольно запутанному закону; наибольшая чувствительность находится примерно в десяти сантиметрах от кожи; она ощущает ладони своих рук так, как если бы они соприкасались, когда они находятся сантиметрах в двадцати одна от другой; это ее очень удивляет, потому что она никогда не слыхала о подобных опытах.

Я заряжаю чувствительностью стакан воды, и она еще ощущает мои прикосновения к этому стакану, когда он удален от нее метров на восемь и стоит в соседней комнате, тогда как ее чувствительные слои простираются вокруг нее лишь на 3 или 4 метра. Так она смогла сосчитать, сколько раз я опускал палец в стакан, хотя меня не видела. Когда я погружал в воду флаконы с духами, она воспринимала лишь прикосновение флаконов.

14 февраля 1892 г. — Г-жа Викс глубоко усыплена; я заряжаю чувствительностью стакан воды. Она страдает, когда я выпиваю из него каплю; ее бьет озноб. Я привожу ее в себя, дав ей выпить всю воду, которая зарядилась ее истечениями.

Даже пробужденная, она испытывает ощущения, когда я касаюсь тех немногих капель, которые остались на дне стакана.

24 февраля 1892 г. — Мадемуазель Андре, усыпленная г-ном Рейбо, который приводит меня в связь с ней, зарядила своими истечениями стакан воды; я выпиваю из него несколько капель: она выказывает сильное страдание. Каждый раз, когда она видит потом, что кто-нибудь из присутствующих делает вид, будто хочет

выпить эту воду, она бросается на него, чтобы вырвать стакан у него из рук.

5 апреля 1892 г. — Г-жа Люкс усыплена мной; я велю ей зарядить чувствительностью кастрюлю, полную воды, затем прошу постороннего поставить эту кастрюлю на огонь: через некоторое время г-жа Люкс испытывает ощущение тепла, хотя почти нечувствительна к щипкам, которые этот посторонний делает по ее чувствительным слоям.

24 июля 1892 г. — Я глубоко усыпляю г-жу Люкс; я велю ей опустить руку и кисть в таз. Через некоторое время вода кажется ей теплой; она живо ощущает, когда я касаюсь воды, даже после того как вынула из нее руки; она испытывает смутное ощущение, когда я мну полотенце, которым она вытерла руку.

Когда я качаю таз и вода колышется, ее начинает мутить, как если бы она была на корабле.

В первые мгновения после того, как она вынула руку из воды, если я брал каплю этой воды на кончик пальца позади нее и касался затем какой-нибудь части своего тела, она ощущала мое прикосновение в соответствующей части своего собственного тела; через довольно короткое время эта определенность места исчезла, осталось лишь смутное ощущение касания.

19 июля 1892 г. (больница Шарите). — Зарядив истечениями одного больного подковообразный магнит по методу д-ра Люиса, я опускаю оба полюса этого магнита в два разных стакана. Эти стаканы приобретают для испытуемых разный вкус: приятный у полюса, который они видят синим, и неприятный у полюса, который они видят красным. Кроме того, магнит утратил свои переносящие свойства, то есть, положенный на голову испытуемого, он уже не производит у этого испытуемого

душевного состояния того больного, истечения которого он поглотил.

Ср. — В недавней статье, опубликованной берлинским «Будущим» (Zukunft) под заглавием «Симпатические исцеления», д-р Карл дю Прель пишет:

«Любопытно заметить, что многие сомнамбулы говорят о своей связи со своим магнетизером так же, как последователи Парацельса говорят о мумии, и что они приписывают этой связи действие на организм. Одна из сомнамбул д-ра Кернера сказала ему (Кернер, «История двух сомнамбул», 121, 132, 138): „Я знаю также средство, благодаря которому мои волосы, которые я только что потеряла, снова отрастут: ты должен положить три пряди твоих волос в стакан воды; я буду каждое утро мыть голову этой водой, и мои волосы отрастут“. Применяя это средство, Кернер, к великому своему удивлению, заметил, что часть волос сомнамбулы приняла необыкновенный цвет, а именно цвет его собственных волос, и сообщил ей об этом наблюдении. Она ответила ему, что знала это, когда просила у него средство. Она велела дать себе еще четыре пряди волос Кернера и положила их в ту же воду. Ее волосы становились все гуще и гуще и приняли совершенно цвет и жесткость волос Кернера.

Когда часть воды, которой она пользовалась, по недосмотру была вылита на печь, у нее сделалась страшная головная боль, прекратившаяся лишь тогда, когда вся вода испарилась. Кернер напоминает по этому поводу народное поверье, по которому волосы никогда не следует выбрасывать, а нужно сжигать, чтобы ими нельзя было воспользоваться для магических воздействий, и что, кроме того, если птицы употребят эти волосы для постройки своих гнезд, люди, которым они принадлежали, страдают головной болью, пока эти птицы высиживают птенцов».

В книге, вышедшей совсем недавно («Магнетическое лечение»), г-н Бюэ напоминает опыты, которые показывают, что вода может поглощать не только истечения магнетизируемого с выведенной вовне чувствительностью, но и истечения магнетизера.

«Чтобы в этом убедиться, — говорит он, — я часто повторял на сомнамбулах следующий опыт: я подавал им сначала стакан, наполненный чистой водой, и спрашивал их: „Что вы видите?“ Удивленные моим вопросом, они обычно отвечали мне тоном явного безразличия: „Что ж! Это стакан, а в нем вода“. Отойдя в сторону, я делал несколько пассов над водой и над стаканом и снова подавал его им, повторяя свой вопрос. Редко тогда бывало, чтобы мой испытуемый сам собой не выказал удивления, восклицая: „Ах, как это красиво! Как блестит! Точно светящаяся вода…“

Если затем я передавал стакан присутствующим, прося их по очереди его магнетизировать, испытуемый, которого просили высказаться о состоянии воды, очень хорошо различал столько слоев разных оттенков, сколько было операторов, как если бы каждый из нас поочередно накопил в этой воде излучения разных качеств, которые наложились одно на другое, не смешиваясь».

2° Кровь

Я не делал над кровью никакого другого опыта, кроме того, о котором упомянуто в главе IV; но все древние писатели, занимавшиеся этим вопросом, считали ее веществом, наиболее богатым жизненным духом или, если употребить слово, которым я пользовался до сих пор, чувствительностью.

«Вот почему, — говорит Карл дю Прель («Симпатические исцеления»), — старались действовать непосредственно на нее,

чтобы излечивать нарывы, раны, кровотечения. После кровопускания, например, обычно зарывали кровь в землю, прибавив к ней целебных трав. Это соответствует тому, что говорит одна сомнамбула: „Когда мне пускают кровь, я чувствую, как меня покидает большое количество магнетической силы; человек, очень восприимчивый к магнетическим влияниям, легко уснул бы, вдыхая пар, который поднимается от крови, выходящей из вен“. (Дю Поте, «Журнал магнетизма», VIII, 172.)

Рейхенбах приходит к тому же заключению; он говорит о крови, насыщенной одом: „Несколько раз я поднимал руки вверх перед мадемуазель Цинкель, и она, по мере того как кровь опускалась, очень хорошо видела, как мои руки бледнеют и теряют свой свет. Когда я их опускал, она видела, как они снова становятся светящимися, лишь только кровь приливала к кончикам пальцев. Я повторил этот опыт с мадемуазель Цинкель несколько лет спустя. Сначала я показал ей свои кисти и руки, вытянутые горизонтально, затем поднял их вертикально, и тотчас она увидела, что они стали темнее. Вытянутые горизонтально, они снова стали светлее, а когда я их совсем опустил, она тотчас увидела их совершенно светящимися. Одический свет, стало быть, менялся в зависимости от количества крови, которое содержали вены“. («Сенситивный человек», I, 766; II, 74.)

Это объясняет, каким образом кровь, столь богатая одом, может быть так же действенна в качестве мумии. Но для симпатических исцелений можно употреблять и другие мумиальные вещества.

Вирдиг («Nova medicina spirituum», II, R. 27) говорит: „Я называю мумией и считаю носителем пересадки всякое вещество, пропитанное жизненным духом“. Он тоже называет в первую очередь кровь, но упоминает еще всякое отделение или

выделение тела: мочу, пот, молоко, волосы, ногти, которые, будучи отделены от тела, сохраняют на некоторое время частицу жизненного духа.

Он называет также дыхание и слюну, которые, как мы видим, играют столь большую роль в исцелениях животным магнетизмом, а также в чудесных исцелениях Ветхого и Нового Завета».

3° Животные

27 июня 1892 г. — У г-жи Люкс теперь есть котенок. Пока она была усыплена магнетически, я положил этого котенка на нее и погладил его. Этим я вызвал у нее такое раздражение нервов, что она кусала себе кулаки, и мне пришлось перестать.

Когда она проснулась, я беседовал с ней о разных пустяках; вдруг она поморщилась и сказала, что у нее во рту вкус мяса, который ей противен, потому что она только что пообедала и выпила кофе. Я установил, что в эту самую минуту котенок, которого она не видела, был позади нее, под столом, и ел мясо, которое ему приготовили.

Она рассказала мне, что этот котенок, спавший на ее кровати, иногда ночью отправлялся точить когти о занавески на окне, что тогда она чувствовала раздражение в собственных ногтях и могла прекратить его, лишь встав и прогнав котенка.

У г-жи Фор есть собачка, которую она почти постоянно держит на себе, даже во время моих опытов; когда ее чувствительность выведена вовне и она зарядила собачку своей чувствительностью, она не только испытывает все, что я заставляю претерпевать собачку, но утверждает даже, что ощущает ее чувства и следит за ее мыслями, которые будто бы сходны с мыслями человека, но гораздо менее отчетливы.

Если бы это было верно, можно было бы таким путем приступить к изучению психологии животных.

4° Растения

18 марта 1892 г. — Я ставлю горшок гиацинтов на колени г-же Люкс, когда она находится в глубоких состояниях. Цветок заряжается ее чувствительностью; г-жа Люкс, пробужденная, ощущает прикосновения, дуновение, действующие на цветок, удаленный от нее на несколько шагов, и ощущает их на коленях.

29 марта 1892 г. — Я заряжаю цветок чувствительностью г-жи Люкс, выведенной вовне; цветок обнаруживает чувствительный слой, своего рода ореол за пределами своих лепестков. Щипки по ореолу г-жа Люкс ощущает живее, чем щипки по самому цветку.

28 июня 1892 г. — Г-жа Люкс купила мимозу стыдливую, очень чувствительную; ее принесли ей сегодня же. Она говорит, что при ее приближении мимоза закрылась.

Когда она приближает руки к растению, их сильно притягивает.

Я усыпляю г-жу Люкс; ставлю мимозу рядом с ней, между ее руками, чтобы зарядить ее чувствительностью.

Когда растение заряжено, г-жа Люкс, все еще усыпленная и находящаяся в 1 метре, ощущает щипки, когда я щиплю воздух в 2 или 3 сантиметрах от растения. Оно, впрочем, по-видимому, окружено, как человеческое существо, слоями, попеременно чувствительными и нечувствительными, на несколько дециметров.

Когда я касаюсь растения и тем заставляю его листья закрыться, г-жа Люкс ощущает в руках как бы переломы, затем руки сводит.

Я повторил опыт несколько раз в течение двух часов, стараясь касаться растения тогда, когда испытуемая не могла этого видеть; каждый раз я вызывал те же явления; одно действие, более сильное, чем другие, произвело кратковременную потерю сознания.

Когда г-жу Люкс пробудили, я велел ей направить палец на конец ветки; я ущипнул воздух между ними, она ощутила щипок, и листочки ветки, как мне показалось, немного закрылись.

Когда я держал в руке горшок с растением, г-же Люкс казалось, что я держу ее за талию; ощущение становилось сильнее, когда я держал стебель, и я вызвал легкий обморок с контрактурой, когда схватил листья полной горстью.

Когда я магнетизирую растение снизу вверх, по ходу сока, ей хорошо; она приходит в смятение, когда я магнетизирую его в обратном направлении.

30 июня 1892 г. — Продолжение опытов с г-жой Люкс: явления притяжения между ее пальцами и мимозой и передачи ощущений между ней и заряженным растением.

Я магнетизировал мимозу, и мне вполне показалось и сегодня, что я заставлял ее листочки слегка закрываться, щипля их на расстоянии.

2 июля 1892 г. — Г-жа Люкс, пробужденная, не ощущает больше запаха цветка, который она зарядила своими истечениями во время сна, — вероятно, потому, что тут слишком полное созвучие. Это явление нужно проверить снова.

Ср. — В VIII томе «Библиотеки животного магнетизма» (с. 115) есть письмо г-на Ле Льера де л'Обепена к Делезу, в котором этот магнетизер рассказывает следующий случай, приключившийся с его сомнамбулой Манеттой.

«Манетта уснула в моем присутствии, коснувшись ветки мирта, предварительно магнетизированной мной, после чего я вышел. Когда я вернулся вместе с братом, который помогал мне в уходе, каким я ее окружал, я застал Манетту спящей и в припадке, которого она не предвидела.

Успокоив ее, я спросил, откуда взялся этот припадок; она ответила мне, к великому моему удивлению, что виновником его был мой брат, ибо *он проколол ногтями лист мирта, который находился с ней в магнетической связи*, и что в тот самый миг, как он это сделал, она впала в очень мучительный нервный припадок.

Прибавлю, что эта ветка мирта была удалена от больной на 6 метров».

Одна из сомнамбул д-ра Кернера, долго державшая в руке виноградную лозу, говорила, когда лозу положили на стол, что ее нужно ей вернуть, *потому что она не вполне вышла из лозы*, и что внезапное удаление предмета или человека, с которыми она находилась в связи, всегда действовало на нее мучительно. В другой раз, держа в руках ветку орешника, она сказала: «Если бы сожгли эту ветку, пропитанную моим магнетизмом, я страдала бы ужасными болями во всех частях тела и непременно умерла бы от этого. Если бы ее положили в воду, я почувствовала бы, как дрожь пробегает по всем моим членам, *вся моя сила была бы поглощена водой*, у меня была бы лихорадка, и я лишилась бы чувств. Единственное, что могло бы меня тогда спасти, — если бы мне дали выпить эту воду, и тогда силы ко мне вернулись бы». (Кернер, «История двух сомнамбул».)

5° Магниты

Опыты, которые я начал по этому предмету, еще недостаточно многочисленны, чтобы позволить вывести из них законы; по-

видимому, каждый полюс, *заряженный чувствительностью*, есть средоточие концентрических *чувствительных* слоев, отличных от одических истечений, которые испытуемый видит синими или красными.

В главе V мы видели явления переноса, произведенные с помощью магнита.

6° Кристаллы

18 марта 1892 г. — Я велю приготовить пересыщенный раствор гипосульфита натрия, чтобы посмотреть, не остановит ли кристаллизация раствора, заряженного чувствительностью, испарения чувствительности.

Я усыпляю г-жу Люкс; заряжаю раствор чувствительностью ее правой руки; г-н Ф. вызывает кристаллизацию раствора, бросив в него кристалл так, что г-жа Люкс этого не видит. Она тотчас издает крик боли и в конце концов лишается чувств, говоря, что у нее болит вся правая рука.

Примечание. Этот опыт был повторен с тем же успехом на других испытуемых; кристаллизация всегда вызывала судорожное сведение руки, которая служила для заряжания раствора.

25 марта 1892 г. — Колбу с длинным горлом, в которой был гипосульфит натрия, я поставил в шкаф. Я касаюсь поверхности кристаллов палочкой перед г-жой Люкс, которая еще ощущает прикосновение.

27 марта 1892 г. — Я оставляю г-жу Люкс в гостиной, где только что проделал над ней разные опыты; она беседует с людьми, которые просили у нее объяснений, а я, ничего не говоря, прохожу в соседнюю комнату, куда накануне, втайне от испытуемой, отнес колбу с закристаллизовавшимся

гипосульфитом. Желая узнать, по-прежнему ли он чувствителен, я с силой вонзаю кинжал в верхний слой. В тот же миг в гостиной раздается страшный крик, и г-жа Люкс, с глазами, полными слез, падает без чувств на глазах испуганных зрителей.

5 апреля 1892 г. — Закристаллизовавшийся гипосульфит едва чувствителен в состоянии бодрствования; но он еще очень чувствителен во время глубокого сна.

Я добавляю к нему воды; г-жа Люкс испытывает впечатление холода, и это ощущение держится довольно долго, быть может вследствие повторного растворения кристаллов.

Когда я взбалтываю этот раствор, г-жу Люкс мутит.

19 апреля 1892 г. — Я приготовил раствор сахара, чтобы узнать, не будет ли он удерживать выведенную вовне чувствительность лучше, чем чистая вода. — Проводя пробу с Альбером Л., я не установил ничего особенно заметного; я дал ему выпить воду, которую он зарядил, чтобы не оставлять его ослабевшим. Когда он проглотил несколько кристаллов сахара, оставшихся нерастворенными на дне стакана, он сказал, что ощущает сильные колики. Так как колики не проходили, несмотря на наложение рук и внушения, я снова усыпил его и привел в состояние, в котором он видит внутренность своего тела. Он сказал, что видит кристаллы блестящими, потому что они сгустили флюид на своих гранях, и что поэтому они слишком деятельны и жгут его. В конце концов я вылечил его, заставив проглотить много воды, чтобы растворить сахар, но он стонал полтора часа.

Этот единственный опыт следует принимать лишь с оговоркой, тем более что нужно с осторожностью относиться к свидетельству некоторых испытуемых, которые не упускают случая вызвать у своего магнетизера сочувствие к себе.

7° Ткани

2 марта 1892 г. — Г-жа Люкс была усыплена очень глубоко в бархатном кресле; пока она спала, я попросил ее пересесть в другое кресло, затем, ничего не говоря и так, чтобы она меня не видела, воткнул булавку в сиденье кресла, которое она только что покинула: она вскрикнула и отказалась сесть во второе кресло, говоря, что на сиденья положили булавки. Тогда я погладил бархат первого кресла: она покраснела, улыбаясь. Наконец я сам сел в то же кресло: ей, по-видимому, стало тяжело дышать, и она попросила меня встать, потому что я слишком тяжел. Через две или три минуты кресло уже не было заряжено чувствительностью.

8° Жирные вещества

11 июля 1893 г. — Г-жа Люкс очень быстро заряжает чувствительностью от своей руки коробку, полную колд-крема. Каждый раз, когда я касаюсь колд-крема, она испытывает тошноту и дурноту, как если бы ела жир.

Примечание I. Выведение и накопление чувствительности, установленные другими опытниками

I

В «Глубоких состояниях гипноза» (с. 39–49) я уже привел некоторое число старых свидетельств, относящихся к этому порядку фактов; вот еще другие:

«При некоторых видах истерии, осложненных сомнамбулизмом, при ясновидящих экстазах, каковы бы ни были их причины, наблюдается совершенно особое развитие

чувствительности, которое делает испытуемых восприимчивыми к ощущениям, предмет которых находится вне сферы обычного восприятия. Так, экстатики слышат звуки на значительных расстояниях, *они ощущают боли присутствующих лиц*, на них действуют приятно или мучительно, целебно или физиологически такие-то или такие-то лица своим касанием, или *приближением рук*, и даже своей волей.

Чтобы подкрепить то, что я утверждаю, достаточно было бы перебрать летописи религиозные, медицинские и магнетические, чтобы найти значительное число фактов, удостоверяющих восприимчивость некоторых людей, погруженных в различные степени экстатического состояния, к влиянию других лиц, находящихся с ними в большей или меньшей связи. Было бы легко установить, что это влияние, иной раз столь значительное, совершенно не зависит от воображения и что оно обусловлено динамическим законом». (Д-р Шарпиньон, «Анимическая медицина», с. 133.)

В 1847 году д-р Бюрк установил, что одна сомнамбула по имени Клементина, лечившаяся в больнице Божон, не могла коснуться медного предмета, не испытав ощущения ожога; меди даже не нужно было для действия соприкасаться с кожей: она производила свое действие на расстоянии 30 сантиметров и даже сквозь одеяла. (Д-р Морикур, «Руководство по металлотерапии», с. 11.)

Г-н Сосс в «Магнетической цепи» от 15 мая 1889 года рассказывает, что знал одного магнетизера, который, приведя своего испытуемого в сомнамбулизм, обходил ряды скамеек в зале, прося, чтобы ему сделали на одной из открытых частей тела какую-нибудь отметину: отметина тотчас воспроизводилась на испытуемом. «Самый убедительный опыт, какой я видел у него,

следующий: испытуемый находился на сцене, с алебастровым цветом лица малокровных; его щека и шея были очень бледны; магнетизера сильно ущипнули за шею — немедленно на шее испытуемого, тотчас и в том же самом месте, проступила очень яркая краснота; а между тем испытуемого отделяло от магнетизера расстояние около 15 метров, и люди, стоявшие между ними, преграждали всякое видимое сообщение; я находился примерно в 8 метрах от испытуемого и отчетливо различил красноту, которая, как я видел, появилась и медленно исчезла».

Гг. де Крауз, Семирадский и д-р Хигиер наблюдали *осязание на расстоянии* у Эвсапии Палладино в опытах, произведенных в Варшаве в 1894 году («Обозрение гипнотизма», 1894, с. 173).

II

Сообщение г-на Астера Дени, директора Гипнотического института в Вервье.

В субботу 13 мая 1893 года, в половине третьего дня, г-н де Роша производит при мне, в Париже, опыты выведения чувствительности вовне и околдования с молодой женщиной, которую он называет г-жой Люкс.

Условлено, что, вернувшись к себе в Вервье, я посмотрю, смогу ли я, избегая внушения, воспроизвести те же явления на женщине, очень чувствительной испытуемой, в полной искренности которой я давно убедился и которую я буду называть Алу.

31 мая, усыпив Алу как обычно, я привожу ее в более глубокий сон посредством медленных пассов, идущих от темени к подложечной ямке. Время от времени испытуемая испускает

вздохи, которые возвещают мне, что одно за другим следуют все более глубокие состояния.

Я и прежде замечал эти вздохи не без удивления и очень часто спрашивал ее по этому поводу, не страдает ли она; она всегда отвечала мне, что чувствует себя хорошо. Г-н де Роша дал мне этому объяснение: вздох у большинства сенситивов есть признак смены состояния гипноза.

После первого вздоха я спрашиваю испытуемую.

— Кто вы? — Я Алу. Вы, значит, меня не знаете, раз спрашиваете, кто я?

После второго вздоха снова:

— Кто вы? — Я — я.

— Кто это — я? — Не знаю.

— Вы знаете Алу? — Астер ее хорошо знает.

— Значит, она существует? — Она существовала.

— Ее больше нет? — Нет.

После третьего вздоха:

— Кто вы? — Я — я.

— Кто это — я? — Не знаю.

— Кого вы знаете? — Я знаю вас.

— Вы знали Алу? — Нет.

— Видели вы такого-то или такого-то? — Нет.

— Знаете ли вы других людей? — Нет.

После четвертого вздоха:

— Кто вы? — Я Астер[1].

[1] Здесь снова встречается то вторжение личности магнетизера в личность испытуемого, которое я отметил в «Глубоких состояниях гипноза», с. 20 и след.

Тогда я хожу по комнате. Испытуемая, которая сидит, беспокоится; я спрашиваю ее, что с ней. «Я хотела бы ходить», — отвечает она.

Предположив, что она захотела мне подражать, я делаю движения ртом; испытуемая снова беспокоится; на вопрос она говорит: «Я хотела бы двигать ртом».

Я прошу единственного присутствующего друга, которого заранее предупредил, чтобы избежать возможности внушения, неизбежной, если бы я сообщал свои намерения при испытуемой, ущипнуть меня за палец. Она снова беспокоится и жалуется, что ее щиплют.

Я поднимаю правую руку несколько раз и все резче: Алу кажется все более и более измученной; после усилия, по-видимому, очень сильного, ей удается самой пошевелить рукой.

Вне поля ее обычного зрения, то есть позади нее, я щиплю пустоту, все дальше удаляясь от ее левой руки, которой я позаботился не касаться. На 10 сантиметрах и на разных расстояниях до 3 или 4 метров она ощущает действие щипка. Когда я подношу пламя или колю булавкой в тех местах, где только что обнаружил чувствительность, испытуемая уверяет, что ее обожгли и укололи. Стоит мне действовать упорно, она вскакивает с криками: «Меня колют! Меня жгут!» Болевые ощущения воспринимаются даже из одной комнаты в другую при закрытой двери между ними.

Под заглавием «Гиперестезия чувствительности у загипнотизированного испытуемого» «Обозрение гипнотизма» опубликовало в своем декабрьском номере за 1893 год статью, в которой д-р М. разбирает и оспаривает явления выведения вовне и околдования г-на де Роша.

Я видел за работой г-на де Р. и его оппонента. Приемы одного совершенно отличны от приемов другого.

Д-р М. довольствуется тем, что погружает своего гиперестетика в первое состояние гипноза, более или менее

глубокое смотря по расположению испытуемого; известно, что это состояние благоприятно внушению; к тому же оператор предупреждает испытуемого о том, чего хочет от него добиться. Г-н полковник де Р., напротив, особой и продолжительной магнетизацией доводит сон до крайней степени, о которой и не помышляют те, кто занимается гипнотическим лечением. Вот почему столько врачей, несмотря на повторные попытки, не сумели произвести уколов на расстоянии.

Г-н де Р. всячески остерегается внушать; если он это и делает, то бессознательно; а его меры предосторожности так мелочно продуманы, что я не вижу, как могло бы произойти это внушение.

Когда явление выведения вовне подделывают внушением, оно происходит лишь тогда, когда испытуемый слышит звук, подающий ему знак; но это доказывает ложность явления не больше, чем умение искусно изобразить гипнотический сон доказывает недействительность самого этого сна.

Не все испытуемые способны производить выведение чувствительности вовне. Во-первых, потому что (и это общеизвестная истина) не у всех можно вызвать одну и ту же степень сна; слишком часто все, чего добиваются, — простое смыкание век. Затем, если даже глубокий сон достигнут, расположения меняются от человека к человеку; мозг, хотя и устроен по одному образцу у всего человечества, дает не у всех одинаковые способности: есть люди здравого ума и душевнобольные, сенситивы и невосприимчивые, если можно так выразиться. Поэтому не следует слишком рассчитывать, что всякий испытуемый, подвергнутый методу г-на де Роша, осуществит ожидаемое явление, будь он даже образцовым испытуемым в некоторых отношениях.

Мне, однако, удалось произвести на Алу не только выведение чувствительности вовне, как только что было видно, но и то, что называли, ссылаясь на некоторые предания, околдованием.

Вот как я поступил.

Чтобы избежать всякого выдающего звука и всякой предвзятой мысли у испытуемой, я зарядил, втайне от нее, ее истечениями предмет, мало способный привлечь ее внимание, — простое печеное яблоко, которое будто бы случайно оказалось там.

Алу всегда ощущала и точно называла то, что я делал с яблоком вне поля ее обычного зрения: укол, щипок, давление, ожог и магнетизацию.

Если явление произошло через гиперестезию, нужно признать, что эта чувствительность дошла до неведомой и весьма удивительной степени, тем более что околдование продолжало производить свои действия даже после пробуждения. Испытуемая, придя в себя, возмущалась тем, что я считаю воображаемым то, что, по ее словам, она ощущала в те минуты, когда я втайне от нее и без шума производил действия над яблоком.

Эти разные опыты были повторены несколько раз с успехом, даже тогда, когда я велел щипать и колоть перочинным ножом пустоту врачу, которого привел в связь с испытуемой.

Должен прибавить также, что мне случалось ничего не добиться при некоторых обстоятельствах, когда испытуемая или я были не расположены.

Эта испытуемая, которую я развивал особенно в сторону телепатии, дала мне весьма необыкновенные доказательства видения на расстоянии, излагать которые здесь не место; но эта способность может служить основанием для возражения.

Не прочла ли она мою мысль и не ощутила ли просто то, что, как я полагал, она должна была ощутить? Я не склонен так думать, потому что это *ясновидение* — явление гораздо более редкое и гораздо труднее объяснимое, чем другое: действие всегда ощущалось *немедленно*, когда я щипал, колол, нагревал или магнетизировал яблоко, хотя я вовсе не был заранее уверен в успехе, тогда как мне лишь изредка удавалось, когда я хотел дать мысленный приказ, а если и удавалось, то ценой продолжительных усилий.

Каково бы ни было объяснение, которое позднее дадут выведению и накоплению чувствительности, я со своей стороны считаю факт уже вполне установленным.

III

Сообщение г-на Ораса Пеллетье.

15 января 1894 года г-н Пеллетье написал мне письмо, из которого я извлекаю следующее:

«Один из моих друзей, г-н Косте, усыпил при мне посредством пассов Теофиля А., одного из моих испытуемых; он сделал его нечувствительным, жестоко щипал его, давал ему нюхать нашатырный спирт; Теофиль ничего не чувствовал. Видя, что испытуемый нечувствителен, он ущипнул его за предплечье — не за телесное предплечье, а в его излучении, примерно в 10 сантиметрах от тела. Теофиль не обнаружил никакого впечатления; он был в летаргии, как мертвый.

Тогда г-н Косте разбудил испытуемого; по мере того как тот приходил в себя, он ощущал боли в предплечье против того места, где ущипнули его атмосферу, но на руке, в той точке, где ощущалась боль, не было никакого следа щипка.

Затем г-н Косте усыпил посредством пассов другую испытуемую, молодую женщину, г-жу Гастон Б.; она прошла те же фазы, что и ее предшественник. Ее щипали за тело, давали ей нюхать нашатырный спирт: она была совершенно нечувствительна. Затем ущипнули ее атмосферу: она отлично почувствовала щипки и вскрикивала от боли. Потом взяли булавку и укололи легко, очень легко, едва задев атмосферу ее руки на 8 или 10 сантиметрах: г-жа Гастон почувствовала укол так же, как чувствовала щипки.

В другой день г-н Косте снова усыпил г-жу Гастон с помощью пассов и довел ее до глубокого состояния летаргии, в котором жизнь, казалось, совершенно ее покинула; затем он поставил на расстоянии 13 сантиметров от ее руки стакан, полный воды, стоявший на столе, и оставил его там.

Тогда пациентку щипали изо всех сил — она ничего не почувствовала, не сделала и тени движения. Ее кололи иглой в разных местах тела: в шею, в щеки, в икры, в руку — она сохраняла ту же нечувствительность. Наконец присутствующие принялись по очереди щипать пальцами поверхность воды в стакане: г-жа Б. почувствовала все щипки; для нее это было настоящей пыткой. Той же иглой, которой уже пользовались, укололи воду, и она почувствовала укол, как если бы кололи ее руку. Подняли рукав молодой женщины, обнажили тело и нашли кожу слегка поврежденной, с маленькой краснотой, чуть кровоточащей».

Примечание. — После этого письма г-н Пеллетье послал во «Всеобщий мир» (номер от 30 сентября 1894 г.) статью, в которой рассказывает, что получил те же действия уже не с помощью пассов, а с помощью простого завораживания по восточному способу.

«Я ставлю, — говорит он, — посреди столика хрустальный графин, полный воды; позади пузатой части этого графина ставлю подсвечник с зажженным огарком свечи, пламя которого видно с другой стороны сквозь пузатую часть.

Испытуемый, поддающийся гипнозу, садится у столика с той стороны, что противоположна подсвечнику, и устремляет глаза на пламя свечи; через пять-шесть минут испытуемый засыпает и остается погруженным в глубокий магнетический сон. Несколько дней назад я повторял опыт с обычным успехом, когда мне пришла мысль попробовать, не смогу ли я посредством мандеба произвести явление выведения чувствительности вовне. Я велел придвинуть к испытуемому другой стол, на расстоянии около 13 сантиметров от его правой руки, и поставил с той же стороны, у самого края стола, стакан, полный воды. Когда испытуемый уснул, я оставил его в глубоком сне и подождал некоторое число минут, примерно от шести до восьми, затем грубо ущипнул испытуемого в разных частях тела, исполняя роль настоящего палача. Испытуемый не пошевелился, он ничего не чувствовал, он был как мертвый. Другие лица по очереди так же безжалостно щипали его — он не подал никакого знака боли: нечувствительность была полная, абсолютная. Тогда я принялся сильно щипать воду в стакане: правая рука, соседняя со стаканом, сделала очень резкое движение, тогда как другая рука, левая, оставалась совершенно неподвижной. Я снова принялся мучить воду щипками, как мучил плоть испытуемого, и та же правая рука сделала движение, еще гораздо более резкое, выражавшее живую боль. Левая рука по-прежнему сохраняла неподвижность. Вероятно, если бы стакан поставили слева, а не справа, левая рука почувствовала бы боль, как правая. Лица, присутствовавшие при опыте, тоже принялись щипать воду, и в точности произошло то же явление. Та, кого я

усыпил посредством мандеба, — девочка тринадцати лет, Олимпия Массон, дочь одного из лучших моих испытуемых.

Из моей попытки следует, что она подтверждает явления, полученные г-ном графом де Р.; она доказывает, что они не покоятся на иллюзии и не являются, как некоторые воображают, действием внушения. Девочка, погруженная в сон, не знала, чего я хотел от нее добиться, и я со своей стороны вовсе не внушал ей, что она будет испытывать такую-то или такую-то боль, когда я буду щипать воду; она не подозревала, что я велел поставить рядом с ней, вблизи ее правой руки, стакан воды».

Г-н Пеллетье, возвращаясь к этим явлениям в другой статье («Всеобщий мир», 1 декабря 1894 г.), говорит, что получил их током от батареи. «После пробуждения, — прибавляет он, — испытуемые, над которыми я действую, ощущают в телесной руке последствия щипков и уколов, нанесенных мной воде в стакане, и боль держится несколько часов».

IV

Заметки д-ра Энкосса, заведующего лабораторией гипнотизма д-ра Люиса в больнице Шарите в Париже

18 ноября 1893 г.

Выведя обычными приемами чувствительность вовне у одной больной, г-жи Л., мы сближаем руки испытуемой так, чтобы обе зоны чувствительности касались друг друга и чтобы она могла ощутить соприкосновение своих рук, тогда как в соприкосновении находятся лишь чувствительные слои.

В этом состоянии мы подносим к испытуемой зажженную свечу, быстро проводя ее на уровне рук (только для того, чтобы убедиться в нечувствительности), и оставляем ее на уровне точки соединения обоих слоев выведенной вовне чувствительности.

Испытуемая жалуется тогда на сильное ощущение ожога, и после сеанса мы обнаруживаем на каждой из рук маленькую мозоль на коже, впрочем нечувствительную, но державшуюся два дня.

Маргарита Ж., лечившаяся в палатах от нервного расстройства, спустилась однажды утром в лабораторию с головой, обмотанной ватой. Она объявила нам, что со вчерашнего дня у нее сильно распухла правая щека. При осмотре мы установили первые признаки зубного нарыва. Я захотел сделать по этому поводу опыт. Я привел Маргариту в состояние глубокого гипноза (состояние связи) и вывел ее чувствительность вовне. Удостоверившись, что это выведение произошло, я взял бистури и, велев испытуемой открыть рот, нанес удар бистури в пустоту посреди рта, лезвием вправо. Затем я пробудил испытуемую и отослал ее в отделение.

Минут через пять она вернулась, держа у рта компресс, полный крови, и рассказала нам, что нарыв (который, однако, еще не созрел) вскрылся сам собой, пока она поднималась по лестнице, возвращаясь в палату.

Примечание. — Об опытах, произведенных в Шарите, можно справиться еще в статье г-на Жюста Сикара де Плозоля под заглавием «Опыты д-ра Люиса и г-на де Роша над выведением чувствительности вовне» («Анналы психиатрии и гипнологии», февраль 1893 г.).

V

Выписка из протоколов Магнетического общества Франции (заседание 26 ноября 1892 г.)

Г-н Дюрвиль говорит об околдовании у древних и о доказательстве его действительности, по крайней мере на

некоторых испытуемых. Это доказательство, говорит он, дает магнетизм.

Все магнетизеры знают, что почти все усыпленные испытуемые совершенно нечувствительны, и почти все замечали также, что часто, когда приближаются к испытуемому, тот испытывает некоторые впечатления. Но познания магнетизеров не пошли дальше этого. Полковнику де Роша суждено было заметить, что чувствительность испытуемого, исчезнувшая с поверхности тела, излучается вокруг него на некотором расстоянии, так что, когда колют или щиплют кожу, испытуемый ничего не ощущает, а когда колют или щиплют на расстоянии, он испытывает ощущение, подобное ощущению настоящего укола. Отсюда и название выведения чувствительности вовне, данное этому явлению.

Это не все: выведенная вовне чувствительность испытуемого может быть закреплена на каком угодно теле: на воде, плоде, животном и т. д.; и если колоть это тело, испытуемый ощущает укол в какой-то точке. Если вылепить восковую фигурку и с известными предосторожностями вывести на нее чувствительность испытуемого, тот ощущает малейшие прикосновения к статуэтке; а если ее уколоть, впечатление укола ощущается в соответствующей точке, и почти всегда на коже остается отметина. Г-н де Роша получает эти явления, приводя испытуемого в особую фазу сомнамбулического состояния довольно сложными приемами.

«Опираясь на мою теорию полярности, — говорит г-н Дюрвиль, — я подумал, что эти приемы бесполезны; и с помощью самого простого средства я получил на испытуемых, совершенно бодрствующих, эти странные явления, которые еще лучше показывают возможность околдования».

Полученное таким образом выведение вовне тоже может быть закреплено на разных телах, и чувствительность излучается вокруг них, как вокруг испытуемого. Более того, тень испытуемого, отброшенная лампой на стену, становится чувствительной, так что, когда ее колют на стене, на расстоянии нескольких метров, испытуемый испытывает впечатление укола в соответствующей точке. У испытуемого выведение вовне может быть сосредоточено на одном члене, перенесено с одной руки на другую, с руки на ногу и обратно. Его можно даже перенести с одного испытуемого на другого. — Это он и показывает рядом опытов с четырьмя испытуемыми, из которых некоторые, мало чувствительные, никогда не были усыплены полностью.

Г-н Демаре производит ряд опытов с наименее чувствительным испытуемым, тоже в бодрствующем состоянии. Он закрепляет чувствительность испытуемого в стакане воды и (втайне от испытуемого) погружает в него склянку лавровишневой воды, затем склянку валериановой настойки.

Известно, что лавровишневая вода вызывает экстаз у приученных испытуемых и что валериана заставляет их подражать повадкам кошки. Первое явление выразилось лишь обычными предвестниками экстаза. Действие валерианы было более быстрым и более полным.

VI

Опыты г-на Демаре

Статья, появившаяся в апреле 1894 года в «Научном обозрении спиритуалистических идей» под заглавием «Магизм», излагает явление выведения чувствительности вовне и ее улавливания в стакане воды.

«Это, — прибавляет автор, — явления обычные в лабораториях или кабинетах магнетистов, которые стремятся вырвать у сфинкса психологии все его тайны.

Явление не менее постоянное — то, которое обнаруживается с помощью восковой куклы: берут девственный воск или воск для лепки и лепят куклу — женщину или мужчину; различие делается по формам: грудь и бедра.

Ее снова вкладывают в руки испытуемого. Если взяли немного волос пациента или его слюны, действие от этого лишь полнее. Куклу оставляют в руках испытуемого до той минуты, когда его чувствительность перенесется в фигурку.

Затем берут куклу и удаляются. Все, что делают с фигуркой, испытуемый ощущает. Уколы отмечаются на его коже. Вы мешаете ему дышать, надавливая на грудь статуэтки или сдавливая ей горло.

Но вот факты еще более осязаемые.

Испытуемый сознает свое раздвоение. Его великое желание — получить фигурку обратно. Поэтому иногда наблюдают борьбу между оператором и испытуемым.

Во время одного из таких опытов, которые мы делали с г-ном Жоржем Демаре, восковую куклу доверили третьему лицу; испытуемая хочет вернуть ее, и в борьбе у фигурки отламывается голова.

Картина! Испытуемая падает на пол почти бездыханной — во всяком случае, без движения. Понадобилось очень долгое время, чтобы вернуть ее к жизни.

Но это не все. Больше восьми дней испытуемая сохраняла вокруг шеи красную линию, сравнимую с той, которую члены знати в 1795 и 1796 годах проводили себе, чтобы присутствовать

на балу казненных. Было так, как если бы ей отрубили голову, а затем приставили ее обратно.

Посмотрим другие факты.

Однажды пациентка оставляет свою фигурку и уходит. Оператор кладет статуэтку в ящик старого шкафа в холодной комнате, где зимой температура опускалась до 0.

Вскоре в ответ на письмо с приглашением приходит записка, извещающая нас, что испытуемая слегла с плевритом или бронхитом. Мы пошли к ней, и больная спросила нас, что сталось с ее статуэткой. Магнетизировав и подкрепив ее, заставив исчезнуть лихорадку, мы вернулись домой, и первой нашей заботой было потребовать статуэтку. Ее нашли в этом леднике. Ее перенесли в тепло. Через три дня испытуемая встала на ноги.

Факт не менее необыкновенный — открытие атмосферы чувствительности.

Всякий предмет, обладающий жизнью, растительный или животный, заряженный чувствительностью посредством переноса, имеет, совершенно так же как и сам испытуемый, слой, который его облекает и в котором находится чувствительность испытуемого, перенесшего на предмет всю свою чувствительность или часть ее.

Чувствительность очень тонкого испытуемого обнаруживается в его тени. Иногда, когда испытуемый обезболен, чувствительность обнаруживается в двух или трех метрах от него на стенах».

Выписка из «Жизненной силы» д-ра Барадюка, с. 112 и след. (Париж, 1893)

…Приведя испытуемого в состояние связи, я захотел перенести от первого испытуемого ко второму, также приведенному в состояние связи, психическую жизненность: лобного центра

первого в лобный центр второго; надчревного центра первого в надчревный центр второго; полового центра первого в половой центр второго — вне всякого явления внушения, исходящего от меня самого, *причем испытуемые находились в разных комнатах*.

Средством переноса служили три склянки, наполненные водой, с которыми я действовал при следующих условиях и обстоятельствах.

Леонтину приводят в состояние связи; я ставлю ей на подложечную область и между руками склянку с простой водой: два сгущающих пасса над этой водой.

Мой слуга, испытуемый, способный к выведению вовне, получает склянку и по моему приказу выпивает жидкость. Леонтина падает навзничь, как подкошенная, и я некоторое время привожу ее в себя, положив левую руку ей на подложечную впадину и призывая ее. Она отчасти приходит в чувство и выказывает непреодолимый ужас перед испытуемым, который выпил *ее жизнь*, опорожнив склянку.

Жана уводят, и, не выводя его из этой фазы, я исследую состояние, в котором он находится.

Вода издает для него страшный козлиный запах, сжимает ему горло у глотки; она вызывает у него в особенности такое возбуждение желудка, что он бросается на сырую котлету с инстинктивной потребностью есть кровавое мясо: жир, мякоть, все идет в дело; и он не ест лишь костей — потому, говорит он, что они слишком тверды для его зубов. Расспрошенный д-ром Гама и присутствующими, он отвечает, что голоден на кровавое мясо и находит его превосходным. Его обычный вкус не таков, и на следующий день он отказывается от сырой котлеты.

Выведение вовне желудочной анимы Леонтины, сгущенной в жидкости, выпитой Жаном, произвело, стало быть, у него

органическую потребность, анимическое возбуждение, передало органу усиленную деятельность, которая и побудила его есть сырое мясо с наслаждением.

Вкус и сжатие горла оставались у него на следующий день до послеполудня, когда внушение, сделанное г-ном де Р., сняло это ощущение, которое я ему оставлял, чтобы посмотреть, сколько оно продлится.

Во втором сеансе, попросив г-на де Р. вмешаться при его испытуемой, я попросил его привести Леонтину в веселое душевное расположение, чтобы посмотреть, не обнаружит ли Жан при прикосновении жидкости ко лбу сходного состояния.

Склянку с водой ставят на голову Леонтины; ей говорят о приятных ей людях, об условиях и положениях, в которых она была очень счастлива; она румяна, раскраснелась, мало внимания обращает на слова, остается рассеянной. Через несколько мгновений я подношу в соседней комнате склянку ко лбу Жана, спрашивая его, что он испытывает: «Боль в голове, тяжесть». Я ему отвечаю: «Мне нужно знать не ощущение, а мысль; испытываешь ли ты что-нибудь в этом роде?» Он отвечает: «Да, мысль дамы, которая в гостиной». Я прошу его определить мне природу этой мысли: «Это мысль хорошая, веселая: она думает о господине лет тридцати пяти — сорока, среднего роста, брюнете. — Чем он занимается? — Художник. — Где он? — Не знаю».

Г-н де Р. говорил с Леонтиной в это время; но Леонтина любила молодого человека, художника, который ее покинул, и мозг Жана, не знавшего этого факта, отразил образ и воспроизвел мысль, наиболее укоренившуюся в голове Л. и унесшуюся к художнику ее грез[2].

[2] Это объяснение д-ра Барадюка рискованно; на деле опыт удался не вполне отчетливо.

Третий опыт касается полового средоточия. На несколько мгновений склянку ставят на низ живота Леонтины, и через мгновение я беру склянку и подношу ее ко лбу Жана, который ничего не испытывает; помещенная на затылок, она вызывает недомогание, которое выражается стесненными движениями, своего рода нервным раздражением, тогда как в другой комнате Леонтина, все еще в состоянии связи, раздражена, возбуждена, и г-н де Р. ее удерживает. Поднесенная к подложечной впадине Жана, склянка производит у него потрясение; когда ее опускают к лобковой области, склянка опрокидывается. Немедленно Леонтина в другой комнате падает, со сжатыми ногами, в общей характерной судороге, из которой г-н де Р. выводит ее, погружая давлением на середину лба в религиозный экстаз, в котором она видит белые фигуры, приводящие ее в восторг.

Примечание К. Лечение приложением живых животных

Этот род лечения, который есть не что иное, как перенос, еще очень употребителен в деревнях, и недавно вышли два сочинения о зоотерапии — д-ра Хохтеттена из Ройтлингена и д-ра Ру из Лозанны.

Его не раз рекомендовали сомнамбулы. В IX томе «Архива животного магнетизма» (I, 153) мы видим, что во время лечения вдовы Петерсен д-ром Бендсеном дважды случилось, что у ее собаки в задних лапах сделались судороги, не оставлявшие ее несколько часов. Больная объявила врачу во время своего сомнамбулического состояния, что собака была заражена ею. Тогда Бендсен спросил ее, возможно ли было бы переносить по желанию ее судороги на животное. «Нужно было бы, — ответила она, — чтобы моя собака, которая, находясь всегда в

соприкосновении со мной, разделяет мои истечения, была магнетизирована одновременно со мной и чтобы ее тогда привели в соприкосновение с моими руками и ногами. В таком случае моя судорога перешла бы на нее, но с другой собакой это не удалось бы. Моя же, напротив, лежит то на моей кровати, то у меня на коленях; я ее ласкаю и иногда разжевываю хлеб, которым ее кормлю; все это приводит ее со мной в очень тесную связь животного магнетизма».

Она не захотела позволить доктору делать опыты в этом направлении, но он сделал опыт с другой больной: «Зимой 1819 года я сделал опыт с другой больной, страдавшей судорогами, и взял чужую собаку. Я положил ее к ногам больной, не магнетизируя, и, как собака ни отбивалась, ее схватили судороги. Она закатывала глаза, кривила рот и сводила лапы совершенно так, как делала больная, когда судороги схватывали ей руки и ноги. Но через две минуты она снова принялась бегать по комнате, стараясь спрятаться».

Вдова Петерсен посоветовала однажды своему доктору прикладывать ей свежее мясо при головной боли. Он сделал это несколько раз с успехом, затем отдавал это мясо то своей собаке, то соседской; каждый раз эти животные заболевали той же болезнью.

Д-р Мюллер применял для этой цели голубей; я слышал от врачей, что он с успехом пользовался этим приемом, предварительно вскрыв животному брюхо, и что мясо, примененное таким образом, разлагалось очень быстро.

Д-р Охорович собрал сходные свидетельства. «Мне рассказывали, — говорит он, — о нескольких случаях исцеления, особенно при ревматических болезнях, достигнутых исключительно соприкосновением с людьми или даже с

животными, молодыми и здоровыми. В одном случае, слишком необыкновенном, чтобы приводить его как доказательство, лекарством послужили куры, и они умерли, исцелив больного! Я упоминаю этот факт лишь затем, чтобы привлечь внимание наблюдателей к тому, что происходит каждый день в деревнях и чем врачи, быть может, напрасно пренебрегают». («О мысленном внушении», с. 220.)

То же говорил и знаменитый д-р Гуфеланд (1762–1839), который долгое время был директором Военной медико-хирургической академии в Берлине: «Наблюдая действие, производимое прикладыванием только что убитых животных к парализованным членам и живых животных к больным частям, кажется, не следовало бы отвергать этот способ лечения». («Искусство продления жизни», Йена, с. 7.)

Примечание L. Связь на больших расстояниях

Выписка из книги «Жизнь после смерти» Ж. Бессака

Как пример переноса ощущения вне всякого участия воли мы могли бы привести случай с одним несчастным, колесованным в прошлом веке, мать которого, бедная женщина, находясь более чем в 15 лье оттуда, сама ощутила все удары, которые получал ее сын, в ту самую минуту, когда их ему наносили; эту историю давно рассказал нам один достойнейший человек, сын честного члена Конвента, депутата от Ло, который был судьей в этом деле.

«Труды» (Proceedings) изобилуют фактами сходного рода, и все они опубликованы под поручительством Общества. Вот один из самых характерных, сообщенный ему г-ном профессором Рескином:

«Брантвуд, Конистон, 27 октября 1883 г.

Я вдруг проснулась, чувствуя, что только что получила сильный удар по губам, и с очень ясным ощущением, что у меня порез и что у меня течет кровь под верхней губой; я тотчас взяла носовой платок и прижала маленький уголок к больному месту. Я села, и через несколько секунд, когда я отняла платок, я удивилась, не увидев на нем крови. Только тогда я убедилась, что меня невозможно было ударить, и, так как в момент ощущения я крепко спала, решила, что это был лишь сон. Я посмотрела на часы и увидела, что было 7 часов; заметив, что Артура (моего мужа) нет в комнате, я заключила (и справедливо), что, так как погода была хорошая, он, должно быть, отправился на утреннюю прогулку в лодке по озеру. Итак, я снова заснула. К завтраку, около половины десятого, Артур вернулся, немного опоздав, и я заметила, что он нарочно сел немного дальше от меня, чем обычно, и что время от времени он украдкой подносит платок к губе, точно так, как сделала я. „Артур, — сказала я ему, — зачем вы это делаете?“ И прибавила, немного обеспокоенная: „Я знаю, что вы ушиблись, но потом скажу вам, откуда я это знаю“. — „Что ж! — сказал он. — Когда я плыл, налетел внезапный шквал, который повернул румпель, и я получил скверный удар румпелем по губам, под верхней губой; кровь текла довольно обильно, и мне пришлось остановиться“. — „А знаете ли, — продолжала я, — который был час, когда это случилось?“ — „Было, — ответил он, — около 7 часов“. Тогда я рассказала ему то, что случилось со мной, к великому его удивлению и удивлению всех, кто завтракал с нами. Это произошло в Брантвуде, около трех лет назад».

Приведенное письмо подписано: Джоан Р. Северн. За ним следует другое — от мужа этой дамы, г-на Артура Северна, выдающегося пейзажиста, который подтверждает его во всех подробностях.

Против первого из двух фактов внушения или переноса ощущения, которые я только что привел, могут, пожалуй, возразить, что мать несчастного казненного, зная о приговоре сыну и ожидая того, что произошло, могла испытать в этих обстоятельствах отраженное действие своего воображения. Я не помню, чтобы в рассказе, который мне сделали об этой истории, говорилось, что эта мать, хотя и находилась в 15 лье оттуда, не знала того, что должно было произойти. Сосредоточенность ожидания, которую причисляют к причинам, способным вызывать экстаз, каталепсию, гиперестезию и большую часть известных состояний, могла бы, если мать об этом знала, объяснить ее собственную муку, как она объясняет удостоверенные стигматы многих святых. Святой Франциск Сальский говорит о стигматах святого Франциска Ассизского: «Его душа, размягченная, умиленная и почти вся растаявшая в этой любовной скорби, оказалась через то чрезвычайно расположена принять впечатления и знаки любви и скорби своего верховного возлюбленного. Ибо память была вся проникнута воспоминанием об этой божественной любви, воображение прилежно занято тем, чтобы представлять себе раны и язвы, которые глаза тогда видели столь совершенно выраженными в представшем образе; разум воспринимал бесконечно живые образы, которые доставляло ему воображение, и, наконец, любовь употребляла все силы воли, чтобы сообразоваться и уподобиться страданию возлюбленного, отчего душа, без сомнения, оказывалась преображенной во второе распятие. И вот душа, как форма и госпожа тела, пользуясь своей властью над ним, напечатлела скорби ран, которыми была уязвлена, в местах, соответствующих тем, в которых ее возлюбленный их претерпел.

Любовь дивно умеет изощрять воображение, чтобы оно проникало до внешнего»[3].

[3] «Трактат о любви Божией», кн. VI, гл. XV.

Но второй факт, случай с г-жой Северн, не поддается никакому объяснению этого рода; здесь ощущение передалось само собой, независимо от воли одного, как и от воображения другой.

Примечание М. Приворотное зелье Марии Клевской

История сохранила нам память о безумной страсти, которую Мария Клевская, супруга принца Конде, внушила герцогу Анжуйскому. Этот принц, вынужденный покинуть Францию, чтобы взойти на польский престол, писал ей письма, пылающие нежностью, написанные кровью, которую он извлекал из пальца уколом. В тот самый день, когда он узнал о смерти Карла IX, он отправил к ней гонца, чтобы предупредить ее, что она скоро будет королевой Франции. Это обещание принесло несчастье молодой принцессе, которую вскоре (30 октября 1574 г.) унесла неведомая болезнь, начало которой возводили то к принцу Конде, ее мужу, то к королеве Марии Медичи. Генрих III впал в глубокое отчаяние; он долго носил траур по той, которую так любил, и никогда ее не забывал.

Вот как Сен-Фуа рассказывает о происхождении этой необыкновенной привязанности:

«Бракосочетания короля Наваррского, впоследствии Генриха IV, с Маргаритой Валуа и принца Конде с Марией Клевской были отпразднованы в Лувре 18 августа 1572 года. Мария Клевская, шестнадцати лет, прелестнейшей наружности, протанцевав довольно долго и почувствовав себя несколько утомленной жарой бала, прошла в гардеробную, где одна из женщин королевы-

матери, видя, что ее сорочка вся промокла, заставила ее надеть другую. Едва она вышла из этой гардеробной, как туда вошел герцог Анжуйский, впоследствии Генрих III, который тоже много танцевал, чтобы поправить прическу, и вытер лицо первым бельем, какое нашел: это была сорочка, которую она только что сняла. Вернувшись на бал, он бросил на нее взгляд и посмотрел на нее, говорят, с таким удивлением, как если бы никогда ее не видел. Его волнение, смятение, восторги и все знаки внимания, которые он начал ей оказывать, были тем удивительнее, что до тех пор он казался довольно равнодушным к тем самым прелестям, которые в эту минуту производили на его душу столь живое впечатление».

ПРИЛОЖЕНИЕ

✦

На предыдущих страницах я старался установить действительность некоторых явлений, до сих пор неизвестных официальной науке или оспариваемых ею, не только описывая наблюдения и опыты, но и показывая, что эти явления до известной степени могут быть объяснены уже известными силами и что возражения, выдвигаемые против них сегодня, во все времена выдвигались против всех открытий. В самом деле, обычно решаются наблюдать и публиковать факты лишь тогда, когда их признают возможными[4].

[4] «Вообще говоря, непостижимость физического факта вследствие его несогласия с предвзятыми понятиями не есть доказательство его невозможности или его несуществования. Умственный прогресс почти всегда состоит в том, чтобы исправлять или опрокидывать старые идеи, значительное число которых считалось очевидными в течение долгих умственных периодов… Можно было бы приводить примеры без конца. До открытия разложения воды, истинного горения и сродства калия и водорода к кислороду невозможно было представить себе вещество, которое загоралось бы при соприкосновении с водой; одним из признанных свойств воды — иными словами, частью понятия о воде — было то, что она противоположна огню. Это прежнее понятие было ложным, и когда оно было разрушено, непостижимость такого вещества, как калий, исчезла». (Сталло, «Материя и современная физика», Париж, 1884, с. 109.)

Таковы, например, факты, которые приводит д-р Х. Гудар в следующей статье, опубликованной в «Анналах психиатрии и гипнологии» (номер за январь 1895 г.).

> В декабре 1891 года я лечил мадемуазель Гальт…, учительницу двадцати пяти лет, очень образованную, очень серьезную, очень уравновешенную, страдавшую расстройствами месячных —

нерегулярными и болезненными — и разнообразными невралгиями.

Будучи свидетельницей быстрого и полного излечения гипнотическим лечением одной из своих подруг, которая вследствие расстройств пищеварения и месячных впала в настоящее истощение, не поддававшееся до тех пор никаким лечениям, она просила меня применить к ней тот же метод.

Вначале, несмотря на разнообразные попытки, мне не удалось ни добиться гипнотического сна в собственном смысле слова, ни с пользой внушать что-либо моей больной; зато она обнаружила весьма замечательные и совершенно особые способности, которые показали в ней магнетическую испытуемую первого порядка.

Неподатливая к обычным средствам, она чрезвычайно поддавалась пассам и была очень чувствительна к притяжению и вообще к действиям на расстоянии, что дало мне случай произвести, с ее согласия, разумеется, весьма интересные опыты, рассказывать которые здесь не место.

Среди прочих особенностей она видела в нормальном состоянии, как истечения, которые Рейхенбах называет одическими, выходят из ее пальцев и обильнее из моих, а также с краев и поверхности стакана воды, который она держала в руке. Мне охотно поверят, что я делал все возможное, чтобы избежать в этих исследованиях всякого внушающего влияния. Я, впрочем, всегда ставил себе правилом записывать явления такими, какими их предлагает мне случай, будучи убежден, что какой-либо метод в подобном предмете может лишь повредить точности наблюдения.

Однажды вечером (это было 18 декабря), в присутствии г-жи Б., тоже учительницы в том же заведении, я поставил упомянутую г-жу Б. между лампой и собой так, чтобы я находился в тени, отбрасываемой ею.

Мадемуазель Гальт… сама собой заявила, что видит мои глаза светящимися, подвижными и отбрасывающими длинные истечения, подобные тем, которые она до тех пор видела выходящими из моих пальцев или из своих, но гораздо более яркие.

Желая убедиться в действительности факта, я велел погасить лампу; так как сплошные ставни были закрыты, наступила полная темнота. Я попросил испытуемую давать нам отчет о своих впечатлениях. Здесь я дословно переписываю мои заметки, сделанные в тот же вечер.

«Посмотрите на меня. Что вы видите?

— Две светящиеся колонны, выходящие из ваших глаз, и, ниже, две другие параллельные колонны, ближе одна к другой… они выходят из ноздрей.

— А теперь?

— Ниже четырех светящихся колонн я вижу другой пучок *отсветов*. У вас рука около подбородка».

Это было верно.

«А теперь?

— Я вижу другой пучок, как первый, сбоку и ниже».

Это была моя левая рука, которую я только что поместил сбоку и немного ниже правой.

Мадемуазель Гальт… продолжала еще некоторое время очень точно описывать перемещения моей головы или моих рук. Темнота была такова, что г-жа Б., свидетельница, не различала ничего из моей особы, хотя находилась ближе ко мне, чем испытуемая.

Я повторял тот же опыт несколько раз с этой испытуемой, всегда с тем же успехом.

> Заметим, что мадемуазель Г. была или казалась в своем нормальном состоянии. Я говорю *казалась*, потому что думаю, что одно мое присутствие создавало особое состояние, которое она не могла определить иначе, как говоря, что чувствует себя иной.

Другие явления, о которых я считал нужным лишь осторожно намекнуть, потому что их казалось мне еще трудно излагать перед французской публикой, были, кроме того, недавно утверждены за границей с таким блеском, что мне кажется трудным не сказать о них сегодня нескольких слов, хотя бы лишь для того, чтобы дать читателю почувствовать непрочность наших гипотез, основанных единственно на свидетельстве чувств и на данных, добытых о действии уже определенных сил, — если вокруг нас действительно существуют разумные и невидимые существа или даже просто неизвестные силы, способные влиять на материю.

В 1871 году г-н Уильям Крукс установил, что один американец, Дэниел Данглас Юм, обладал необыкновенным свойством одним своим присутствием увеличивать или уменьшать вес тел, приводить их в движение, не касаясь их, производить появления форм и, в особенности, человеческих рук, видимых и осязаемых.

Когда знаменитый химик Лондонского королевского общества имел мужество утверждать[5] факты, проверенные в его лаборатории с помощью приборов и со всеми мерами предосторожности, принятыми в тех тонких исследованиях, которые создали ему научную славу, все вообще выражали сожаление, видя, что этот выдающийся ученый поражен мозговым ослаблением, касающимся лишь некоторых способностей суждения.

[5] «Исследования явлений спиритуализма».

Несколько лет спустя сходные явления наблюдались в Италии сначала кавалером Кьяйей, затем г-ном Чезаре Ломброзо, профессором медицинского факультета в Турине, у неаполитанки по имени Эвсапия Палладино; в 1893 году комиссия, собравшаяся в Милане, установила их действительность, без возможного вмешательства обмана, опытами, сделанными частью в темноте, частью при полном свете[6].

[6] Отчет комиссии был опубликован в «Анналах психических наук» (номер за февраль 1893 г.).

Эта комиссия состояла из гг. А. Аксакова, директора журнала «Психические исследования» в Лейпциге, статского советника его величества императора России; Дж. Скиапарелли, директора Миланской астрономической обсерватории; Карла дю Преля, доктора философии; Анджело Брофферио, профессора философии; Дж. Джерозы, профессора физики в Королевской высшей сельскохозяйственной школе в Портичи; гг. Эрмакоры и Дж. Финци, докторов физики.

В ноябре того же 1893 года Эвсапию пригласил в Варшаву д-р Охорович, бывший доцент физической философии Лембергского университета, который держал ее у себя до конца января 1894 года, чтобы подвергать ее контролю во всякую минуту. За эти два месяца состоялось сорок опытных сеансов, в большинстве которых приняли участие, кроме г-на Охоровича и его жены, около тридцати лиц, избранных среди видных людей всякого рода польской столицы. Среди этих лиц были генерал Сократ Старынкевич, бывший президент города Варшавы, восемь врачей, инженер-электрик, фотограф и фокусник.

Эти опыты сопровождались огромным интересом и вызвали оживленную полемику в печати, не считая собственно научных журналов, которые отказались ими заниматься.

Наблюдавшиеся явления и выводы были почти те же, что в Милане[7]. Краткий отчет о них был опубликован «Обозрением гипнотизма» (номера с июля по декабрь 1894 г.), и д-р Охорович готовит об этом книгу, в которой будут изложены все подробности сеансов.

[7] Большинство членов присоединились к трем следующим выводам:

1° Гипотеза, объясняющая все явления галлюцинацией, должна быть исключена;

2° Предположение о фокусничестве не объясняет значительного числа фактов;

3° Несмотря на господствующие предубеждения, эти явления должны быть предметом строго научного изучения.

В июле того же 1894 года г-н Шарль Рише, профессор физиологии Парижского медицинского факультета, тоже пригласил Эвсапию к себе в деревню близ Тулона.

В течение нескольких недель он исследовал ее вместе с г-ном Оливером Лоджем, членом Лондонского королевского общества, председателем отделения математической физики Британской ассоциации содействия развитию наук, г-ном Майерсом, членом Английского общества психических исследований, и г-ном Охоровичем.

Г-н Лодж только что выпустил (ноябрь 1894 г.) об этих опытах объемистый отчет, французский перевод которого, без сомнения, вскоре будет опубликован. Я ограничусь тем, что скажу здесь: один из опытников самым положительным образом утверждал мне, что видел при полном свете, в то время как он держал в обеих руках оба запястья Эвсапии, как большая рука отделилась от плеча этой женщины и несколько раз ощупала его лицо и руки.

С другой стороны, г-н Хашдеу, председатель Высшего совета народного просвещения в Бухаресте, член Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, пытается закрепить

фотографией различные состояния сгущения светящегося вещества, из которого, по-видимому, образуются призраки; для проверки полученных результатов он составил комитет из гг. К. Истрати, доктора наук и медицины, профессора университета; Этьена Михайлеско, профессора физики и генерального инспектора школ; Петрико, лиценциата наук, профессора университета; Кокулеско, лиценциата наук, профессора Нормальной школы; З. Арборе, бывшего воспитанника Медико-хирургической школы в Санкт-Петербурге; Т. Сперанции, Григоровицы и Неницеско, докторов философии; Ж. Сербулеско, Крассеско и Бурады, докторов медицины; Г. Стефанеско, профессора консерватории; Д. Неницеско, доктора права и инженера; Корною, доктора богословия; Вермона, живописца; Росси де Джустиниани, бывшего профессора философии.

Честь смелых и великодушных людей, которых я только что назвал, будет в том, что они, несмотря на враждебность, порой резкую, восстановили доброе имя науки, которую директор «Обозрения двух миров» обвиняет в банкротстве:

«В сущности, — говорит он, — науки физические или естественные обещали нам упразднить *тайну*. Но они не только ее не упразднили, а мы ясно видим сегодня, что они никогда ее не прояснят. Они бессильны, не скажу — разрешить, но хотя бы надлежащим образом поставить единственные вопросы, которые важны: те, что касаются происхождения человека, закона его поведения и его будущей судьбы. Непознаваемое окружает нас, оно облекает нас, оно сжимает нас, и мы не можем извлечь из законов физики или из результатов физиологии никакого средства хоть что-нибудь о нем узнать». («После посещения Ватикана», «Обозрение двух миров», 1 января 1895 г.)

Конечно, наука не притязает разрешить все задачи, но по меньшей мере дерзко ставить пределы ее исследованиям, и г-н Брюнетьер был бы, может быть, менее решителен в своих утверждениях, если бы прочел две книги, недавно опубликованные: одну в Монпелье д-ром Костом («Оккультные психические явления», докторская диссертация), другую в Женеве г-ном Метцгером («Научный спиритизм»).

В самом деле, неудержимо увлекаемые восходящим развитием человечества, мы проникаем в эту минуту со всех сторон, с опытными методами Запада, в тот мир ПОТУСТОРОННЕГО, который до сих пор провидели лишь сквозь простые наставления религий и сокровенные мифы Востока.